

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ФЕДОРУК

Елена Олеговна

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Научная специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель

доктор юридических наук, профессор

Архипов Владислав Владимирович

Санкт-Петербург

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Юридическая ответственность: концептуальные основы в контексте отношений с использованием носителя искусственного интеллекта.....	32
1. Основные представления о юридической ответственности в теории права ...	32
2. Состав юридической ответственности как социального явления: вопрос о носителях ИИ.....	43
3. Перспективы развития института юридической ответственности применительно к отношениям, связанным с ИИ.....	50
ГЛАВА II. Понимание сущности ИИ в контексте юридической ответственности	62
1. Семантическое значение понятия ИИ.....	62
2. Развитие представлений об ИИ. Проблема правосубъектности в контексте юридической ответственности носителей ИИ	67
3. Подход законодателя к определению ИИ	82
4. Критика наделения ИИ правосубъектностью. Понимание автономности	96
5. О возможности и целях признания правосубъектности за ИИ. Обобщение выводов	116
ГЛАВА III. Формирование концептуальных основ юридической ответственности за действия, причинённые носителями ИИ	129
1. Опыт причинения вреда носителями ИИ	129
2. Варианты решений для применения юридической ответственности в случае с правонарушениями с использованием носителей ИИ	142
3. Дихотомическое исследование ответственности за действия с участием носителей ИИ (в теории права)	167
4. Концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения ИИ	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	197

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Правовое регулирование отношений, связанных с использованием носителей искусственного интеллекта (далее – ИИ)¹, – насущный вопрос для правоприменительной деятельности и востребованная тема в среде современных исследователей наиболее актуальных направлений юридической науки. С самого первого упоминания ИИ в литературе и по сей день вопросы, связанные с философией и этикой, теорией и практикой применения компьютерных технологий, а вслед за ними – результатов алгоритмической деятельности носителей ИИ, осложнённых компонентом самообучения, – остаются дискуссионными и традиционно вызывают неоднозначные обсуждения в научной и профессиональной юридической среде. Только за 2022 год и только в России было проведено порядка десяти узкоспециализированных юридических конференций (форумов, других мероприятий), на каждой из которой поднимались темы, связанные с правовым регулированием отношений, связанных с искусственным интеллектом. Всякий раз исследователи обсуждали вопросы наделения ИИ правосубъектностью (так сложилось, что по большей части для целей разрешения проблем в области авторского права, это и звучало на мероприятиях, и прослеживалось в публикациях), с угрозами и проблемами правового регулирования в данной сфере. И это неудивительно. Сейчас деятельность носителей ИИ окружает нас повсюду: набирая письмо в электронной почте, мы можем увидеть всплывающие подсказки (например, наиболее употребляемые слова в словосочетаниях вводимых нами фраз); пытаюсь выложить неоригинальный или запрещённый контент в соцсетях – сталкиваемся с автоматическими блокировками от систем, распознающих такие виды информации; вводя параметры в программы, генерирующие текст, стихотворения, музыку или картины, – получаем произведения, которые порой не отличить от тех,

¹ В качестве носителя ИИ подразумевается любой физический либо виртуальный носитель кодов, образующих ИИ. Учитывая существование различных подходов к определению ИИ (в основной части исследования уделяется внимание их рассмотрению), автор придерживается понимания ИИ, принятого в технической сфере и не подразумевающего автономии ИИ в том смысле, в котором она присуща сознанию разумных существ, а потому для размещения кода ИИ всегда предполагается наличие носителя.

что созданы творческим трудом человека. Носители ИИ успешно «распознают» лица и голос, переводят с одного языка на другой, обыгрывают людей в шахматы и го, создают рекомендации для покупателей по использованию продуктов и даже «управляют» транспортом. Как отмечается в литературе, «в течение многих лет искусственный интеллект находился во власти грандиозных планов по воссозданию возможностей человеческого мозга. Мы мечтали о машинах, способных понимать и узнавать нас, помогать в принятии решений. В последнее десятилетие мы смогли достичь поставленных целей, но не так, как это представляли себе первопроходцы отрасли»².

При этом настоящая, а не видимая результативность ИИ сегодня, в основном, сводится к областям, связанным с технологиями больших данных (англ. «big data»), и статистике. Но, несмотря на то, что исследователи в сфере робототехники и компьютерных технологий пересмотрели основополагающее видение проблемы, а некоторые из них даже отметили, что «создали разум, но не такой, как наш»³, гуманитарии по-прежнему ищут пути «очеловечивания» ИИ, наделяя его человеческими правами, признания носителей ИИ полноправными субъектами общественных отношений. В настоящем исследовании предложена теоретическая модель осмысления института юридической ответственности через призму технологий искусственного интеллекта как неотъемлемой составляющей современной цифровой среды, но не в связи с отдельными умозрительными признаками гипотетической правосубъектности ИИ, которые многие авторы пытаются отыскать в его носителях, а путём обращения к иному теоретическому уровню постановки проблемы, который наглядно может быть представлен в следующих вопросах: кто ответственен за вред, причиненный носителями ИИ? Каковы возможные варианты определения состава юридической ответственности, если придерживаться подходов, предложенных различными исследователями ИИ

² Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / под ред. Д. Хэвен; пер. с англ. О.Д. Сайфутиновой. М., 2019. С. 41.

³ Там же. С. 41. При этом следует отметить, что, с точки зрения современных междисциплинарных исследований, словосочетание «создали разум» по-прежнему следует считать фигурой речи.

и в определенных случаях допускать возможность наделения ИИ отдельными признаками правосубъектности?⁴ И приемлем ли какой из этих подходов на нынешнем этапе развития законодательства и юридической мысли? Какой из них должен быть положен в основу теоретических представлений об ответственности, связанной с причинением вреда носителями ИИ? Допустимо ли описывать лишь теоретические модели юридической ответственности носителей ИИ, без привязки к практической реализации данных моделей? Эти и другие вопросы, связанные с трансформацией представлений о юридической ответственности, определяют содержание настоящего исследования.

М.В. Залоило, ссылаясь на ряд исследователей, прогнозирует появление в юридической доктрине «новых субъектов и квази-субъектов права в условиях цифровизации общественных отношений, новых субъектов информационного общества и общества знания, новых гибридных сущностей, задействующих как естественный интеллект человека, социальный интеллект групп населения, так и искусственный интеллект», и утверждает, что теория права столкнулась с вызовами, которые «сводятся к решению вопроса о разработке общей теории важных правовых явлений, имеющих значение для отраслевых юридических наук (например, обновлённый подход к категории правосубъектности)»⁵. Вопросы трансформации института ответственности можно также считать подобными вызовами и строить предположения о появлении в доктрине доселе не существовавших понятий и конструкций данного социального явления. Однако, возможно, наоборот, – все эти «квази-», «псевдо-», «юниты» и прочие новшества являются совершенно излишними, и концептуально в понимании ответственности ничего не нужно менять, а в теорию и доктрину права не стоит привносить новое только ради нового? Есть ли какой-то практический смысл в выработке новых понятий и концепций, или существующее правовое регулирование может оказаться

⁴ Именно проблема правосубъектности ИИ на сегодняшний день является ключевой среди ряда аспектов юридической ответственности, которая исследуется автором в контексте развития ИИ. Далее в работе данный вопрос будет освещён подробно.

⁵ Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М., 2021. С. 37-38.

достаточным и уже и так должно распространяться на отношения, возникающие вследствие причинения вреда носителями ИИ? Эта дилемма должна быть решена в рамках теории права, поэтому и было принято решение провести анализ института юридической ответственности в связи с развитием ИИ, представленный в настоящем исследовании.

Проблемы ответственности носителей ИИ интересуют не только исследователей. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р) в качестве концептуальных проблемных направлений регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники (что связано с наличием ряда проблем, не имеющих однозначного решения) выделяет ответственность за причинение вреда с использованием систем искусственного интеллекта и робототехники: «Общий вектор возможных изменений должен быть направлен на то, чтобы гарантировать эффективное и справедливое функционирование институтов юридической ответственности и распределение ответственности в случае такого причинения вреда». Принципы ответственности за решения и действия ИИ отражены в Монреальской декларации об ответственном развитии ИИ⁶ от 3 ноября 2017 года, декларируются в Азиломарских принципах ИИ 2017 года⁷. Последние из указанных документов не приняты на государственном уровне, и тем не менее, выражают общее мнение разработчиков, учёных, общественных деятелей в сфере ИИ, которые отнюдь не отказываются от возложения на себя ответственности за действия с участием носителей ИИ, к появлению и(или) работе которых они причастны. Государства и международные сообщества заинтересованы в развитии законодательства в сфере ответственности за действия с участием носителей ИИ.

⁶ Монреальская декларация об ответственном развитии ИИ от 03 ноября 2017 года (Montréal Declaration: Responsible AI) [Электронный ресурс] // Université de Montréal. URL: https://ethics.cdto.center/3_8#link210 (дата обращения: 31.05.2024).

⁷ Asilomar AI Principles. 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://futureoflife.org/ai-principles/?cn-reloaded=1> (дата обращения: 31.05.2024).

Таким образом, актуальность темы исследования может быть раскрыта в контексте следующих аспектов:

1) *Теоретический аспект.* В юридической науке отсутствует единая целостная концепция понимания особенностей юридической ответственности за действия, совершенные с использованием носителей ИИ; подходы к составу юридической ответственности за вред, причиненный с использованием носителей ИИ – различны и противоречивы; предлагаемые отдельными авторами подходы к решению данных проблем, основанные на установлении особого рода правосубъектности, нуждаются в критическом осмыслении. В то же время, отраслевые юридические науки должны иметь единую основу в понимании ответственности в сфере активности носителей ИИ для дальнейших выводов в рамках отдельных видов ответственности и по отдельным её составам;

2) *Нормативный аспект.* Нормы действующего законодательства о юридической ответственности относятся к числу наиболее разработанных, поскольку являются частью межотраслевого правового института, складывающегося на протяжении долгого времени. В то же время, в науке отмечается представление (выступающее в качестве предмета критического анализа), согласно которому нормы об ответственности за деяния, совершенные с использованием ИИ, являются неразработанными в силу, с одной стороны – «лоскутного» правового регулирования сферы применения ИИ⁸, с другой –

⁸ Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года среди девяти отраслевых направлений правового регулирования – только в четырех затрагивает вопросы ответственности за вред, причиненный с использованием систем ИИ и робототехники: 1) охрана здоровья граждан (проблема распределения ответственности за вред здоровью пациента, наступивший в результате применения технологий искусственного интеллекта и робототехники в процессе оказания медицинской помощи, вследствие отсутствия законодательно установленного перечня случаев, при которых допускается полное или частичное принятие решений с применением систем искусственного интеллекта и робототехники); 2) законодательство в сфере транспорта (ответственность в случае нанесения вреда со стороны высокоавтоматизированных транспортных средств); 3) градостроительная деятельность (оценка сведений о здании, установленном оборудовании, эксплуатационных режимах, рисках и ответственности эксплуатирующей организации за нештатные ситуации) и 4) законодательство в финансовой сфере (здесь Концепция предлагает особые условия распределения ответственности игроков финансового рынка при применении систем искусственного интеллекта – в формате «регуляторных песочниц»). Таким образом, базовые вопросы или принципиальные направления ответственности за вред носителей ИИ в

отсутствия конкретных практических предложений со стороны прикладных исследователей. Вопрос о том, необходимы ли такие нормы в целом или нет, – один из основных вопросов настоящего исследования. Положение дел, предполагающих актуальность данного вопроса, как раз и может быть следствием недостаточной теоретической проработки проблем трансформации юридической ответственности в связи с развитием ИИ;

3) *Практический аспект*, связанный с непосредственной реализацией специального нормативного регулирования в рассматриваемой сфере (а также общего нормативного регулирования применительно к рассматриваемой сфере), о чём говорить на данный момент преждевременно в силу отсутствия отдельного специального нормативного регулирования, – хотя надо отметить, что возможности и механизмы применения общих норм об ответственности уже рассматриваются.

Появление настоящей работы обусловлено состоянием теоретико-правовой науки в отношении рассматриваемой темы. Многими авторами выдвигается *гипотеза* о том, что появление, развитие и широкое распространение технологий ИИ требует пересмотра фундаментальных концепций из области теории права. Это неудивительно, поскольку подобные гипотезы возникают в юридической науке естественным образом по мере научно-технического прогресса в отношении каждой новой технологии.⁹ Одна из ключевых задач исследования и заключается в том, чтобы исследовать данную гипотезу и, в итоге, определить, допустимо ли говорить о трансформации института юридической ответственности в связи с ИИ на уровне теории права, и если да – то в каком конкретно смысле и в каких объемах.

секторе государственного и муниципального управления, при реализации концепции «умного города», в сфере промышленности, в области космической деятельности, а также в иных направлениях не нашли отражения в Концепции.

⁹ Например, в 1990-х гг. были распространены дискуссии относительно того, что Интернет, возможно, изменит подходы к применению национального права в контексте международного взаимодействия. В то же время, по итогам, развитие Интернета в этом ракурсе привело, скорее к точечным изменениям в теоретических подходах к осмыслению пределов действия нормативных правовых актов в пространстве и по кругу лиц. Это немало, и такие изменения нуждаются в концептуализации на уровне отдельных исследований, однако верифицируемые изменения оказались, в конечном счете, не такими масштабными, как ожидалось. Полагаем, что в случае с институтом юридической ответственности в области ИИ ситуация аналогична.

В настоящей работе при этом не ставилась цель систематизации нормативных правовых актов либо выработки конкретных законодательных норм. Автор проводит исследование институциональных составляющих юридической ответственности, в отношении которых учёными предпринимаются попытки концептуальных видоизменений на уровне теории права. Однако данные аспекты влияют, как минимум, на значимость первого, теоретического аспекта исследования, и второго – законодательного.

Степень разработанности темы исследования. Анализируя юридические вопросы, связанные с ИИ в том ракурсе, который соответствует предметной направленности настоящего исследования, авторы, чаще всего, останавливаются на отдельных узких темах, больше всего уделяя внимание его правосубъектности. Одним из ярких таких примеров последних лет, являющим собой всестороннее исследование проблемы (с довольно спорными, но от этого не перестающими быть интересными концептуальными выводами), можно назвать диссертационное исследование П.М. Морхата о «юнните» ИИ (и вышедшие на его основе монографии по ИИ). Есть и другие крупные формы, объединяющие исследования различных аспектов юридического статуса носителя ИИ, но не являющих собой единое целое: чаще всего, это монографии, отдельные параграфы которых написаны разными авторами, ввиду чего часто не представляется возможным считать, что в данных источниках всесторонне исследуется одна фундаментальная проблема, а исследования объединены общей «сквозной» идеей), хотя, несомненно, они представляют собой актуальный материал, востребованный и даже обязательный для изучения при формировании позиций для системного анализа (речь о коллективных монографиях, например, о трансформации права в цифровую эпоху под ред. А.А. Васильева; правовых и этических аспектах разработки и применения систем ИИ и робототехники под ред. В.Б. Наумова; междисциплинарном исследовании фундаментальных проблем и прикладных задач ИИ – грантовый проект РФФИ № 18-29-16193; монография И.Р. Бегишева и З.И. Хисамовой об уголовно-правовых и криминологических аспектах использования ИИ в преступных целях, и мн.др.). Объёмные труды современных авторов –

С.А. Синицына (о состоянии российского и зарубежного гражданского права в условиях роботизации и цифровизации) Р.В. Душкина (о технологиях ИИ и их текущем состоянии), Д.В. Бахтеева (об этико-правовых основах ИИ), Е.В. Пономаревой (о квазисубъектах права), Н.А. Скребневой (о теоретических аспектах юридической ответственности в публичном и частном праве) и других исследователей – легли в основу понимания подходов как к самому ИИ, так и к вопросам юридической ответственности в данной сфере. Отдельные аспекты юридической ответственности носителей ИИ затронуты в трудах А.А. Антонова, Н.Н. Апостоловой, В.В. Архипова, С.С. Гороховой, А.Г. Кибальника, М.А. Лапиной, В.А. Лаптева, А.В. Незнамова, Н.В. Незнамовой, Р.Ш. Рахматулиной, Е.А. Свиридовой, Е.Д. Селивановой, О.Р. Скопенко, Е.Ю. Цукановой, В.К. Шайдуллиной и других авторов. Особо хочется отметить расширяющуюся с каждым годом базу *отраслевых* исследований по теме ответственности в сфере ИИ: так, М.А. Мельничук, Д.В. Ченцова, И.Н. Ирискина, К.О. Беляков интересуются изучением гражданско-правовой ответственности ИИ, Д.А. Кравцов, И.Н. Мосечкин и И.Р. Бегишев занимаются проблемами уголовной ответственности ИИ: И.Р. Бегишев посвятил вопросам уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой, докторскую диссертацию (огромный пласт его диссертационного исследования посвящен вопросам понимания ИИ и ответственности за действия его носителей). А вот в учебных материалах тема ответственности в сфере регулирования отношений с ИИ зачастую не освещается вовсе¹⁰.

В отдельную группу источников можно выделить исследования иностранных авторов. В зарубежных трудах вопросы применения санкций (по отношению к людям и их действиям) с использованием ИИ особенно остро звучали несколько лет назад. Так, например, норвежский исследователь Кристофер О. Хернэс, директор по цифровым технологиям Sbanken (первого норвежского цифрового

¹⁰ См.: Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород, 2020; Основы искусственного интеллекта: учебное пособие / Е.В. Боровская, Н.А. Давыдова. 4-е изд., электрон. М., 2020 и др.

банка) ещё в 2015 году в своей статье о принципах работы ИИ в области финансовых технологий («финтехе») спрашивал: «Вы бы позволили роботу обеспечить ваше финансовое будущее?»¹¹; Джон Кингстон (Университет Ноттингем Трент, Великобритания) уже в 2016 году задавался вопросом, какие законы будут применяться, если самоуправляемый автомобиль убьет пешехода¹². Среди зарубежных авторов можно отметить интерес непосредственно к прикладным аспектам применения ИИ: по всей видимости, это обусловлено более ранним распространением информации о разработках в области ИИ за пределами специализированных исследовательских учреждений за границей и ориентацией на их более широкую и более скорую коммерциализацию, и, как следствие, ранее сформированными практическими проблемами (дискриминация при проведении оценки физических лиц, недостоверный анализ перспектив рецидива, аварии с автономно пилотируемыми транспортными средствами и мн.др.). Помимо этого, настоящее исследование опирается на целый ряд иностранных источников, среди которых есть как относящиеся к предыдущим периодам фундаментальные (А. Тьюринг, Дж. Сёрл, Д. Деннетт, Дж. Фэйрфилд и др.), так и современные исследования (Дж. Демпси, М. Клауссен-Карлссон, Э. Лавалье, У. Пагалло, Г. Хэллеви, С. Честерман и др.), хотя в силу общей «исторической молодости» темы возможны альтернативные взгляды на периодизацию данной категории источников.

Что касается имеющих непосредственное отношение к заявленной тематике вопросов юридической ответственности, то теория права обладает богатейшей историей изучения данного направления и многообразием теоретических подходов. Фундаментальные и прикладные концепции юридической ответственности описаны в трудах С.С. Алексеева, Я.В. Бакарджиева, С.П. Бортникова, А.С. Бондарева, С.Н. Братуся, А.Ф. Вишневого,

¹¹ Hernaes O. Would you let a robot secure your financial future? [Электронный ресурс] // Hernaes.com. 2015. 19 августа. URL: <https://hernaes.com/2015/08/19/would-you-let-a-robot-secure-your-financial-future/> (дата обращения: 31.05.2024)

¹² Kingston J. Artificial Intelligence and Legal Liability // ResearchGate. November, 2016. DOI: 10.1007/978-3-319-47175-4_20

Ю.И. Гревцова, Д.Е. Захарова, А.А. Иванова, О.С. Иоффе, О.Э. Лейста, Д.А. Липинского, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной, Т.Н. Радько, В.А. Тархова, Р.Л. Хачатурова, А.А. Чистякова, А.П. Чиркова, М.Д. Шаргородского, Л.С. Явича и других авторов. Анализ данных источников показал, что проблемы юридической ответственности глубоко проработаны на общетеоретическом уровне, однако вопросы, связанные с ответственностью носителей ИИ, исследуются лишь в отдельных аспектах, либо (и это происходит чаще всего) не затрагиваются вовсе. С одной стороны, они и не могли затрагиваться при формировании концепций юридической ответственности, которые на сегодняшний день признаны в теории права фундаментальными. С другой стороны, может возникнуть вопрос о том, действительно ли фундаментальные аспекты в данной области должны измениться в связи с развитием технологий ИИ, или контекст данных технологий должен быть проигнорирован на уровне высоких теоретических обобщений, подобно тому, как многие другие примеры технологического развития, появлявшиеся по мере формирования фундаментальных концепций в области юридической ответственности, заслуженно не были учтены в них, поскольку не могли поменять сути этих концепций.

Теоретическая основа исследования. Теоретическую основу исследования, помимо трудов вышеуказанных авторов, составили работы А. Алексейчука, П.П. Баранова, А.А. Васильева, Е.А. Войникайнис, И.В. Воробьевой, А.В. Габова, Г.А. Гаджиева, Е.А. Громовой, Дж. Захарии, Г.Г. Камаловой, Л. Каплана, С. де Конки, К. Манхайма, О.И. Мирошниченко, А.В. Незнамова, В.Д. Салахутдинова, О.А. Серовой, С.М. Солаймана, П.Х. Уинстона, И.А. Хавановой, Д. Шпопера, Р.В. Ямпольского, О.А. Ястребова и многих других исследователей.

Нормативную и эмпирическую базу исследования составляют:

1) российское и зарубежное законодательство и иные официальные документы государственного, межрегионального и международного уровня (в том числе аналитические документы и документы стратегического планирования) в сфере

регулирования ИИ, такие как Резолюция Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике», Федеральный закон Российской Федерации от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»; Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г., Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года; Регламент Европейского союза об ИИ от 13 марта 2024 г. (EU Artificial Intelligence Act); Резолюция Европейского парламента 2017 г. «Гражданско-правовые нормы в отношении робототехники» (European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics 2015/2103(INL): P8_TA-PROV (2017)0051); и др.;

2) материалы зарубежных и международных межправительственных соглашений и заключения по итогам исследований (главным образом, аналитические отчёты и рекомендации), в частности: Рекомендация Совета ОЭСР по ИИ (2019 г.) и приуроченное к ней исследование ОЭСР «Artificial Intelligence in Society»; Декларация о сотрудничестве в сфере ИИ (Брюссель, 2018 г.); Монреальская декларация об ответственном развитии ИИ (Монреаль, 2017 г.); Белая книга «Об искусственном интеллекте – Европейский подход к совершенству и доверию» (2020 г.) и др.;

3) данные правоприменительной практики, а также иных открытых информационных источников (в том числе, новостных) о причинении вреда носителями ИИ.

Объект исследования составляют общественные отношения, возникающие по поводу юридической ответственности, связанной с причинением вреда носителями ИИ.

Предмет исследования: теоретические подходы к вопросу юридической ответственности ИИ и (или) носителей ИИ; правовые нормы, предметом которых

является юридическая ответственность в сфере отношений по поводу использования носителей ИИ.

Цель работы – на основе комплексного теоретического анализа правовых норм и концептуальных подходов подтвердить или опровергнуть гипотезу о трансформации института юридической ответственности в контексте развития ИИ, выявить особенности данного процесса, и, ориентируясь на современное состояние теории права, выработать наиболее приемлемую и практически применимую общетеоретическую концепцию юридической ответственности в сфере причинения вреда носителями ИИ.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи исследования**:

– на основе анализа развития представлений об ИИ в юриспруденции и других смежных областях научных знаний, а также в разрезе российского и зарубежного нормативно-правового регулирования, - выбрать (или сформулировать) понятие носителя ИИ, определив его возможное место в структуре юридической ответственности;

– оценить приемлемость современного понимания ИИ в юридической науке с позиции семантического значения данного словосочетания (в том числе, с точки зрения предполагаемой некоторыми исследователями гипотетической правосубъектности стоящего за ним явления), не отвлекаясь, однако, от контекста юридической ответственности;

– рассмотреть существующие в теории права и междисциплинарных исследованиях концепции ответственности носителей ИИ и определить их допустимость для целей выработки единой концепции;

– выяснить (поскольку среди исследователей имеется расхожее убеждение, что конкретных правонарушений, выражающихся в причинении вреда искусственными интеллектуальными системами, на самом деле немного¹³),

¹³ См.: Камалова Г.Г. Юридическая ответственность и этика в сфере применения отдельных видов систем искусственного интеллекта и робототехники // Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники:

действительно ли имеющегося опыта причинения вреда с участием носителей ИИ недостаточно для выработки единой концепции ответственности в данной сфере на основе эмпирических данных, а также для принятия соответствующего законодательства, регламентирующего вопросы ответственности носителей ИИ;

– исследовать и обобщить предлагаемые в теории права варианты решений в области применения юридической ответственности в отношении носителей ИИ или решения, следующие из общетеоретических концепций;

– обосновать, опираясь на имеющиеся в теории права подходы к юридической ответственности, дуальную природу ответственности за действия с участием носителей ИИ, для чего провести её дихотомический анализ¹⁴;

– выработать теоретико-правовые основы концептуализации юридической ответственности в сфере применения ИИ на уровне теории права.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составляет всеобщий диалектический метод научного познания теоретико-правовых представлений об ответственности применительно к отношениям, осложнённым наличием (использованием) ИИ. Используются общенаучные (формальная логика, обобщение, сравнение, формализация, аналогия, классификация, прогнозирование, моделирование, анализ и синтез) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный) методы познания; метод аналитических исследований (в частности, анализ нормативно-правовой базы, печатных и электронных изданий); метод теоретико-правового моделирования.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным подходом в работе, использованием не только узкоотраслевых юридических концепций (из области права интеллектуальной собственности, подходов к гражданско-правовой

история, современное состояние и перспективы развития: монография / под общ. ред. В.Б. Наумова. СПб., 2020. С. 85.

¹⁴ На уровне теоретических воззрений дихотомия юридической ответственности за действия с участием носителей ИИ выражается: 1) в ретроспективном и проспективном проявлении; 2) в формировании субъекта и субъективной стороны ответственности; 3) в понимании объективной стороны (фактического и юридического основания) юридической ответственности. Также исследуются причины проблематичности применения договорной и внедоговорной ответственности к отношениям с участием ИИ – с позиции европейской правовой традиции.

ответственности и т.д.) или даже общетеоретических концепций, но также и расширением области познания в направлении математики и информатики (и выработанных в данных областях принципов), практики экспериментального регулирования ответственности за действия с участием носителей ИИ, а также ценностной составляющей юридической ответственности. Оценивая более детально научную новизну настоящей работы, следует выделить следующие её элементы, впервые отражённые автором в исследовании:

- исследование семантического значения словосочетания «ИИ» как самостоятельного основания для понимания предмета исследования;
- применение нетрадиционного для теоретико-юридических исследований (опирающихся при решении вопроса о юридической ответственности ИИ на его правосубъектность и автономность) подхода рассмотрения носителя ИИ в контексте юридической ответственности (уход от наделения правами и формирования квазисубъекта к первичной постановке вопроса именно об ответственности как межотраслевом институте);
- формулирование понятия ИИ исходя из его сущностных характеристик и практического применения, а не на основе исключительно умозрительного понимания и компиляции имеющихся теоретических определений;
- дихотомическое деление как метод исследования¹⁵ в теоретическом представлении о юридической ответственности носителей ИИ;
- анализ известных примеров причинения вреда носителями ИИ на протяжении исследуемого периода;
- обобщение и классификация вариантов решений для применения института юридической ответственности в отношении деяний, совершенных с использованием носителей ИИ;
- формирование концептуальных основ института юридической ответственности в сфере применения ИИ с учетом имеющихся международных законодательных инициатив и сформированных разработчиками и исследователями ИИ принципов, а также ценностного содержания права.

¹⁵ Имеется ввиду один из методов формальной логики, используемый в философии.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в работе представлен системный, основанный на фундаментальных концепциях теории права анализ применимости классических представлений о юридической ответственности к деяниям, совершенным с использованием носителей ИИ. Впервые на уровне монографического исследования представлен опыт критического осмысления ставшей уже «традиционной» для теории права и междисциплинарных исследований гипотезы о необходимости разрешения проблемы юридической ответственности в данной области через установление правосубъектности ИИ. Рассмотрен вопрос о возможности постулировать трансформацию юридической ответственности в контексте развития сущностного понимания ИИ с практической стороны; в этих целях обобщены и систематизированы имеющиеся в теории права подходы к правовому режиму ИИ в контексте понимания юридической ответственности за деяния, совершенные с использованием носителей ИИ; проанализированы и приведены к концептуальному обобщенному изложению варианты решений для применения юридической ответственности в отношении деяний, совершенных с использованием носителей ИИ, выбран и обоснован оптимальный вариант; в теоретических воззрениях выявлена и описана дуальная природа юридической ответственности, которая выражается: 1) в ретроспективном и перспективном свойствах; 2) в формировании субъекта и субъективной стороны ответственности; 3) в понимании объективной стороны (фактического и юридического основания) юридической ответственности; сформулированы концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения ИИ. Сделанные в работе выводы могут послужить основой для дальнейших научных разработок в области теории права и отраслевых исследованиях юридической ответственности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных в результате проведенной работы результатов в процессе совершенствования действующего законодательства, в том числе разработки новых нормативно-правовых актов, регламентирующих ответственность в сфере применения ИИ, а также направленных на решение

смежных вопросов. Кроме того, исследовательские выводы могут быть включены в учебный материал при проведении лекционных и семинарских занятий для студентов юридических вузов по дисциплинам «Теория и история государства и права», «Информационное право», а также специализированным дисциплинам, полностью или в части посвященным правовым проблемам применения технологий ИИ.

Апробация результатов исследования осуществлялась в следующих основных направлениях:

1. Положения диссертационного исследования были представлены на следующих научных и научно-практических мероприятиях:

– II Международный Форум Фестиваль «Интеллектуальная собственность для будущего» (г. Санкт-Петербург, 22-29 апреля 2021 г.), тема доклада: «Онлайн-бизнес и проблемы защиты интеллектуальных прав» (англ. «Online business and IP protection issues»);

– III Международная конференция молодых учёных «Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее» (г. Москва, 28 октября 2021 г.), тема доклада: «Некоторые проблемы ответственности искусственного интеллекта в связи с неопределенностью его правового статуса»;

– X Международный IP Форум (г. Москва, 18-19 февраля 2022 г.), тема доклада: «О наделении искусственного интеллекта авторскими правами: мнения, критерии, тенденции в науке и международной правоприменительной практике»;

– Международная научно-практическая конференция «Автор в современной экосистеме интеллектуальной собственности» (г. Москва, 21 апреля 2022 г.), тема доклада: «Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав»;

– II Международный Форум Фестиваль «Интеллектуальная собственность для будущего» (г. Санкт-Петербург, 21-28 апреля 2022 г.), тема доклада: «К вопросу о предоставлении авторских прав искусственному интеллекту: мнения, критерии» (англ. «On granting artificial intelligence copyrights: opinions, criteria»);

– Всероссийская конференция «Онлайн-бизнес: юридическое сопровождение» (г. Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2022 г.), тема доклада: «Правовые вопросы блокчейн-технологий, искусственного интеллекта, NFT и других современных явлений»;

– XV Международная конференция «Право и Интернет» (г. Москва, 27-28 октября 2022 г.), тема доклада: «Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта в контексте юридической ответственности»;

– VII Международная научно-практическая конференция «Наука, общество, технологии: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире» (г. Петрозаводск, 17 ноября 2022 г.), тема доклада: «Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта в контексте юридической ответственности»;

– III Международный Форум Фестиваль «Интеллектуальная собственность для будущего» (г. Санкт-Петербург, 18-26 апреля 2023 г.), тема доклада: «Авторство ИИ: тенденции в правоприменительной практике»;

– XIV Международный научно-практический Форум «Дни интеллектуальной собственности в Северо-Западном Федеральном округе» (г. Санкт-Петербург, 17-26 апреля 2023 г.), тема доклада: «Эволюция понимания аспектов авторства, связанных с применением искусственного интеллекта, в США»;

– III Международная научно-практическая конференция «АВТОР/AUTHOR – 2023» (г. Москва, 27-28 апреля 2023 г.), тема доклада: «Вопросы авторства, связанные с искусственным интеллектом: международная правоприменительная практика»;

– 4.0 Международная научно-практическая конференция «Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (г. Москва, НИУ ВШЭ, 24-25 мая 2023 г.), тема доклада: «Вопросы ответственности за деятельность носителей ИИ»;

– Россия. Искусственный интеллект. 2023. Первый профессиональный российский форум об искусственном интеллекте (г. Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова, 06 июня 2023 г.), тема доклада: «Искусственный интеллект: концепция “Младший брат”»;

– Третий всероссийский форум успешных цифровых практик в образовании «Формирование, воспитание и развитие личности в эпоху искусственного интеллекта» (онлайн-формат, 09-10 августа 2023 г.), тема доклада: «Концепция “Искусственный интеллект – младший брат”»;

– Конференция «Аналитика Big Data & Artificial Intelligence Day 2023» (г. Москва, TAdviser: Государство. Бизнес. ИТ, 10 октября 2023 г.), тема доклада: «Возможна ли ответственность носителей искусственного интеллекта»;

– XXXII международная научно-практическая конференция «Медиаправо – 2023» (г. Москва, НИУ ВШЭ, 07-08 декабря 2023 г.), тема доклада: «Вариативность элементов состав юридической ответственности с участием носителей искусственного интеллекта»;

– IV Специализированная выставка «Робототехника и искусственный интеллект» (г. Москва, ОВК «Бизон», 12-13 марта 2024 г.), тема доклада: «Правовое регулирование ответственности при применении ИИ: от теории к практике»;

– IV Международный Форум Фестиваль «Интеллектуальная собственность для будущего» (г. Санкт-Петербург, 21-28 апреля 2024 г.), тема доклада: «Правовое регулирование ответственности при применении ИИ в сфере авторских прав: от теории к практике».

2. Выводы и основные положения диссертации были опубликованы в течение 2021-2024 г.г. в 7 работах, в том числе, в 5 научных статьях в рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень ВАК:

1) Федорук Е.О. О проблемах ответственности искусственного интеллекта в связи с неопределенностью его правового статуса // Сборник материалов III Международной конференции молодых ученых «Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее». / ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», г. Москва, 28 октября 2021 г. / под ред. О.А. Флягиной. – М.: ФГБОУ ВО РГАИС, 2021. С. 133-141.

2) Федорук Е.О. Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав //

Труды по интеллектуальной собственности: Научный журнал кафедры ЮНЕСКО ВШЭ по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Том 41. 2022. № 2. С. 90-97. (Издание включено в перечень рецензируемых ВАК.)

3) Федорук Е.О. Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта в контексте юридической ответственности // НАУКА, ОБЩЕСТВО, ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (17 ноября 2022 г.). – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. С. 115-123.

4) Федорук Е.О. Эволюция понимания аспектов авторства, связанных с применением искусственного интеллекта, в США // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. № 2. С. 14-19. (Издание включено в перечень рецензируемых ВАК.)

5) Федорук Е.О. Вопросы авторства, связанные с искусственным интеллектом: международная правоприменительная практика // Труды по интеллектуальной собственности: Научный журнал кафедры ЮНЕСКО ВШЭ по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Том 45. 2023. № 2. С. 103-112. (Издание включено в перечень рецензируемых ВАК.)

6) Федорук Е.О. Вариативность элементов состава юридической ответственности с участием носителей искусственного интеллекта // Образование и право. 2024 год. № 5. С. 296-300. (Издание включено в перечень рецензируемых ВАК.)

7) Федорук Е.О. Концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения искусственного интеллекта // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 50-54. (Издание включено в перечень рецензируемых ВАК.)

3. При освоении программы дополнительного образования СПбГУ «Управление интернетом» (в рамках Летней школы по управлению интернетом, организованной Координационным центром доменов .ru / .рф совместно с СПбГУ, июль-август 2023 года) положения исследования использованы для подготовки и представления аналитического эссе (научный доклад) на тему «Генеративный ИИ:

вопросы понимания субъектности ИИ и авторства объектов интеллектуальной собственности, созданных с помощью генеративного ИИ» (опубликовано в числе лучших эссе на сайте с результатами программы: <https://summerigschool.cctld.ru/results/>).

Структура диссертации, отражающая цель и задачи исследования, представлена введением, тремя главами, включающими 12 параграфов, заключением и библиографическим списком.

Основные научные результаты исследования:

1) Место носителя ИИ в структуре юридической ответственности, равно как и обоснование отсутствия у него правосубъектности, определено автором на основе ценностного подхода к содержанию юридической ответственности, что в теории права сделано впервые применительно к правоотношениям, осложнённых наличием носителя ИИ¹⁶.

2) Приемлемость современного понимания ИИ в юридической науке оценена путём аналитической философии языка – с позиции семантического значения данного словосочетания, что позволило опровергнуть существующие теоретические допущения правосубъективизации носителей ИИ (придания им статуса субъектов права), которые, к сожалению, уже вышли на уровень тезисов в соответствующих параграфах академической учебной литературы, что порождает дальнейшие когнитивные искажения в среде молодых учёных и необоснованные выводы о наличии правосубъектности у ИИ¹⁷.

3) Недопустимость субъективизации ИИ углубленно рассмотрена на примере одной из наиболее востребованных у современных исследователей ИИ сфер – применения интеллектуальных прав. Автор в числе первых исследователей перевёл первое в мире Руководство по регистрации авторских прав в отношении работ, содержащих материалы, сгенерированные искусственным интеллектом (издано

¹⁶ См. § 4 главы III. С. 190-194.

¹⁷ См. § 1 главы II. С. 62-66.

Бюро авторских прав США 16 марта 2023 года) и представил анализ подходов данного ведомства на уровне научного исследования¹⁸.

4) Вопреки наличию распространенного мнения в исследовательской среде о небольшом количестве конкретных правонарушений в сфере деятельности ИИ, доказана достаточность эмпирических данных о причинении вреда носителями ИИ – для принятия соответствующего законодательства, регламентирующего вопросы ответственности носителей ИИ¹⁹.

5) Выделено и проанализировано понятие состава юридической ответственности, исследованы варианты возможного места и роли носителя ИИ в данном составе. В зависимости от формирования субъекта (что соответствует субъекту правонарушения), понимания фактического и юридического состава (что соответствует объективной стороне правонарушения), в порядке академического допущения существования мнений по вопросам ответственности, автором выведены различные варианты состава юридической ответственности с участием носителя ИИ²⁰.

6) Обоснована недопустимость подмены признака автономности в юридическом контексте – автономностью в смысле технического признака предмета (это, к сожалению, допускается подавляющим большинством авторов по отношению к ИИ и его носителям). Автор наглядно показал разницу реконструирования автономности как осмысленной правовой категории и подмену её автономностью в техническом значении²¹.

¹⁸ См.: § 3 главы I. С. 55-61. Результат представлен в научной публикации: Федорук Е.О. Эволюция понимания аспектов авторства, связанных с применением искусственного интеллекта, в США // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. № 2. С. 14-19.

¹⁹ См.: § 1 главы III. С. 129-142.

²⁰ См.: § 2 главы III. С. 142-167. Результат представлен в научной публикации: Федорук Е.О. Вариативность элементов состава юридической ответственности с участием носителей искусственного интеллекта // Образование и право. 2024. № 5. С. 296-300.

²¹ См.: § 4 главы II. С. 108-116. Результат представлен в научной публикации: Федорук Е.О. Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав // Труды по интеллектуальной собственности: Научный журнал кафедры ЮНЕСКО ВШЭ по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Том 41. 2022. № 2. С. 90-97.

7) Выработаны и предложены теоретико-правовые основы концептуализации юридической ответственности в сфере применения ИИ²², что является главным достигнутым автором результатом настоящего исследования, который может быть использован в дальнейших исследованиях ответственности ИИ (в отраслях права и юридической науки).

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать **положения, выносимые на защиту**²³:

1. В центре системы современной правовой парадигмы находится человек, наделенный волей и осознающий себя как ответственного субъекта права. В случае ответственности иного субъекта – в любом варианте – будет присутствовать неразрывная связь с этим «осознанным и волевым человеком», способным переживать юридическую ответственность, признавать и нести её. Существование субъекта права (человека) как главное условие наличия самого права, находит развитие в принципе взаимного правового признания, что обуславливает необходимость его дальнейшей реализации во всех юридических отраслях, что особенно актуально для концептуального построения института юридической ответственности (в том числе, когда речь идёт об ответственности с использованием носителей ИИ). Подмена или замена правосубъектности иными основаниями для развития теоретических представлений о юридической ответственности – недопустима.

2. На основе критического индуктивного анализа имеющихся в современной юридической литературе подходов о придании какого-либо правового статуса (правового режима) носителям ИИ сделан вывод о том, что во всех представленных в репрезентативной выборке работах авторы основывались на критерии, который может быть охарактеризован как «критерий автономности», при этом считая его достаточным для того, чтобы наделять особым правовым режимом или даже

²² См.: § 4 главы III. С. 179-190. Результат представлен в научной публикации: Федорук Е.О. Концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения искусственного интеллекта // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 50-54.

²³ Опубликовано в статье: Федорук Е.О. Концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения искусственного интеллекта // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 50-54.

правосубъектностью носителей ИИ. Вместе с тем, необходимо разделять понимание автономности в техническом смысле и понимание «автономности» (в данном случае представляемой в виде условной категории) для целей юриспруденции. В последнем случае речь идет не о возможности объекта функционировать без вмешательства внешних по отношению к нему обстоятельств, а об основной предпосылке права как такового – представлении о субъекте, наделенном свободой воли и, как следствие, ответственностью (даже если «свобода воли» в данном случае интерпретируется как своего рода базовая неопровержимая презумпция), с учетом которого формируется представление о праве как о порядке отношений, основанном на принципе взаимного признания. При таком подходе становится очевидно, что ИИ вовсе не автономен в том смысле, в котором он должен являться таковым для целей права. Сама постановка вопроса о правосубъектности ИИ, в том числе и в первую очередь на основании указанного и особым образом понятого критерия основана на безосновательном одушевлении объекта материального мира, который считать автономным в юридическом смысле, ошибочно. Соответственно, поскольку попытки наделения носителя ИИ правосубъектностью основываются на ошибочном критерии автономности и не учитывают реальной технологической сущности ИИ, даже теоретические рассуждения о том, кто несёт ответственность в случае причинения вреда носителем ИИ и каким образом будет возмещён причиненный вред, исключают возможность постановки вопроса о правосубъектности носителя ИИ, поскольку данный вопрос всякий раз будет предполагать исключительно рассмотрение вопросов более низкого уровня – о том, кто именно из числа признанных на данный момент субъектов права (в первую очередь, речь идет о физических и юридических лицах) будет нести ответственность в конкретном случае. По определению, без изменения фундаментальных представлений о праве как таковом, это не может быть ни ИИ, ни носитель ИИ.

3. Анализ верифицируемой правоприменительной практики о фактах вреда, причиненного в результате применения ИИ в системах поддержки принятия

решений, а также в роботизированной технике²⁴, показал теоретическую обоснованность и практическую состоятельность понимания носителя ИИ как продукта и результата деятельности человека (орудия труда; технического решения; результата интеллектуальной деятельности и т.п.). Остальные варианты с гипотетической правосубъектностью ИИ (различного рода «квазисубъектность», которая представляет собой фактически приравнивание правового режима носителя к юридическому статусу человека – субъекта правоотношений; аналогия с юридическими лицами, придание статуса вещи – по аналогии с животными и источниками повышенной опасности) – являются содержательными ровно до момента постановки вопроса об ответственности за «действия» данных «субъектов», поскольку данный вопрос оставался за рамками исследовательских поисков авторов, предлагавших вышеприведенные варианты. При этом количество случаев причинения носителями ИИ вреда будет возрастать, что дополнительно актуализирует насущную необходимость разработки юридических норм по отраслевым направлениям, а от теории права требует конструирования элементов состава юридической ответственности, основанного на существующих сегодня юридических отношениях, реализующихся в объективной действительности. В этой связи ограничение рамок носителя ИИ юридическим статусом объекта права – не только обосновано сложившейся практикой причинения вреда с использованием носителей ИИ, но и продиктовано «белыми пятнами» в отраслевом правовом регулировании.

²⁴ Автор настаивает на том, что таких фактов уже достаточно для того, чтобы считать выводы по ним достаточно состоятельными. При этом абсолютно некорректным и недопустимым представляется сравнение вреда, причинённого в результате использования носителей ИИ или их «самостоятельной деятельности», с ущербом от действий людей (например, аргумент о том, что количество жертв беспилотных транспортных средств единично, а от руля пьяного водителя за год погибают тысячи людей, нередко используется участниками панельных дискуссий на мероприятиях различного уровня и толка): в отношении применения ИИ – мы живём в режиме экспериментального правового регулирования на чётко оговоренных территориях, и количество носителей ИИ, ставших причиной ущерба, в сотни, и даже тысячи и десятки тысяч раз меньше традиционных орудий / способов / методов совершения правонарушений, – как раз по той причине, что их используют в тысячи раз меньше, чем традиционные элементы объективной стороны правонарушений.

5. С точки зрения методологической стратегии юридических исследований в области проблем юридической ответственности за действия, совершенные с использованием ИИ, приоритет должен быть придан разрешению вопроса о том, в чем заключаются основные принципы юридической ответственности в связи с причинением вреда носителями ИИ в целом, а не вопросов наделения носителей ИИ правосубъектностью или квази-правосубъектностью. Необходимость формулирования данного подхода в виде исследовательского принципа обусловлена двумя обстоятельствами. Первое из них заключается в том, что на данный момент накоплено уже достаточное количество как правовых коллизий, так и эмпирического материала, связанного с причинением вреда с использованием носителей ИИ. Второе – в продолжающихся и не основанных на правильном концептуальном понимании теоретических основ юридической ответственности попытках предложить решение указанных правовых коллизий через создание нового субъекта или квази-субъекта права – ИИ или носителя ИИ.

6. Проведённый методом аналитической философии языка семантический анализ англоязычной терминологии, используемой при конструировании понятия ИИ, подтвердил, что изначально он означал «искусственный анализатор», признаками человеческого сознания ИИ не наделялся, а с учётом того, что успешность имитации «принятия человеческих решений» служила лишь показателем высокой продуктивности работы алгоритмических конструкций (тест Тьюринга), – отсутствуют этимологические основания для использования термина «интеллектуальный» в понимании «одушевлённого», присущего человеку и аналогичного человеческому сознанию. Понимание истории формирования термина «искусственный интеллект» позволяет опровергнуть существующие теоретические допущения правосубъективизации носителей ИИ (придания им статуса субъектов права), которые, к сожалению, уже вышли на уровень тезисов в соответствующих параграфах академической учебной литературы, что порождает дальнейшие когнитивные искажения в среде молодых учёных и необоснованные выводы о наличии правосубъектности у ИИ. Попытки обнаружить носителя ИИ как

субъекта права на основе «одушевления» (придания ему статуса субъекта права) в настоящее время возможно не далее, чем на уровне гипотетических учебных задач.

7. Аналогичным образом следует решать вопрос о целенаправленном поиске причинно-следственных связей, которые, якобы, обусловлены «действиями» и «решениями» ИИ. ИИ всегда «действует» опосредованно и не порождая причинно-следственных связей в их понимании как «волевое решение – реализация». Развитие «причинного ИИ» («casual AI»), «сосредоточенного» на анализе причинно-следственных связей, а не на распознавании закономерностей данных, – важная задача ближайшего будущего. И это имеет существенное значение для понимания объективной стороны правонарушения и составляющей её причинно-следственной связи при использовании ИИ как инструмента, но не в контексте воплощения волеуказания, реализации намерения, волевого акта.

8. Критическое переосмысление идей, выраженных в научной литературе, посвященной проблематике юридической ответственности за действия с использованием носителей ИИ, позволяет прийти к следующему выводу, учитывающему представление о принципиальной невозможности наделения ИИ признаками правосубъектности: с точки зрения теории права концептуально допустимо рассматривать носитель ИИ исключительно как орудие (когда он используется при выполнении объективной стороны правонарушения – намеренно субъектом, - при создании такого носителя в целях причинения вреда; либо же когда обладающий способностью к самообучению ИИ «принял решение» о совершении действий / бездействий, квалифицируемых как правонарушение), средство совершения правонарушения (способствует совершению правонарушения, облегчают его) либо способ (метод, приём, – если ИИ был создан, запрограммирован для совершения правонарушений, но не посредством самого носителя, а путём запуска с его помощью разрушительных механизмов, в том числе в Интернет-среде. Данное понимание также справедливо при ошибке программиста или осуществлении неправомерного доступа со стороны третьего лица, которое повлекло повреждение или модификацию функций ИИ, вследствие

чего было совершено правонарушение) – в составе основания юридической ответственности.

9. На уровне теоретических обобщений, характерных для теории права, разрешение проблем юридической ответственности ИИ должно основываться на классических представлениях о юридической ответственности, а оснований изменять концепцию юридической ответственности в связи с развитием ИИ и основываясь на представлениях о гипотетической правосубъектности, не имеется и не может возникнуть, поскольку юридическая ответственность с точки зрения теории права функционирует в парадигме ценностей, охраняемых правом. Появление носителя ИИ как предмета отношений в связи и по поводу данных ценностей, равно как его отсутствие, не может явиться причиной для подмены элементов традиционного состава ответственности, поскольку с развитием ИИ сами отношения по поводу юридической ответственности не усложняются по своей сути. Иначе бы пришлось концептуально изменять конституционные ценностно обоснованные принципы государства и общества. Развитие общества, техники и технологии, и даже создание высокотехнологичных объектов не могут сами по себе явиться причиной трансформации института юридической ответственности. Коль скоро носитель ИИ может быть только элементом объективной стороны состава правонарушения, а в центре парадигмы юридической ответственности по-прежнему находится субъект права, наделенный волей, правосознанием, ответственностью, и находящийся в парадигме моральных ценностей (в том числе, необходимых для принятия юридически значимых решений в ситуациях неопределенности) – в том смысле, в котором это включает в себя личную подотчетность и способность действовать в рамках этических норм, – попытки выстраивания новых моделей юридической ответственности, базирующихся на подмене понятий, нельзя признать допустимыми для теории права.

10. Актуальной задачей теории права в рассматриваемой области является формирование концептуальных основ юридической ответственности за деяния, совершенные с применением носителей ИИ. Такие основы должны опираться на

наиболее обоснованный и приемлемый вариант решений для применения юридической ответственности, сущностной природе ИИ, принципах его ответственного проектирования и применения. В контексте данного подхода сформулированы и предлагаются к закреплению на уровне элемента теоретической правовой доктрины следующие концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения ИИ:

1) Поскольку ИИ (носитель ИИ) не может выступать в качестве субъекта юридической ответственности, при причинении вреда вследствие принятия ИИ «решений», в каждом случае необходимо устанавливать соответствующее лицо – разработчика, производителя, продавца и (или) эксплуатанта (оператора) технологий ИИ, – обладающее признаками субъекта юридической ответственности в его традиционном понимании, – или, в зависимости от обстоятельств дела, группу таких лиц.

2) Невозможность специального освобождения от юридической ответственности за вред, причиненный носителем ИИ, по причине мнимой невозможности установить субъекта такой ответственности, повышенной степени опосредованности деяния с помощью носителей ИИ, либо «перекладывания» данной ответственности на сам носитель ИИ. Такие субъекты должны быть определены в зависимости от состава конкретных правонарушений, связанных с причинением вреда носителями ИИ, – на отраслевом уровне.

3) Высокая степень условной автономности ИИ (в техническом значении, как это понятие и используют исследователи) не может исключить ответственность разработчика, производителя, продавца и (или) эксплуатанта (оператора), однако – при условии отсутствия технологических «закладок»²⁵ и ошибок (непреднамеренно допущенных) в программном коде, которые могут привести к причинению вреда носителем ИИ, – может являться обстоятельством, смягчающим наказание.

4) Поскольку в контексте юридической ответственности ИИ может рассматриваться исключительно как составляющая объективной стороны правонарушения (орудие, средство либо способ совершения правонарушения),

²⁵ Намеренно заложенных в код потенциалов причинения вреда носителем ИИ.

следует избегать применения исключительно теоретических конструкций и искусственно созданных и не применимых на практике понятий (юниты, квазисубъекты, цифровые личности и т.д.) в ходе юридической аргументации и в юридической технике. При этом причинно-следственная связь между деяниями субъекта ответственности и наступившими последствиями (которая, очевидно, должна исследоваться на отраслевом уровне применительно к отдельным видам правонарушений) не может прямо отождествляться с тем фактом, что посредством ИИ осуществляется опосредованная коммуникация субъектов права, реализующих собственную волю с помощью носителей ИИ, в том числе «самообучающихся».

5) То обстоятельство, что возможность проявления ошибок ИИ в отдельных случаях может осознанно признаваться (например, при правовом регулировании в рамках экспериментальных правовых режимов), не может являться основанием для освобождения от возмещения вреда лицами, ответственными за разработку, введение в эксплуатацию либо непосредственно эксплуатацию носителей ИИ.

Обобщая представленные положения, выносимые на защиту, реализуя ценностно-ориентированный подход к юридической ответственности, и проводя в жизнь вышеизложенные концептуальные основы применительно к юридической ответственности в сфере применения ИИ, нельзя не прийти к общему выводу, который является важным для дальнейших отраслевых исследований: как бы ни было сложно определить, кто конкретно из ответственных лиц (субъектов юридической ответственности) своими действиями или бездействиями причинил вред, техническим выражением которого явились «действия» носителя ИИ, всё же необходимо структурировать правоотношения, в которых ИИ может выступать как элемент объективной стороны правонарушения, и вычленять причинно-следственные связи в данных правоотношениях применительно к субъектам права, определяющим процессы, происходящие в объективной реальности, и управляющим ими, чего ИИ не дано.

ГЛАВА I. Юридическая ответственность: концептуальные основы в контексте отношений с использованием носителя искусственного интеллекта

1. Основные представления о юридической ответственности в теории права

Чтобы понять суть какого-либо явления, в том числе социального, – исследователи занимаются анализом и синтезом. «Каждое явление может считаться познанным в том и только в том случае, если оно было аналитически разложено на элементы (под элементом в этом случае следует понимать строго «неделимые» «единицы», составляющие изучаемый объект) и затем «собрано» из них»²⁶, – пишут А.В. и К.Г. Мальцевы, ссылаясь на представления о формах познания, выведенные Галилеем, Ньютоном и логично обобщённые Лейбницем. В связи с этим, для понимания юридической ответственности, необходимо представить её в виде составляющих частей, определив их свойства и связи, а затем представить данный состав в единстве, что и будет составлять понятие. При этом для целей нашего исследования, такое рассмотрение будет произведено с допущением о присутствии особенного элемента в составе юридической ответственности – носителя ИИ. От того, каким образом он позиционируется в рамках этого состава, будет зависеть структура данного понятия²⁷. Но прежде, необходимо обозреть основные подходы к пониманию юридической ответственности в учебной и научной литературе, а также, вслед за А.В. Поляковым и Е.В. Тимошиной²⁸, обосновать почему юридическая ответственность в целях её понимания для вышеуказанных целей рассматривается

²⁶ Мальцева А.В., Мальцев К.Г. К вопросу о понятии места и структуры социального явления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1(5). С. 282.

²⁷ БСЭ определяет понятие как отображённое в мышлении единство существенных свойств и связей предметов; мысль, выделяющую и обобщающую предметы (объекты) некоторого класса по общим и в своей совокупности специфическим для них признакам. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] // SLOVARonline. URL: <https://bse.slovaronline.com/31502-PONYATIE> (дата обращения: 31.05.2024).

²⁸ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. Учебник. Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 311. Данный подход импонирует многим исследователям. См., например: Абрамов В.Г. Понятие института юридической ответственности в экологическом праве // Вестник Мордовского университета. 1995. № 3. С. 39.

именно как социальное явление, а также почему такое явление надлежит структурировать на составляющие элементы.

Классическим подходом обычно считают понимание юридической ответственности как применения мер государственного принуждения, – реализацию санкции нормы права. О.Э. Лейст определял юридическую ответственность как «применение к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, в установленном для этого процессуальном порядке»²⁹. Такое понимание разделял О.С. Иоффе³⁰, которого поддерживал и М.Д. Шаргородский³¹. Данный подход сужался рядом авторов. Так, у Л.С. Явича юридическая ответственность – это реализация санкции нормы права, поэтому у субъекта правонарушения образуется долг быть подвергнутыми санкции правовой нормы за невыполнение обязательства, определённого диспозицией³². Как меру государственного принуждения юридическую ответственность понимают и современные авторы: «Юридическая ответственность – это мера государственного принуждения, основанная на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающаяся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме ограничений личного и имущественного порядка»³³.

Н.С. Малеин сводил ответственность к наказанию, обязанности претерпевания негативных последствий: «Ответственность в смысле отрицательных имущественных последствий может выражаться только в виде обязанности, которой до правонарушения не существовало»³⁴. Как реализацию обязанности,

²⁹ Лейст О.Э. Общая теория государства и права. Академический курс: В 3-х т. М., 2001. Т. 3. С. 491.

³⁰ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 27.

³¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., Госюриздат, 1961. С. 314-318.

³² Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982. С. 136.

³³ Теория государства и права: Учебник / В.К. Цечоев, А.Р. Швандерова. М.: Прометей, 2017. С. 243.

³⁴ Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 1968. С. 12-13.

основанной на государственном или тождественном ему общественном принуждении, понимал юридическую ответственность С.Н. Братусь³⁵. Приближенные к классическим подходам интерпретации в понимании юридической ответственности сохраняются и в более поздних исследованиях: В.И. Червонюк определяет её как обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпевать последствия своего деяния³⁶. А.А. Чистяков, также закладывая в основу термин «обязанность», выводит следующее понятие ответственности (точнее, одного из её видов): «Уголовная ответственность – это обязанность лица не нарушать уголовно-правовые запреты под угрозой применения наказания и претерпеть неблагоприятные последствия в случае их нарушения»³⁷. «Юридическая ответственность представляет собой правореализационную деятельность государства, в частности, в такой ее форме, как применение правовых норм к правонарушителям»³⁸, – писал Н.И. Матузов, хотя далее он выделял «по крайней мере два аспекта ответственности - негативную (ретроспективную) и позитивную (перспективную)». Е.В. Лазарева в качестве отличительной черты юридической ответственности выделяет государственное принуждение к соблюдению правовых норм, строго установленное законодательством и связанное с ним испытание негативных последствий³⁹. Н.А. Чертова и И.В. Ершова приводят схожее определение: «Юридическая ответственность – обязанность лица претерпевать лишения государственно-властного характера за совершенное правонарушение»⁴⁰. Н.А. Скребнева считает подход к пониманию юридической ответственности через категорию государственного принуждения наиболее целесообразным – «в силу того, что

³⁵ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 85.

³⁶ Гойман-Червонюк В.И. Очерк теории государства и права. М., 1996. С. 298.

³⁷ Чистяков А.А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание: Автореф. дисс. на соиск. ... д.ю.н. Рязань, 2003. С. 11.

³⁸ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Учебник. М. Юрист, 2004. С. 217.

³⁹ Лазарева Е.В. Правовое регулирование медицинской деятельности в РФ (Отдельные аспекты теории и практики): дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 149.

⁴⁰ Теория государства и права: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция (бакалавриат) / Н.А. Чертова, И.В. Ершова; Сев. (Арктич.) федер. ун-т. Архангельск: САФУ, 2021. С. 62.

именно в нём отражена сущность данного явления как одной из самостоятельных форм реализации охранительной функции права, выражающейся в применении к правонарушителю мер государственного принуждения и связанных с ними неблагоприятных последствий»⁴¹.

Однако имеются и другие подходы к пониманию юридической ответственности. Так, П.А. Варул, В.В. Луць и другие авторы предлагали определять её как осуждающую оценку государства в качестве реакции на совершенное правонарушение⁴². В.А. Тархов понимал юридическую ответственность как урегулированную правовыми нормами обязанность давать отчёт в своих поступках; необходимость предстать перед обществом в лице соответствующих государственных органов и отчитаться за совершенное деяние⁴³. И.Н. Сенякин определял юридическую ответственность как возникшее из правонарушений правовое отношение между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права⁴⁴. В.Г. Федоров также считает, что юридическая ответственность – это правоотношение, субъекты которого соблюдают правовые запреты и реализуют правовые возможности, которые сопровождаются определенными штрафными и поощрительными санкциями⁴⁵.

Л.А. Морозова, объединяя вышеизложенные традиции и подходы и классифицируя их, в зависимости от ключевых идей, заложенных в понятие юридической ответственности представителями, выделяет шесть групп трактовок

⁴¹ Скрёбнева Н.А. Понятие юридической ответственности: доктринальные подходы // Вестник Академии права и управления. 2017, № 2(47). С. 73.

⁴² См.: Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. С. 311.

⁴³ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 4-10.

⁴⁴ Сенякин И.Н. Юридическая ответственность // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 543.

⁴⁵ Федоров В.Г. Понятие юридической ответственности и ее регулятивно-охранительная природа // Государство и право. 2009. № 9. С. 87-92.

юридической ответственности (шесть ключевых признаков, которые представляются в виде ключевых для явления)⁴⁶:

- 1) рассмотрение через категорию охранительного отношения (В.К. Бабаев, С.А. Комаров, А.В. Малько, И.Н. Сенякин и др.);
- 2) обязанность претерпевания последствий (В.И. Червонюк);
- 3) реализация санкции нормы права (проф. О.Э. Лейст, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин);
- 4) наказание за правонарушение (проф. Н.С. Малеин);
- 5) реакция государства в виде осуждающей оценки (П.А. Варул, В.В. Луць и др.);
- 6) отчёт в своих действиях (В.А. Тархов).

А.Г. Чернявский, по всей видимости, объединяя бóльшую часть вышеприведенных подходов, формирует довольно широкое представление о юридической ответственности, понимая её как правовую форму государственного принуждения, заключающегося в претерпевании правонарушителем ограничений, содержащихся в санкции нарушенной правовой нормы, и осуществляемое посредством охранительного правоотношения⁴⁷. Ранее в литературе встречается ещё один объединяющий подход к определению юридической ответственности (с оговоркой – ретроспективной): по мнению А.И. Кожевникова, её следует понимать как «осуществляющуюся в рамках охранительного правоотношения обязанность правонарушителя подвергаться лишениям личного, материального или организационного характера, отраженным в штрафных (карательных) санкциях нарушенных норм права»⁴⁸.

Позиция Т.Н. Радько интересна объединением в понятии юридической ответственности двух аспектов, которые невозможно учитывать в отдельности:

⁴⁶ Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. С. 311.

⁴⁷ Чернявский А.Г. Юридическая ответственность. М., 2015. С. 322.

⁴⁸ Кожевников А.И. Субъекты юридической ответственности: дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. М., 2004. С. 30. Схожее определение у Г.А. Прокоповича: Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: дисс. на соиск. уч. ст. доктора юрид. наук. СПб, 2010. С. 91.

объективного, содержащего обязанность, вытекающую из нарушения ранее существовавшей (и, по всей видимости, не исполненной) обязанности субъекта; и субъективного (личностного), включающего претерпевание правонарушителем негативных последствий⁴⁹.

Н.А. Скребнева также выделяет несколько подходов к определению понятия юридической ответственности⁵⁰, отмечая среди них как классические и более ранние подходы, так и современные воззрения юридической науки, и постаравшись охватить их в значительном объеме. С учётом подробного анализа, проведённого этим и другими авторами, напрашивается очевидный вывод о том, что понимание юридической ответственности, в целом зависит от того, что из составляющих её частей или какой из её признаков исследователь считает основополагающим для формирования представления о данном социальном явлении. В свою очередь, ориентиры у каждого автора зависят от его собственных убеждений относительно того, что в теории права он считает главенствующим для целей понимания ответственности. Если само право в понимании автора подхода – это «юридический инструмент, связанный с государством и состоящий из целой системы норм, институтов и отраслей»⁵¹, то логично, что юридическую ответственность он представляет как «правореализационную деятельность государства, в частности, в такой ее форме, как применение правовых норм к правонарушителям»⁵². А, например, трактовка права как «многоликого феномена общественной жизни», отсылки к смыслу права как, в первую очередь, социальной ценности, а также связывание возникновения права с признанием свободной автономной личности, - естественным образом влечёт за собой вывод о том, что «юридическую ответственность можно определить как особое правовое состояние, в силу которого лицо обязано претерпевать определенные лишения

⁴⁹ См.: Радько Т.Н. Теория функций права: монография. М: Проспект, 2015. С. 223-224.

⁵⁰ Скребнева Н.А. Юридическая ответственность в публичном и частном праве (вопросы теории и практики): дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. М. 2018. С. 17-40.

⁵¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Учебник. М. Юристъ, 2004. С. 70.

⁵² Там же. С. 217.

государственно-принудительного характера за совершенное правонарушение»⁵³. Кроме того, не стоит забывать, что ответственность – как социальный феномен – присуща исключительно людям, поскольку именно они способны использовать ответственность (не только в «позитивном», но и в более привычном для права «негативном» смысле) как инструмент для самоактуализации, личностного роста и эффективного управления собственной жизнью⁵⁴. «В отечественной психологии утвердилось представление об ответственности как о волевом личностном качестве, которое проявляется в осуществлении контроля над деятельностью человека»⁵⁵. При этом, нельзя отрицать присутствие волевой компоненты при совершении ценностного выбора и принятии решения – и у малолетних детей, и у страдающих психическими расстройствами, и у лиц, ограниченных в физических возможностях: все они, являясь субъектами права, обладают правоспособностью и так называемой «экзистенциальной свободой» (которая, по А.В. Полякову, является «изначальным условием существования права»). Без признания такой свободы («равная правосубъектность») не может быть и самого права⁵⁶. И, хотя ценности у перечисленных выше субъектов права – могут не совпадать с общепризнанными в обществе (в силу общей неразвитости или ментальных, или физических особенностей, которые приводят к искаженному сознанию), их поступки оцениваются остальными людьми с позиции общепринятого понимания волевых поведенческих актов, и освобождение от юридической ответственности применяется, скорее, как мера социального снисхождения, нежели как общественное непринятие или непризнание правосубъектности за такими людьми.

Интересно, что слово «ответственность» в русском языке не считается омонимом, хотя в зависимости от контекста оно явно несёт неодинаковый смысл.

⁵³ Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. М.: Финансовый контроль, 2004. С. 95-96, 101, 321.

⁵⁴ Чумакова Е.В., Лукьянова С.П. Структура ответственности в контексте экзистенциального выбора личности // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 18. Серия «Психология». Вып. 5. С. 37.

⁵⁵ Леонтьев, Д.А. Ответственность / Д. Леонтьев // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. /ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М: ПЕР СЭ, 2006. С. 176.

⁵⁶ См. подробнее: Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 4. С. 49-50.

Яркое сравнение: «ответственное должностное лицо» (как тот, кто стоит во главе проекта, и порой номинально) или «человек ответственный» (наделённый чувством глубокого долженствования, высоконравственный). Нравственное (внутреннее) и номинальное (внешнее) явно отличаются по смыслу. Суть, вкладываемая в понятие ответственности, чаще всего, требует раскрытия с использованием синонимов или с использованием описательных прилагательных. В разных ситуациях смысловой оттенок ответственности будет меняться, подразумевая как внешнее её выражение (обязанность, должность, управление, гарантия, ручательство), так и внутреннее наполнение (долг, совесть, благоусмотрение), а иной раз – и вовсе внешние атрибуты (достоинство, надёжность, способность «держать ответ перед...»), усиление смысловой ситуативной конструкции (авторитетность, значимость, серьёзность) или же наделение некой неотвратимостью (тогда ответственность подразумевается как неизбежность, необходимость, а порой и рок, фатум). В то же время, например, в английском языке слова «liability» (применяемое для юридической ответственности) и «responsibility» (как способность принятия ответственности, способность держать ответ)⁵⁷, которые на русский переводятся одинаково (и то, и другое суть «ответственность», хотя в первом случае обязательно добавляется описательное прилагательное «юридическая», а во втором – может подразумеваться значение, и не связанное с юридическим контекстом) – не только разные по смыслу, но и по написанию. Помимо этих терминов, есть понятие «accountability», которое выражает, скорее, подотчётность, и широко используется в нормативных правовых актах, направленных на регулирование обработки информации, включая персональные данные, применение цифровых технологий, включая в том числе технологии искусственного интеллекта.

Из приведённого семантического анализа очевидно, что для понимания ответственности юридической, нужно проанализировать, какой из смыслов

⁵⁷ Здесь и далее толкование английских слов приводится по словарю: Oxford Learner's Dictionary of Academic English (OLDAE) [Электронный ресурс] // Oxford Learner's Dictionaries: информ.-справочный портал. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 31.05.2024).

заложен в термин «ответственность», для чего дать ответ на вопросы: может ли «юридическое» быть внутренним переживанием, проявляется ли это «юридическое» внешне (если да, то каким образом), или же «юридическое» – это описательный атрибут, делающий такую ответственность не привязанной к иным смыслам, кроме государственно-правового принуждения (а следовательно юридическая ответственность может означать исключительно «liability»).

В отношении первого вопроса (об ответственности как внутреннем переживании): если придерживаться понимания ответственности как чувства, основанного на осознании нравственного императива, ответ на поставленный вопрос будет, несомненно, положительным. Под нравственным императивом здесь понимается так называемый «закон высшей мудрости», сформулированный ещё Конфуцием («Делай другим то, чего ты желаешь себе»⁵⁸), и обнаруживаемый позднее – в религиозных догматах, социальных нормах, философских традициях. В конце концов, одна из формулировок категорического императива И. Канта, призывающая поступать «только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом»⁵⁹ как основного закона его этики, также созвучна с «законом высшей мудрости», и развивает его, трансформируясь из «мудрости» в этику и закон (который Кантом мыслится шире, чем юридический закон: его закон являет собой саму природу всего сущего). Такое понимание «юридического» отражает ответственность как внутреннее, содержательное и глубоко нравственное переживание человека, помогая ему познавать право через эмоции и чувства. Восприятие юридической ответственности в этом ключе – органично образу права Л.И. Петражицкого, описанного Е.В. Тимошиной как «продукт сложных, опосредуемых языком эмоционально-интеллектуальных мотивационных процессов в сознании субъекта»⁶⁰.

⁵⁸ В другой трактовке: «То чего ты не желаешь, не делай другим». См.: Карягин К.М. Конфуций. Его жизнь и философская деятельность. СПб: Типография Ю. Н. Эрлих, 1891. С. 40.

⁵⁹ Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М., 1997. С. 143.

⁶⁰ Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 2.

Интересно, что «чувствовать» ответственность люди начинают в раннем возрасте. Психологические кризисы детей 1 года, 3 и 7 лет – связаны с установлением границ дозволенного: маленький человек как бы «проверяет на прочность» тех людей, которые рядом с ним в этот момент, да и сам мир (в том объёме, в котором есть возможность до него «дотянуться»). Причём если родитель или другой близкий человек не доносит чётко, что ребёнку можно, а что нельзя, а также если проявляет нелогичность в обозначении пределов возможного поведения или дозволенных действий, – это может быть ещё хуже для формирования психически здоровой личности человека, чем излишние ограничения или неоправданная строгость. Основой для преодоления кризисов выступают как раз чёткие границы и последовательное повторение деятельности – так называемые ритуалы, которые формируют привычки и являются опорой для дальнейшей социализации человека, его принятия (прежде всего – родительского, а затем и со стороны общества)⁶¹. Ребёнка не только можно, но и следует ограничивать в проявлениях свободы: 1) в той степени, в которой это нарушает свободу других людей; 2) в случае, если его действия становятся опасными для него самого или для окружающих живых существ; 3) с оглядкой на социальные нормы общества, в котором живёт ребёнок. Именно таким образом и происходит становление осознанной, волевой и свободной личности, «ощущающей» обратную сторону своей свободы – ответственность; и так закладывается основа для формирования «взаимного правового признания», положенного А.В. Поляковым в основу теории права как взаимной коммуникации волевых субъектов⁶². И в этом свете социально-нравственное (свобода воли в выборе поведения) и психологическое (осознание собственного поведения) основания юридической ответственности – будут отражать заложенный внутренний смысл данного понятия.

⁶¹ См. подробнее: Erikson E.H. *Childhood and Society*. New York, 1963. 2nd ed. P. 19-53; Обухов Я.А. Значение первого года жизни для последующего развития ребёнка (Обзор концепции Д. Винникотта) // *Школа здоровья*. 1997. Т. 4. № 1. С. 24-39; Бочаров В.В. *Антропология возраста: Учеб. пособие*. СПб., 2001. С. 42-48, 65-68, 82-87; и др.

⁶² Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // *Труды Института государства и права РАН*. 2021. Том 16. № 6. С. 39-101.

Говоря о внешних проявлениях «юридического» в понимании ответственности, нужно проанализировать такие её основания, как фактическое (юридический факт совершения противоправного деяния) и процессуальное (в случае, если требуется применение мер государственно-правового воздействия), а также выявить соответствие лица, совершившего правонарушение, установленным законом свойствам субъекта юридической ответственности, и выяснить, требуется ли в данном конкретном случае исключить правовые последствия для субъекта ответственности (казус, форс-мажор, необходимая оборона и др.). Отсюда исходит претерпевание последствий, реализация права, восстановление справедливости.

Встроена ли юридическая ответственность в бóльшую систему социальной ответственности? Очевидно, да. В том смысле, что правом регулируются не все общественные отношения, равно как и нормы морали, религии и другие социальные нормы – простирают своё действие не во всём социуме. Таким образом, юридическая ответственность (в смысле «liability») – означает принадлежность к отношениям, урегулированным правом в государстве.

Таким образом, юридическая ответственность понимается как явление дуальное (далее будет проведён дихотомический анализ данного явления, в контексте действий с использованием ИИ, однако уже сейчас можно сделать предварительный вывод, что «внешний» и «внутренний» смысл, заложенный в само понятие юридической ответственности, отражает её дуальность), многоаспектное (исходя из стоящих перед юридической ответственностью задач – и обеспечивающее функционирование правовой системы общества, и закрепляющее пределы мер государственного принуждения, и опосредованное воздействие на всех субъектов права) и трёхуровневое: всегда социальное, правовое и государственное. Для нравственных и психологических оснований ответственности и вообще самой возможности существования её в обществе необходим человек, обладающий правоспособностью; для фактических – нужны нормы права (второй уровень); для процессуальных – реализуемые на государственном уровне процедуры (имеется ввиду также и проведение их в жизнь специально уполномоченными представителями государства).

Для решения вопроса о возможности встраивания в общественные отношения в рамках такого социального явления, как юридическая ответственность, носителей ИИ, нужно проанализировать её состав.

2. Состав юридической ответственности как социального явления: вопрос о носителях ИИ

В теории права не принято выделять понятие состава юридической ответственности. Традиционно рассматриваются её признаки и виды. Тем не менее, для дальнейшего развития магистральной концепции исследования требуется проанализировать состав юридической ответственности применительно к отношениям, в которых в том или ином качестве «фигурирует» носитель ИИ. При этом нельзя забывать, что юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности должна пониматься как социальное явление. Как верно указывает А.С. Шабуров, «само понятие “ответственность” возникает только в человеческом обществе, где каждый субъект обладает свободой выбора, то есть сознательным предпочтением определенной формы и способа поведения в обществе»⁶³. Б.Я. Токарев поясняет, что институт юридической ответственности возникает как реакция, форма самозащиты общества от преступных посягательств и покушений на его устои, и выступает как определенное средство общественного противодействия, локализации разрешительных процессов⁶⁴. Н.В. Витрук пишет: «Сущностные характеристики феномена ответственности генетически определяются экономическими, политическими, культурными и иными зависимостями, складывающимися естественно-исторически в процессе производственной, духовной и иной деятельности человека, в процессе становления и развития системы общественных отношений»⁶⁵; и считает важным понимание того, что лишь взаимодействие человека с другими людьми проявляет его социальную природу, порождает социальные качества, что подтверждает

⁶³ Актуальные проблемы теории государства и права: учебник / коллектив авторов; отв. ред. В.Д. Перевалов. М.: ЮСТИЦИЯ, 2021. С. 384. (Автор параграфа «Юридическая ответственность» – проф. А.С. Шабуров.)

⁶⁴ Основы государства и права: Учебное пособие. Под науч. ред. В.А. Ржевского, В.Т. Гайкова. Ростов-на-Дону, 1996. С. 186.

⁶⁵ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: РАП, 2008. С. 8.

справедливый вывод: «жить в обществе и быть свободным от него нельзя»⁶⁶. От того, какое место в этом обществе отведено носителю ИИ, будет зависеть структура юридической ответственности, даже при одинаковых элементах её состава. При этом сам вид юридической ответственности может не изменяться. Структура отличается от состава упорядоченностью элементов. То есть один и тот же состав элементов может быть по-разному упорядочен, и от этой разницы структур будут существовать или случаться (протекать) внешне различные вещи, явления, процессы. А если привнести новый элемент, то суть всей структуры может измениться кардинальным образом. Кроме того, если элементы структуры упорядоченно взаимодействуют друг с другом, выполняя – каждый – собственную функцию, то они образуют систему.

Справедливости ради, нужно заметить, что структуру ответственности (в разных её проявлениях) описывал целый ряд авторов. Так, А.А. Чистяков пишет: «Использование термина “состав” при исследовании проблемы того или иного феномена не случайно. Любое явление (если рассматривать его как конструкцию, структуру, построение и т.п.) есть совокупность определенным образом связанных элементов. Как представляется, все совокупности являются системами»⁶⁷. Он же, рассматривая структуру уголовной ответственности, делает следующий вывод: «...с точки зрения структуры уголовной ответственности она состоит из следующих элементов: объект уголовной ответственности, субъект уголовной ответственности и содержание уголовной ответственности»⁶⁸. А.Р. Смирнова, рассматривая проблему формирования чувства ответственности, рассматривает её поведенческие компоненты и модусы (разновидности составляющих элементов), типы и стили исполнительности⁶⁹. Е.В. Чумакова и С.П. Лукьянова рассматривают структуру ответственности в контексте экзистенциального выбора личности и

⁶⁶ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: РАП, 2008. С. 8.

⁶⁷ Чистяков А.А. Элементы состава уголовной ответственности (к постановке проблемы) // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86). С. 66.

⁶⁸ Чистяков А.А. Структура уголовной ответственности // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2(89). С. 27.

⁶⁹ См.: Смирнова А.Р. О структуре ответственности // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 464-467.

выделяют три её элемента: 1. Осознание ответственности в перспективе: осознание ситуации, видение альтернатив, прогноз последствий; 2. Осознание ответственности в актуальном времени: совершение осознанного выбора; 3. Осознание ответственности в ретроспективе: признание себя автором своих действий, принятие последствий⁷⁰. Интересным представляется и исследование Р.Р. Хаснутдинова, одну из своих работ посвятившего структурированию самой системы юридической ответственности⁷¹.

Выделяя юридическую ответственность из социальной, Н.И. Матузов пишет: «признаки [юридической ответственности] можно выразить своеобразной формулой, состоящей из ряда вопросов: кто отвечает? за что? как? перед кем? на основании чего?»⁷². Полагаем, это и есть формула юридической ответственности, которая содержит как элементы (составные части, образующие её структуру), так и непосредственно признаки (не входящие в состав, но проявляющиеся в системном взаимодействии структурных элементов). В рамках классической системы представлений юридическая ответственность всегда будет иметь в своём составе следующие элементы: 1) субъект юридической ответственности; 2) основание юридической ответственности (фактическое и юридическое⁷³); 3) обязанность претерпевания негативных последствий и(или) возмещения вреда. В числе же признаков, определяющих существо юридической ответственности как отдельного вида социальной ответственности, присутствуют: государственно-принудительный характер; применение на основе формальных предписаний в

⁷⁰ См.: Чумакова Е.В., Лукьянова С.П. Структура ответственности в контексте экзистенциального выбора личности // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 18. Серия «Психология». Вып. 5. С. 37-42.

⁷¹ Хаснутдинов Р.Р. Структура системы юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 30-44. Р.Р. Хаснутдинов утверждает, что современные исследователи систем уже не объясняют очевидную связь понятий системы и структуры, а используют понятие «структура системы», однако дальнейшее его исследование сводится к классификации и систематизации ответственности по видам на основе использования различных критериев.

⁷² Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Учебник. М. Юрист, 2004. С. 216.

⁷³ Н.Н. Вопленко предложил, помимо названных оснований привлечения к юридической ответственности выделять также субъективное основание, которое представляет собой свободу воли человека, то есть свободу выбора противоправного или законопослушного варианта поведения. Если у лица отсутствовала такая свобода, то лицо не может нести бремя юридической ответственности. См.: Вопленко Н.Н. Правонарушения и юридическая ответственность. Волгоград, 2005. С. 117.

формате специальной процедуры (процессуальный характер). Именно так предлагается понимать состав юридической ответственности.

В зависимости от места и роли носителя ИИ в данном составе, структура юридической ответственности может изменяться – в зависимости от формирования субъекта (что соответствует субъекту правонарушения), понимания фактического и юридического состава (что соответствует объективной стороне правонарушения). Далее в работе эти варианты рассматриваются более подробно в рамках исследования проблемы правосубъектности в контексте юридической ответственности за деяния с использованием носителей ИИ, а также при анализе дихотомической природы юридической ответственности. Это сделано в порядке академического допущения существования мнений по вопросам ответственности, связанной с носителями ИИ и исследованиями данных воззрений, что служит целям как индуктивного, так и дедуктивного исследования вопроса. С учётом выводов, которые изложены в последующих разделах работы, схематично варианты структурирования состава юридической ответственности можно представить следующим образом⁷⁴:

Элементы состава	Вариант 1 (основанный на гипотезе правосубъектности ИИ любого вида)	Вариант 2 (основанный на «классических» представлениях теории права)
Субъект ответственности	Носитель ИИ	Физическое либо юридическое лицо – разработчик, производитель, собственник либо оператор (эксплуатант) носителя ИИ ⁷⁵
Основание (фактическое, юридическое)	«Совершение» носителем ИИ общественно опасного деяния, ответственность за которое установлена юридическими нормами	Объективно существующие и возможные в будущем виды правонарушений. (Специального правового регулирования в настоящий момент в данной сфере не существует,

⁷⁴ См.: Федорук Е.О. Вариативность элементов состава юридической ответственности с участием носителей искусственного интеллекта // Образование и право. 2024. № 5. С. 296-300.

⁷⁵ Далее в исследовании будет обосновано подобное выделение субъектов юридической ответственности в рассматриваемой сфере.

		следовательно, в отдельных случаях может требоваться формирование юридических оснований.)
Обязанность претерпевания негативных последствий и(или) возмещения вреда	«Претерпевание» негативных последствий допускается только в формате внешнего воздействия на «субъект» ИИ, а возмещение – только в рамках компенсационных (например, страховых) мероприятий. При этом сторонниками идеи правосубъектности ИИ по аналогии с юридическими лицами могут использоваться аргументы, обычно используемые в области теории юридических лиц.	Возложено на ответственное лицо – субъект ответственности – представляющего собой человека, наделенного свободой и ответственностью, либо неразрывно связанного с таким человеком.

Требуется уточнение относительно основания юридической ответственности, формулирование которого стоит в ряду насущных задач юридической доктрины и современного законодательства. Представляется обоснованным выделение И.Р. Бегишевым и З.И. Хисамовой следующих типовых ситуаций, которые могут быть положены в основу формирования теоретической модели ответственности за деяния, связанные с носителями ИИ, а также возможного последующего законодательного регулирования (юридического определения соответствующих составов правонарушений)⁷⁶:

1. При создании системы ИИ была допущена ошибка, которая привела к совершению правонарушения;
2. В систему ИИ был осуществлен неправомерный доступ, повлекший повреждение или модификацию его функций, вследствие чего было совершено правонарушение;

⁷⁶ При приведении формулировок автором изъят уголовно-правовой контекст.

3. ИИ, обладающий способностью к самообучению, «принял решение» о совершении действий / бездействий, квалифицируемых как правонарушение;
4. ИИ был создан для совершения правонарушений⁷⁷.

При этом, даже с учётом допущения возникновения ситуации № 3, следует настоять на невозможности практической реализации первого варианта структуры юридической ответственности – применительно к носителям ИИ и рассматривание их как самостоятельных субъектов ответственности, поскольку все предполагаемые (искусственно конструируемые) в данном случае элементы не вписываются в понимание, характерное для современного права и существующих общественных отношений. В случае принятия носителем ИИ «решения» о совершении правонарушения, данное обстоятельство нельзя назвать волевым решением и обусловить его внутренним противоправным (преступным) замыслом ИИ. Вероятность намеренного формирования подобных решений при прочих равных условиях вызывает сомнения, так как легальные системы ИИ этому не обучают (для целей данного рассуждения мы не рассматриваем ситуацию № 4, в которой ИИ изначально создается для совершения правонарушений). Лишь предполагая (сугубо гипотетически), что система ИИ настолько сложна, что «решение» о совершении правонарушения в действительности может иметь место, можно пытаться настаивать на подобном варианте развития сценария принятия ИИ «решений», а также гипотетически его формулировать. Однако в действительности пока что таких данных при расследовании инцидентов причинения носителями ИИ вреда – в числе конкретных практических примеров обнаружено не было, и хочется верить, что этого не случится. В конце концов, несмотря на непрекращающийся многолетний «ажиотаж» с этической задачей про вагонетку, которую нужно направить по пути причинения смерти (в том числе при отборе кандидатов на определенные должности, связанные с необходимостью принятия решений, основанных на моральном выборе, и при психологической работе с ценностными аспектами человеческой личности), – перед ИИ её ставить категорически нельзя:

⁷⁷ См.: Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. М., 2021. С. 113.

именно потому, что ни один проектировщик, разработчик, «создатель» не закладывает подобные механизмы принятия решений в конструируемую им систему (если, конечно, он не реализует собственный злой, или даже преступный умысел).

Очевидно, что, говоря «искусственный интеллект» и «принятие решения искусственным интеллектом», мы подразумеваем функционирование программного обеспечения, которое выдает «прогноз» на основе анализа больших данных, и не более. Иными словами, термин «принятие решения» применительно к ИИ – это не осознанный волевой акт субъекта права, который испытывает по отношению к нему чувство ответственности, и вообще способен испытывать чувства при определении направления деятельности, прогнозировать возможные последствия своих действий (в понимании реализации мыслительной деятельности) и переживать – как до реализации замысла, так и после (испытание чувства вины). А «принятие решения» ИИ как таковое заключается в реализации заранее определенного условного автоматического вывода, который может привести к другим автоматическим действиям: эта последовательность закладывается разработчиком (человеком).

Как было выяснено ранее, юридическая ответственность невозможна без субъекта, при этом субъектом может быть только человек, наделенный свободой воли и совершающий осознанный выбор, вследствие чего его ответственность – как отражение пределов свободы – базируется на принципах взаимного правового признания. Соответственно, проблема ответственности за действия ИИ может решаться либо признанием ИИ субъекта, либо объяснением того, при каких условиях человек будет отвечать за действия ИИ. Юридическая ответственность предполагает наличие такого субъекта, который обладает сознанием и волей, способен осознавать или морально допускать совершаемое деяние, переживать и сожалеть о совершенном правонарушении⁷⁸; также обязательно наличие волевого сознательного поведения, объективно выраженного вовне, обусловленного

⁷⁸ Ср.: в случае, если субъект не осознаёт совершаемое – в силу, например, малолетнего возраста или психических особенностей, он освобождается от ответственности.

эмоциональными порывами, корыстными мотивами, личной заинтересованностью и(или) иной внутренней подоплёкой, которое реализуется в виде воплощения в жизнь собственного замысла, - именно такое поведение может претендовать на статус фактического основания юридической ответственности⁷⁹. Что касается обязанности претерпевания негативных последствий и возмещения причиненного вреда гипотетическим субъектом – носителем ИИ, в настоящее время юридически не реализовано ни одно из изложенных предположений (кроме того, подобное «претерпевание» по своей сути отличается от того, что испытывает человек, находящийся в правоотношениях по поводу реализации юридической ответственности). «В отечественной психологии чувство ответственности соотносится с одной из высших психических функций – волей и с качеством исполнительность»⁸⁰, – пишет А.Р. Смирнова. «Ответственность как чувство – высокий уровень развития ответственности, так как при его переживании ребенок внутренне плане соотносит свои возможности, понимает необходимость действия, что обеспечивает высокое качество выполнения задания»⁸¹. Однако носитель ИИ лишён чувств, а все попытки наделения его человеческими качествами, на фоне создания фикций с элементами правосубъектности, обречены на объективную критику: если понимать математическое строение ИИ, представленного в виде программ для ЭВМ и баз данных, записанных на материальный носитель, становится очевидно, что в нем не просто нет естества, а сомнительна вообще возможная постановка вопроса об этом.

3. Перспективы развития института юридической ответственности применительно к отношениям, связанным с ИИ

В связи с тем, что традиционно в теории права под правовым институтом понимается «группа норм права, которые регулируют близкие по своему характеру

⁷⁹ Ср.: ИИ никогда не сможет объяснить причины собственного поведения переживаниями или эмоциями; истинными причинами причинения вреда носителем ИИ всегда выступают только ошибки – заложенные намеренно либо возникшие случайно. В последнем случае они либо не были известны ранее, либо не были своевременно устранены.

⁸⁰ Смирнова А.Р. О структуре ответственности // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 464.

⁸¹ Там же. С. 467.

и содержанию общественные отношения, отличающиеся существенными особенностями»⁸², необходимо оговориться, что в настоящем исследовании институт юридической ответственности понимается в широком смысле: «институт представляет собой особую, созданную на нормативной основе (имеются в виду социальные нормы) социальную структуру, способную существовать на различных уровнях (макро- и микросоциальном уровне) и объединяющую своим действием ту или иную (а иногда и все) сферу общественных отношений (в зависимости от сферы своего действия)»⁸³. При этом, как указывает Т.А. Овчинникова, «все определения института юридической ответственности подчеркивают, что он сложен по своей структуре и межотраслев»⁸⁴. Очевидно, что институт юридической ответственности является межотраслевым (наиболее часто выделяют гражданскую, уголовную, административную, дисциплинарную, конституционно-правовую виды ответственности – по соответствующим отраслям права), может быть структурирован в зависимости от выделения внутри него различных элементов и уровней. Д.А. Липинский включает в структуру юридической ответственности микро- и макроуровни, выделяет координационные, субординационные и генетические связи между макроуровнями, наполняет данный институт признаками и характеристиками⁸⁵.

Решая принципиальный вопрос о том, насколько должна (и должна ли вообще) изменяться теория права с развитием новых технологий, нужно давать себе отчет в

⁸² Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник с учебно-методическими материалами. М., 2009. С. 260. Аналогичное понимание встречается у других авторов, например: «Правовой институт – это группа норм права, связанных между собой предметно-функциональными связями, регулирующих конкретный вид общественных отношений и приобретающих в силу этого относительную устойчивость и самостоятельность функционирования». – Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. С. 201. Нормы права в зависимости от содержания, характера предписаний, сфер действия, форм выражения, предметов и методов регулирования, санкций и т.д. – объединяет в институты и Н.И. Матузов, см.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Учебник. М. Юрист, 2004. С. 150.

⁸³ Беляева Г.И., Кузьменко В.И., Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 4. С. 101.

⁸⁴ Овчинникова Т.А. Понятие и структура института юридической ответственности // Образование и право. 2022. № 2. С. 182.

⁸⁵ Липинский Д.А. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 25–44.

том, действительно ли нынешние общественные отношения с участием носителей ИИ кардинально отличаются от тех, в которых носители ИИ не задействованы. Очевидно, что менять «базис» в зависимости от возникающих новых элементов «надстройки» неразумно. Но, допуская наличие признаков субъекта правоотношений у ИИ (или, по крайней мере, обращаясь к критическому анализу одной из основных гипотез, которые периодически явно прослеживаются в современной научной литературе), нужно будет пересмотреть все сущностные признаки институтов права, в которых взаимодействуют все субъекты.

В научно-популярной литературе нередко прогнозируются крайне опасные последствия от развития «сильного ИИ». Например, С. Шнайдер пишет: «При недостаточной осмотрительности реализация технологии ИИ может выйти нам боком, иначе говоря, вместо упрощения жизни принести страдания, гибель или эксплуатацию людей. Некоторые связанные с ИИ угрозы процветанию человечества обсуждаются уже давно. Это и хакеры, способные нарушить работу сетей электроснабжения, и сверхразумные автономные системы вооружения, пришедшие словно из фильма “Терминатор”»⁸⁶, и фейковые видео, манипулирующие общественным сознанием, беспилотные снаряды и автоматизированный компьютерный взлом. Ю. Харари называет разрушительную силу технологий вызовом, который и вовсе угрожает человечеству как виду: автоматизация уничтожит миллионы специальностей; технологии смогут разрушить не только экономику, политику и жизненную философию, но и наше биологическое устройство; поскольку люди будут предоставлять ИИ право принимать за них решения, власть будет переходить к алгоритмам; с помощью биологических знаний, данных и компьютерных вычислений можно будет попросту «взламывать» тело, мозг и сознание каждого человека, и даже понять его лучше, чем он сам⁸⁷. Однако достаточных оснований утверждать, что в обозримом

⁸⁶ Шнайдер С. Искусственный ты: машинный интеллект и будущее нашего разума / Пер. с англ. М., 2022. С. 9.

⁸⁷ Андреева А. Футуролог Харари назвал три главные угрозы человечеству в 21 веке [Электронный ресурс] // РБК Тренды. 2020. 04 июня. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e2ef4499a79474925acdf08> (дата обращения: 31.05.2024).

будущем «сильный» ИИ, господствующий и разрушительный, действительно будет создан или возникнет «эволюционным» путём, – на сегодняшний день не имеется. Обращаясь к Указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (где, собственно, и закреплено понятие «сильного» ИИ), мы обнаруживаем, что под «сильным ИИ» понимается не такой вот «человекоподобный» ИИ, а «тип искусственного интеллекта, который способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям» (п. «х» ст. 5 Национальная стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года), – то есть это ИИ, в который заложены технологии дальнейшего совершенствоваться без участия человека (а при таком понимании, часть нейросетей уже будет относиться формально к категории «сильного ИИ», хотя никто и не претендует на наделение их правосубъектностью). Собственно, мы даже не располагаем уверенностью и хоть какими-то свидетельствами о том, что какой-то из имеющихся «слабых» (нацеленных на выполнение задач в определенном «узком» сегменте общественных отношений) ИИ работает абсолютно без ошибок, или что процент данных ошибок не сможет возрасти в будущем, а будет только снижаться. В данной связи автору импонирует вывод Ф. Паскуале, который ставит предотвращение наиболее неблагоприятных исходов «революции ИИ», равно как и реализацию его потенциала, в абсолютную зависимость от «нашей способности выработать мудрое отношение к такому балансу». При этом «к улучшению нашей жизни», по его мнению, должны привести следующие постулаты:

- 1) эмпирический аргумент: непосредственно сейчас ИИ и роботы чаще всего дополняют, а не заменяют человеческий труд;
- 2) свойство ценностного характера: во многих областях мы должны сохранить такое положение вещей;

- 3) политическое суждение: наши институты управления действительно способны достичь именно такого результата⁸⁸.

Возвращаясь к вопросу возможности трансформации института юридической ответственности в связи с развитием ИИ, и отмечая наличие столь противоречивых подходов и прогнозов, которые существуют в исследовательской среде в отношении дальнейших изменений, остановимся, всё же, на том, что теория права зиждется на принципах права, обладающих признаками основательности и ценности, и соответствующих моральным, политическим и экономическим ценностям общества⁸⁹. Это означает, в какой-то мере, «нетолерантность» доктрины к концепциям противоречивым, не проверенным временем, не принятым большей частью научного сообщества. Посему многие предлагаемые современными авторами идеи не могут претендовать на серьёзность и глубину их восприятия. Так, отдельные признаки субъектности у носителей ИИ⁹⁰ не позволяют концептуально изменить понятие субъектов прав и правоотношений, поскольку это противоречит нынешней системе ценностей и правоотношений, а вслед за этим и пониманию юридической ответственности; ряд выявленных логических связей между ИИ и естественным интеллектом и выводы о ненахождении данных интеллектов в прямой конфронтации⁹¹, – не могут уравнивать субъективную сторону правонарушения, совершённого физическим лицом, с субъективной (и тем более объективной) стороной правонарушения, «совершенного» ИИ или с участием (при помощи) носителя ИИ; и т.д.

Нельзя не вспомнить в связи с этим концептуальную основу понимания ответственности, сформулированную проф. Ю.И. Гревцовым: «Для понимания ответственности, в том числе юридической, принципиально то, что, реализуя ту или иную социальную роль, субъект права нередко действует (должен действовать)

⁸⁸ Паскуале Ф. Новые законы робототехники: апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта / Пер. с англ. А. Королева, под научной редакцией С. Щукиной. М., 2022. С. 11.

⁸⁹ См.: Смирнов Д.А. О понятии принципов права // Общество и право. 2012. № 4(41). С. 36.

⁹⁰ Будут рассмотрены в соответствующем разделе настоящего исследования.

⁹¹ См.: Троешестова Д.А., Аbruков В.С., Степанов А.Г. Проблема становления системы взаимодействия организационных структур естественного и искусственного интеллектов в информационном обществе // Вестник ЧГУ. 2012. № 1. С. 121-122.

как существо нравственное – и ответственное. Такая ответственность скорее включает в себя личную подотчетность и способность действовать в рамках этических норм. Ответственность – это определенность, надежность, честность, порядочность в отношении себя и других»⁹². Любая правовая среда, даже та, которую нельзя назвать высокоразвитой, строится на незыблемых принципах: ценностных, логических, основательных. И годами формируемые и развивающиеся нормы права, в каком бы современном обществе и государстве мы ни оказались, не смогут отойти от общепризнанного понимания субъектов ответственности и иных составляющих данного института.

В этой связи уместным будет привести практический пример того, как даже в прецедентной правовой системе охраняются и уважаются ценностно ориентированные и охраняемые столетиями права. 16 марта 2023 года Бюро авторских прав Библиотеки Конгресса США (United States Copyright Office, далее – USCO) опубликовало Руководство по регистрации авторских прав в отношении работ, содержащих материалы, сгенерированные искусственным интеллектом⁹³ (далее – Руководство). По своей природе документ относится к «заявлениям о политике» (англ. «statement of policy»), и ставит целью «разъяснить практику проверки и регистрации произведений, содержащих материалы, созданные с использованием технологии ИИ»⁹⁴. В рассматриваемом Руководстве USCO упоминает несколько заявок последних лет, в которых технология ИИ была представлена как автор или соавтор произведения, или же включала заявления в разделах «Создано автором» или «Примечание для Бюро по авторским правам»

⁹² Гревцов Ю.И. Лекции по общей теории права учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. С. 177.

⁹³ Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence // Federal Register / Vol. 88, No. 51 / Thursday, March 16, 2023 // Rules and Regulations. P. 16190-16194.

⁹⁴ *Здесь и далее – пер. автора. Материалы опубликованы в научной статье:* Федорук Е.О. Эволюция понимания аспектов авторства, связанных с применением искусственного интеллекта, в США // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. № 2. С. 14-19. *Международная практика по данному вопросу освещена в научной статье:* Федорук Е.О. Вопросы авторства, связанные с искусственным интеллектом: международная правоприменительная практика // Труды по интеллектуальной собственности: Научный журнал кафедры ЮНЕСКО ВШЭ по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Том 45. 2023. № 2. С. 103-112.

пометки, указывающие на то, что произведение было создано с помощью ИИ или при его содействии. А отдельные заявители не раскрыли информацию о включении материалов, созданных с помощью ИИ, но упомянули названия технологий ИИ в названии работы или в разделе заявки «Благодарности». Эти прецеденты и явились причиной для издания Руководства. USCO считает, что необходимы рекомендации общественности по регистрации произведений, содержащих контент, созданный с помощью ИИ, и Руководство теперь отражает политику, которую USCO применяет во исполнение требований закона об авторском праве в отношении авторства человека – к заявкам на регистрацию таких произведений, а также содержит рекомендации для заявителей.

Как указано в Руководстве, использование сложных технологий ИИ является одной из недавних разработок, способных создавать «выразительный материал»: данный термин используется для обозначения результатов функционирования ИИ, которые, если бы они были созданы человеком, попадали бы под действие авторского права, как определено в ст. 102 Закона. Эти технологии «тренируются» на огромном количестве ранее существовавших работ, созданных человеком, и используют выводы из этого обучения для создания нового контента. Некоторые системы работают в ответ на текстовую инструкцию пользователя, называемую «подсказкой» («prompt»), короткие текстовые фразы, запросы). Результат генерации может быть текстовым, визуальным или звуковым и определяется ИИ на основе его дизайна и материала, на котором он был обучен. Эти технологии, часто описываемые как «генеративный искусственный интеллект», поднимают вопросы о том, защищен ли создаваемый ими материал авторским правом, могут ли быть зарегистрированы работы, состоящие как из материалов, созданных человеком, так и сгенерированных с помощью искусственного интеллекта, и какую информацию заявители, желающие их зарегистрировать, должны предоставлять USCO в своей заявке.

Проблемы регистрации таких произведений больше не являются гипотетическими вопросами, поскольку USCO неоднократно получало и рассматривало заявки на регистрацию авторства произведений в отношении ИИ, с

помощью которого они были созданы. Одна из таких заявок была подана ещё 03 ноября 2018 года Стефеном Талером – о регистрации художественного произведения – двумерного изображения «Недавний вход в рай» («A Recent Entrance to Paradise»), которое, как было указано в этой заявке, «было автономно создано компьютерным алгоритмом, запущенным на компьютере». С. Талер стремился зарегистрировать это сгенерированное компьютером произведение в качестве работы за авторством самой «Creativity Machine». Отказывая (повторно) Талеру 14 февраля 2022 года, USCO ожидаемо сослалось на Закон, в соответствии с которым «произведение должно быть создано человеком», а также указало, что «Талер должен либо предоставить доказательства того, что произведение является продуктом авторства человека, либо убедить ведомство отойти от вековой практики в области авторского права. Он не сделал ни того, ни другого». В качестве обоснования позиции USCO также ссылается на судебные прецеденты, начиная с самого раннего из известных: решения Верховного суда США № 18 от 17 марта 1884 г. по иску Литографической компании Барроу-Джайлс против Сэрони (Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony)⁹⁵, в котором определил именно фотографа в качестве автора работ, созданных при помощи фотокамеры, - заканчивая более поздними, в которых также говорится об авторстве как объективном выражении человеком своего творчества и идей; дело Мазер против Штейна (Mazer v. Stein)⁹⁶ 1953 года (даже при использовании в коммерческих целях в продаваемых декоративных изделиях украшений Абрахама Мазера, Зольд Штейн был обязан указывать авторство этого художника, использовать этот декор только с разрешения последнего и выплачивать вознаграждение автору); дело Голдштейн

⁹⁵ Материалы по делу Burrow-Giles Lithographic Company v. Sarony, 111 U.S. 53 (1884) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/> (дата обращения: 31.05.2024)

⁹⁶ Материалы по делу Stein v. Mazer, 111 F. Supp. 359 (D. Md. 1953) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/111/359/1816149/> (дата обращения: 31.05.2024)

против Калифорнии (*Goldstein v. California*⁹⁷) 1973 года (вне зависимости от художественной ценности, любые авторские работы подлежат правовой охране, – в том числе порнографические фото Мелвина Голдштейна, которые в соответствии с первой поправкой к Конституции США, гарантирующей свободу слова и прессы, не могут быть цензурированы и представляют собой высокое искусство); дело Эльдред против Эшкроф (*Eldred v. Ashcroft*⁹⁸) 2003 года (о сроках действия авторских прав на произведения в соответствии с DMCA – Digital Millennium Copyright Act 1998 года). Были упомянуты и прецеденты нижестоящих судов США: в частности, постановление Девятого окружного суда 1995 года по делу *Urantia Found. v. Kristen Maaherra*⁹⁹, в котором разъяснено: чтобы книга, «автором которой являются нечеловеческие духовные существа», защищалась авторским правом, она должна быть «составлена человеком, отобравшим и упорядочившим такие откровения», потому что «законы об авторском праве были предназначены для защиты не творений божественных существ» (а людей). Не осталось без внимания и дело об «обезьяньих селфи» (*Naruto v. Slater*¹⁰⁰) 2018 года: указано, что обезьяна не может зарегистрировать авторское право на фото, сделанное ей с помощью камеры. В деле *Kelley v. Chicago Park Dist.*¹⁰¹ 2011 года установлено, что «живой сад» не может быть автором: «управление садом – это полностью человеческое

⁹⁷ Материалы по делу *Goldstein v. California*, 412 U.S. 546 (1973) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/412/546/> (дата обращения: 31.05.2024)

⁹⁸ Материалы по делу *Eldred v. Ashcroft*, 537 U.S. 186 (2003) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/537/186/> (дата обращения: 31.05.2024)

⁹⁹ Материалы по делу *Urantia Foundation v. Maaherra*, 895 F. Supp. 1347 (D. Ariz. 1995) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/895/1347/1570651/> (дата обращения: 31.05.2024)

¹⁰⁰ Материалы по делу *Naruto v. Slater*, No. 16-15469 (9th Cir. 2018) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-15469/16-15469-2018-04-23.html> (дата обращения: 31.05.2024)

¹⁰¹ Материалы по делу *Chapman Kelley v. Chicago Park District*, No. 08-3701 (7th Cir. 2011) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca7/08-3701/08-3701-2011-02-15-opinion-2011-03-16.html> (дата обращения: 31.05.2024)

начинание». В деле *Satava v. Lowry*¹⁰² 2003 года сделан вывод о том, что медузы не защищены авторским правом, так как «впервые созданы природой, являются общим наследием человечества, и ни один художник не может использовать закон об авторском праве, чтобы помешать другим изображать их». Таким образом, по мнению USCO, авторство именно человека является основополагающим элементом защиты авторских прав¹⁰³.

Ещё одним случаем, на которое USCO ссылается в руководстве в качестве примера попытки зарегистрировать соавторство человека и ИИ, является заявка художницы Кристины Каштановой, авторские права которой на «графический роман» – комикс «Заря рассвета» – первоначально были зарегистрированы Бюро по авторским правам США (USCO) 15 сентября 2022 года, однако 21 февраля 2023 года USCO направило представителю Каштановой повторное письмо с информацией об изменении предыдущего решения, указав, что решение подлежит пересмотру в силу наличия неохранных авторским правом частей работы. Так, в заявке художницы работа была поименована как «комикс» («comic book»), содержащий 18 страниц, одна из которых является обложкой, на которой изображена девушка, указано название работы («Zarya of the Dawn») и слова «Kashtanova» and «Midjourney». Однако в заявке не раскрывалось, что автор использовала ИИ для создания какой-либо части работы, в связи с чем USCO сделало вывод о том, что слово Midjourney на обложке не свидетельствует об отказе Каштановой от авторства в отношении какой-либо из частей работы. Более поздние исследования USCO, а также письмо представителя художницы от 21 ноября 2022 года свидетельствуют об использовании при создании работы технологии ИИ Midjourney. Принципы работы этой технологии (с образцами) также описаны в

¹⁰² Материалы по делу *Richard Satava, an Individual; Satava Art Glass, a Sole Proprietorship, Plaintiffs-appellees, v. Christopher Lowry, an Individual; Christopher Richards, an Opinion Individual; Makawao Glassworks, Llc, Dba Hot Island Glass, Defendants-appellants*, 323 F.3d 805 (9th Cir. 2003) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/323/805/575893/> (дата обращения: 31.05.2024)

¹⁰³ Текст отказа доступен по ссылке: [Электронный ресурс] URL: <https://www.copyright.gov/rulings-filings/review-board/docs/a-recent-entrance-to-paradise.pdf> (дата обращения: 31.05.2024)

письме USCO, при этом Бюро приходит к следующему выводу: «Процесс и инструменты, с помощью которых пользователь Midjourney получает изображение, максимально удовлетворяющее его запросу, отличается от процесса создания художником, писателем или фотографом. Как отмечалось выше, в ответ на первоначальный запрос пользователя инструмент генерирует четыре различных изображения на основе обучающих данных Midjourney. После этого дополнительные подсказки, примененные к одному из этих начальных изображений, могут повлиять на последующие изображения; процесс создания не контролируется пользователем, поскольку невозможно заранее предсказать, что создаст Midjourney». Поэтому USCO пришло к выводу, что изображения, содержащиеся в работе Каштановой, не являются оригинальными авторскими произведениями, защищенными авторским правом: «Бюро не будет регистрировать произведения, созданные машиной или простым механическим процессом, который работает случайным образом или автоматически без какого-либо творческого вклада или вмешательства со стороны автора-человека». И хотя художница утверждает, что «руководила» структурой и содержанием каждого изображения, процесс, описанный в письме Каштановой, дает понять, что именно Midjourney, а не Каштанова, создала «традиционные элементы авторства» в изображениях. И вновь опираясь на первый прецедент в сфере защиты авторских прав (*Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*), с учётом того, что Midjourney генерирует изображения непредсказуемым образом, пользователи Midjourney не являются «авторами» изображений, создаваемых с помощью технологии в целях защиты авторских прав, а сама эта программа не может претендовать на авторство в силу того, что она не является человеком, USCO аннулировало ранее принятое решение о регистрации авторских прав Каштановой на весь комикс «Заря рассвета»: «Если бы Бюро знало информацию, предоставленную сейчас г-жой Каштановой, оно бы сузило круг претензий, исключив материалы, сгенерированные с помощью технологии искусственного интеллекта. В свете новой информации Ведомство аннулирует предыдущую регистрацию в соответствии с 37 C.F.R, § 201.7(c)(4) и заменит ее новой регистрацией,

охватывающей первоначальное авторство, которое г-жа Каштанова внесла свой вклад в эту работу, а именно в «текст» и «отбор, согласование и компоновку текста, созданного автором, и художественного произведения, созданного искусственным интеллектом». Поскольку эти материалы содержат преимущественно текстовый материал, они будут перерегистрированы как неопубликованное литературное произведение. Из новой регистрации однозначно будет исключено «художественное произведение, созданное искусственным интеллектом»; также будет указано, что отмена была вызвана невозможностью исключить содержащееся в работе авторство не человека», – сказано в ответе от 21 февраля 2023 года¹⁰⁴.

Вышеприведённый пример относится всего лишь к одному направлению, в котором используется ИИ – генерация объектов интеллектуальной собственности. У USCO богатая практика работы с обращениями о регистрации таких объектов. Однако, основываясь на незыблемых постулатах о том, что автором может быть только человек, ведомство не создаёт новых прецедентов и даже не рассматривает возможность признания авторства за ИИ.

В качестве перспектив развития института юридической ответственности в ключе понимания ИИ, – видятся разве что исключительно исследовательские попытки признать необходимость трансформации, связанную с «субъективизацией» ИИ. Однако фундаментальных подвижек в этом направлении (по крайней мере, в обозримом будущем) не случится.

¹⁰⁴ Все приведенные в абзаце цитаты являются переводом с английского языка (автора настоящего исследования) частей ответа USCO. См.: Re: Zarya of the Dawn (Registration # VAu001480196). February 21, 2023 [Электронный ресурс] // United States Copyright Office: официальный сайт. URL: <https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf> (дата обращения: 31.05.2024)

ГЛАВА II. Понимание сущности ИИ в контексте юридической ответственности

1. Семантическое значение понятия ИИ

В 1950-м году Алан Тьюринг в одном из философских журналов ставит вопрос: «Может ли машина совершать действия, неотличимые от осознанных?»¹⁰⁵ и создаёт знаменитый тест – «игру в имитацию» (сегодня общеизвестен под названием «Тест Тьюринга»), с которого отсчитывают историю ИИ. В этом тесте человеку предлагалось переписываться с машиной и человеком, отвечающими инкогнито (через экран компьютера или телетайп), и определять, кто именно даёт ответ. Если человек систематически принимает машину за другого человека, значит, машина может вести себя «осознанно»: машина может считаться «разумной» в случае, если её реакцию нельзя отличить от человеческой. В 1956 году на Дартмутском семинаре Дж. Маккарти впервые предложил термин «Artificial intelligence (AI)»¹⁰⁶, а М. Л. Мински определил ИИ как процесс, в рамках которого машины выполняют те задачи, которые потребовали бы интеллектуальных усилий от человека¹⁰⁷. На русский язык AI перевели как ИИ («искусственный интеллект»), и это выражение закрепилось, пока без успешных попыток оспаривания или углубления в суть понятия, результаты которых отразились бы в изменении языкового стандарта. И далее, на протяжении

¹⁰⁵ Turing A.M. Computing Machinery and Intelligence // Mind, New Series, Vol. 59, No. 236 (Oct., 1950), pp. 433-460. Published by: Oxford University Press on behalf of the Mind Association Stable.

¹⁰⁶ «Дж. Маккарти определил искусственный интеллект, с одной стороны, как науку и технику создания интеллектуальных машин, а с другой – как умение компьютера делать то, что умеют делать люди, т.е. то, что связано с интеллектом», - Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Искусственный разум как субъект права // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 189. С. 121.

¹⁰⁷ Данное понятие было одобрено также Н. Рочестером, К. Шенноном и другими исследователями: McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. August 31, 1955 // AI Magazine. Vol. 27. No 4. P. 12-14. И далее сформулировано Дж. Маккарти следующим образом: «Искусственный интеллект – это наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. Это связано с аналогичной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта», - McCarthy J. What is artificial intelligence? [Электронный ресурс] // Formal Reasoning Group: портал Стэнфордского университета. 2007. 11 декабря. URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/node1.html> (дата обращения: 31.05.2024).

семидесяти с лишним лет первенство среди рассуждений умов учёных-гуманитариев занимает вопрос о наличии или отсутствии автономного разума (сознания) и осознанного волеизъявления у носителей этого самого ИИ¹⁰⁸. Однако, если разобраться с трудностями языка, можно будет стать на шаг ближе к пониманию того, что именно учёные середины XX века вложили в понятие «Artificial Intelligence (AI)». Затем следует отследить развитие представлений о гипотетической правосубъектности ИИ, а также обратиться к анализу известного из общедоступных источников опыта причинения вреда со стороны носителей ИИ. После этого, согласно исходной исследовательской гипотезе, станут ясны предпосылки к трансформации института юридической ответственности и можно будет оценить их обоснованность, своевременность, уместность, корректность и соответствие ценностным императивам.

Поскольку понятие ИИ пришло из английского языка (именно на нём оно было впервые предложено научной общественности), необходимо обратить внимание на ряд относящихся именно к данному языку особенностей (используя для этого аналитический метод исследования). В английском языке есть несколько прилагательных, характеризующих когнитивные способности (ум, образованность, сообразительность и др.), причём каждое из них несёт свои лексическую нагрузку и этимологическое содержание, обладая за счёт этого разными смыслами.

Так, «умный, образованный» в общем, нейтральном смысле, – это «smart»¹⁰⁹; в более узком значении слово передаёт обладание большими знаниями, начитанность, выдающиеся мыслительные способности. Также «smart» может передавать ироничный или даже издевательский смысл: в русском языке этому слову соответствует «умник», но пароним этого слова («умница») – тоже будет «smart boy / girl». Сравните: современные телефоны, оснащённые огромным

¹⁰⁸ См.: Simon H.A. Modelling Human Mental Processes // RAND Corporation Paper. P-2221. 20 February 1961; Dreyfus H.L. Artificial Intelligence // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 412, Issue 1. doi.org/10.1177/000271627441200104, и др.

¹⁰⁹ Здесь и далее толкование английских слов приводится по словарю: Oxford Learner's Dictionary of Academic English (OLDAE) [Электронный ресурс] // Oxford Learner's Dictionaries: информ.-справочный портал. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 31.05.2024).

количеством функций, помимо «connecting people by phone», называются именно smartphones, но не intellectual phones, так? То же самое со smartwatches, а ещё, например, smart contracts...

«Clever» – тоже умный, но в значении «находчивый», «сообразительный», иногда даже «хитрый», «умник» (здесь – в отрицательном значении). Если человек «clever», он может не быть «so smart», но достаточно сообразительным для того, чтобы казаться начитанным. В «clever» также заложен некий творческий потенциал, креативность, ловкость. «Хитрый трюк» («clever trick») – негативная окраска, «изворотливость». Если «smart man» может быть начитанным, но не приспособленным к жизни в житейском плане, то «clever man» – наоборот, хорошо справляется с решением проблем за счёт своей сообразительности.

Прежде чем обратиться к intelligence, возьмём в качестве примера ещё пару прилагательных: «bright» и «brilliant»: одно ярче другого! О «bright» по-русски скажут «светлая голова», «одарённый», «способный». Обычно так говорят о детях, способных учениках, которые любят познавать, задавать вопросы, «схватывают на лету». Характеризуя взрослых, обычно используют «brilliant» – «выдающийся», «блестящий». Причём речь не всегда может идти об умственных способностях человека. «Brilliant plan» – блестящий план, «brilliant career» – блистательная карьера. Об учёных, художниках, писателях и других выдающихся людей своей эпохи также говорят «brilliant».

Наконец, intelligent – означает умный, но не в значении понятий «smart» или «clever», и тем более «bright» или «brilliant», – а в смысле «разумный», говоря о формах жизни на планете Земля или «разумности» животных; обладающий аналитическими способностями, говоря о, возможно, даже не начитанном или неэрудированном человеке, но умеющем делать выводы на основе имеющихся данных. Intelligent – это о хороших умственных (в смысле обучаемости) и аналитических способностях. Поэтому, если следовать лексическому значению слова и правильно его применять, то «artificial intelligence» – это об искусственном «разуме» в смысле «анализаторе», а не об обладателе сознания. О «mind» (ум, разум, рассудок), которым обладает человек, речи вообще не идёт.

Продолжая идти путем аналитической философии языка, мы логично сталкиваемся с вопросом, почему для формирования понятия ИИ (AI) не используется слово «sentient» (также «разумный», как «sentient being»). Уже многими годами позднее появления AI, «sentient» стало использоваться, и сейчас применяется довольно широко (например, «sentient machine»), но изначально не закрепилось за тем, что понимали под ИИ его основоположники. Почему? Во всяком случае, можно довольствоваться ответом, который будет всегда выгоден для опровержения любых попыток семантической аналитики: будучи введено конкретным учёным, понятие так и закрепилось, каким впервые было предложено. Однако имеется искушение полагать, что Дж. Маккарти подразумевал под «artificial intelligence» именно аналитические способности машины, которые напоминали ему человеческие. И семантический анализ это подтверждает.

Подытожим. «Smart» и «clever» могут означать «умный» в общем смысле, однако «smart» – обычно применяют в контексте «начитанный», а «clever» – подчёркивая такое свойство ума, как сообразительность. «Intelligent» – обладающий хорошими способностями к обучению и анализу. «Bright» – способный, подающий надежды. «Brilliant» – выдающийся, в разных смыслах этого понятия (как относительно умственных способностей взрослых, так и о различных других понятиях: исследование, карьера, план, жизнь и т.д.).

Таким образом, можно сделать вывод, что на заре развития ИИ учёные явно использовали термин «intelligence», чтобы подчеркнуть способность носителей ИИ к обучению, представляя их как **искусственные («artificial») анализаторы**, а не как обладателей сознания и уж тем более не предполагая, что через пару-тройку десятилетий начнутся дискуссии о наличии у ИИ сознания, которые не затихнут и спустя семьдесят лет после возникновения термина «AI». Не разделяя попытки (со стороны, представляющиеся тщетными) поисков у ИИ сознания и разума, аналогичных человеческим, стоит согласиться со следующим выводом Н.Н. Апостоловой: «Человеческий интеллект и цифровой интеллект – это две параллельных совершенно разных «вселенных». На каком основании «умному» роботу приписываются человеческие качества, права, обязанности и

ответственность – не понятно. Чтобы создать что-то себе подобное надо чётко знать и понимать, как устроен и работает человеческий мозг и сознание, а мы этого толком так и не знаем»¹¹⁰. То, что нейросети спроектированы по образцу модели функционирования человеческого мозга (сознания), стало возможно благодаря способу хранения числовой информации в базах данных сетевого типа, который схож с хранением образом в долговременной памяти, а также существованию «системы указателей», которые позволяют человеку быстро извлечь нужный символ и все данные, которые с ним связаны. Однако человек хранит данные, представленные не в виде опосредованных числовых (бинарных) моделей, а образы и символы; более того, символные образы в мозге человека объединены в наборы фактов и связей между ними, запомненные и извлекаемые как единое целое. В каждый момент времени человек может обрабатывать и интерпретировать не более 4–7 таких наборов. Компьютерные нейросети работают иначе, храня информацию в массивах и работая с ней оперативнее человека. Однако процесс человеческого мышления чрезвычайно сложен, – сложнее, чем у самого мощного носителя ИИ (из этого, однако не следует, что эта сложность может касаться осознаваемой и контролируемой волевым образом части). «Одна ячейка глаза способна выполнять за 10 мс обработку, эквивалентную решению системы из 500 нелинейных дифуравнений. Глаз человека насчитывает не менее 10 миллионов ячеек, компьютеру Cray-1 необходимо затратить около 100 лет, чтобы воспроизвести процессы, происходящие каждую секунду в нас в глазу. Отношения между сознанием и мозгом напоминают модель отношений между software и hardware»¹¹¹. Но дело здесь не в скорости и не в масштабе. «Слепить реплику» с мозга не равно воссоздать его в виде, даже приближенном к естественному. И первым шагом к осознанию ложности направления, отождествляющего ИИ с человеческим разумом и утопичности теорий наделяния ИИ правосубъектностью должен послужить вышеприведённый семантический анализ понятия ИИ.

¹¹⁰ Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 114.

¹¹¹ Родзин С.И. Искусственный интеллект: Учебное пособие. Таганрог, ИКТИБ ЮФУ, 2015. С. 14-15.

2. Развитие представлений об ИИ. Проблема правосубъектности в контексте юридической ответственности носителей ИИ

В 1980-м году Джон Сёрл дал понять, что обычный компьютер с обычным программным обеспечением не может считаться ИИ, и выделил два его типа: «сильный» ИИ (который должен обладать «сознанием» – в человеческом понимании) и «слабый» ИИ (который должен просто решать интеллектуальные задачи). Но, вопреки Тьюрингу, Сёрл не допускает теоретического приписывания машине сознания, так как оно неповторимо, и алгоритмы не могут осознавать своих действий так, как это делают люди. В подтверждение своих рассуждений Сёрл предлагает мысленный эксперимент «Китайская комната», в котором и человека можно поставить в условия неосознанных действий. Машина же находится в «китайской коробке» всегда.¹¹²

Противоположного подхода придерживается американский философ Дэниел Деннет, считающий возможным создание ИИ с человеческим сознанием: «Сознание в привычном для нас понимании не существует. То, что мы им называем – это просто форма понимания нашего и чужого поведения. Когнитивная система человека возникла в результате эволюции. ИИ эволюционирует ровно так же. Только вместо генов у ИИ машины Тьюринга»¹¹³. В доказательство этому Деннет приводит теорию интенциональности (свойства сознания быть направленным на что-либо)¹¹⁴. Направленность сознания питается желаниями, опасениями и надеждами, которые человек будет приписывать и машине, к примеру, играя с ней партию в шахматы. В идеях Деннета нетрудно обнаружить, с одной стороны кантовские воззрения относительно познания окружающего мира («вещь в себе» мы не можем познать), и с другой – ничем не обоснованное априорное наделение ИИ свойствами (наличие «человеческого сознания»), познать которые, однако, мы

¹¹² См.: Searle J. Minds, Brains, and Programs // The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M. (ed.) Oxford, 1990.

¹¹³ Dennett, Daniel. Consciousness Explained (ed. by Allen Lane). London: The Penguin Press. 1991. [Электронный ресурс] // Semantic Scholar.org: информ.-справочный портал. 2016. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Consciousness-Explained-Daniel-C-Dennett-Dennett/8d650ceb0246da0f38fa23fc554d57fa827e8a9a> (дата обращения: 31.05.2024)

¹¹⁴ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. Учебник. Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 18, 36.

не можем (как «вещь в себе»). Тем не менее, носитель ИИ – это не простая вещь окружающего мира, обладающая априорными признаками. Для появления (разработки) ИИ человечество использовало не чувственное познание, а выводы на основе рассуждений, причём рассудка и его категорий (наряду с категориями чувственного познания) вполне достаточно и для описания процессов, происходящих в момент создания носителей ИИ, и для анализа того, как именно функционирует этот ИИ. А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, вслед за Э. Гуссерлем, называют направленность на объект познания (интенциональность) важнейшим, основополагающим свойством сознания: «В процессе познания субъект получает определенную информацию – новые сведения об интересующем его объекте, которые выражаются в знаковой (языковой и образной) форме», а потому «Познание возможно только как проявление активности человеческого сознания и выступает как деятельность, форма поведения человека»¹¹⁵. Однако речи о наделении интенциональностью кого-либо (или чего-либо), помимо человека, в фундаментальном учебнике этих авторов – не идёт. При этом под правосубъектностью (или праводеееспособностью) они понимают «способность субъекта быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей и самостоятельно их приобретать и осуществлять (вступать в правовую коммуникацию)»¹¹⁶, а коммуникативные правовые отношения могут возникнуть между субъектами только тогда, когда они осознают себя субъектами права, что означает «поставить себя в коммуникативное правовое отношение к окружающему социальному миру»¹¹⁷.

Схоластика относительно «человеческого лица» и «разума и сознания» ИИ продолжается и сегодня, захватывая не только философские умы. Юристы всерьёз задумываются не только над наделением носителей ИИ правосубъектностью, но и над вопросами их юридической ответственности. С.С. Алексеев определял правосубъектность как способность лиц быть субъектами права, в частности,

¹¹⁵ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. Учебник. «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017. С. 18.

¹¹⁶ Там же. С. 258.

¹¹⁷ Там же. С. 259.

выступать участниками правоотношений, обладать субъективными правами и юридическими обязанностями и иметь возможность их осуществлять¹¹⁸. В составе правосубъектности он выделял дееспособность, включая, в свою очередь, в состав последней деликтоспособность (способность лица нести юридическую ответственность за совершение противоправных деяний – правонарушений¹¹⁹). Позже эти понятия разделили, определив дееспособность как способность индивида реализовывать права и выполнять обязанности посредством своих действий¹²⁰. Деликтоспособность же, как указывал Ю.А. Денисов, отражает способность субъекта нести ответственность за свои деяния перед обществом и, соответственно, характеризует уровень социальной состоятельности и зрелости индивида, его уровень понимания общественного значения своих действий и способности следовать этому пониманию в своем поведении¹²¹. Будучи составной частью правосубъектности, деликтоспособность также может наделяться отраслевым характером: разные виды юридической ответственности (в той или иной отрасли) имеют собственные требования к субъекту правонарушения и, следовательно, к субъекту юридической ответственности (например, различный возраст субъекта в уголовном, административном, гражданском праве), а основываясь на особенностях юридической ответственности в публичном и частном праве, исследователи констатируют, кроме того, наличие особенностей деликтоспособности в публично-правовом и частноправовом поле¹²².

Рассматривая деликтоспособность и дееспособность как составляющие родового для них понятия правосубъектности, современные исследователи отмечают: «В отечественной правовой науке сложилось относительно единообразное понимание правосубъектности как признаваемой

¹¹⁸ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 145.

¹¹⁹ Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х томах. Т. 2. М., 1982. С. 147.

¹²⁰ Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2014. С. 257.

¹²¹ Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. (Социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 81.

¹²² Скребнева Н.А. Юридическая ответственность в публичном и частном праве (вопросы теории и практики): Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М. 2018. С. 97.

законодательством способности лица иметь юридические права, свободы, обязанности и законные интересы и осуществлять их самостоятельно (лично) либо через законных представителей, а также отвечать за их неправомерную реализацию»¹²³. Однако в большинстве случаев при рассмотрении вариантов наделения правосубъектностью носителей ИИ о вопросах деликтоспособности ИИ и возможности привлечения его носителей к ответственности, к сожалению, умалчивают. Исследователей больше интересуют вопросы определения правового статуса носителей ИИ¹²⁴. И год от года мнений о субъективизации ИИ становится больше. Так, М.Ю. Митренина уже десять лет назад высказала мысль о том, что «робот является самостоятельной интеллектуальной машиной, которая может быть воспринята как «отдельное существо»..., почти равный человеку участник коммуникации (с учетом его интерактивности наряду со способностью к обучению)», а также обратила внимание на то, что если «такие роботы будут использоваться повсеместно, благодаря выгодам для бизнеса и государственных программ, то людям придётся выстраивать отношения с ними»¹²⁵. П.М. Морхат определяет искусственный интеллект как полностью или частично автономную самоорганизующую (самоорганизующуюся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе биокибернетическую, систему, наделенную / обладающую способностями и возможностями мыслить, самоорганизовываться, обучаться, самостоятельно принимать решения и т.д.¹²⁶, а также выводит понятие «юнит ИИ», рассматривая его в качестве электронного лица¹²⁷. Р.В. Душкин говорит о моделировании

¹²³ Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность как элемент правового статуса личности // Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. С. 145.

¹²⁴ См.: Серова О.А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. 2018. № 3. С. 22-24; Михалева Е.С., Шубина Е.А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 26-35; и др.

¹²⁵ Митренина М.Ю. Возможности человека и робототехника: кто станет объектом творчества? // Гуманитарная информатика. 2014. Вып. 8. С. 18.

¹²⁶ Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография. М., 2017. С. 69.

¹²⁷ Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61-73.

технологиями ИИ отдельных аспектов высших психологических функций человека¹²⁸, П.П. Баранов¹²⁹, а вслед за ним В.А. Шестак и А.Г. Волеводз¹³⁰ приводят предпосылки к формулировке понятия «электронное лицо» и констатируют возможность в дальнейшем рассматривать его как субъект права (ибо по своему существу электронное лицо является совокупностью юридических прав и обязанностей, содержанием которых могут признаваться действия ИИ). «Как только ИИ начнет себя осознавать, люди будут вынуждены учитывать новый действующий фактор – собственные интересы системы»¹³¹, – заключает Е.Г. Авакян. «Наибольший интерес, конечно, представляют те системы, конечный результат творческой работы которых практически нельзя предсказать. То есть, влияние воли человека на данный результат минимально», – пишет Н.Д. Ларина – «Таковыми объектами искусственного интеллекта являются самообучаемые системы, которые в процессе своей деятельности накапливают «опыт», трансформируемый в новые коды»¹³².

Рассуждения о наделении ИИ человеческими свойствами, рассмотрение его как проявлений разума, очеловечивание машин – закономерно влекут как аргументированные возражения коллег¹³³, так и развитие дискуссий о новых

¹²⁸ См.: Душкин Р. Искусственный интеллект. М. 2019. С. 194.

¹²⁹ Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 39-45.

¹³⁰ Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 200-201.

¹³¹ Парадокс Пигмалиона: какое будущее ждет искусственный интеллект в сфере права? (Открытый диалог Елены Авакян и Виталия Кастальского) [Электронный ресурс] // Сфера: информ.-справочный портал ООО «Лигал Академия». 2016-2024 URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/paradoks-pigmaliiona-kakoe-buduschee-zhdet-iskusstvennyi-intellekt-v-sfere-prava> (дата обращения: 31.05.2024).

¹³² Ларина Н.Д. Проблемы развития юридической науки в РФ в сфере авторских прав и искусственного интеллекта // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сборник научных статей. Часть VII. Науч. ред. Шайденко Н.А. М., 2020. С. 145.

¹³³ См.: Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М., 2021. С. 34-48; Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 225.

субъектах в праве¹³⁴, отдельные смелые положения которых даже вводятся в учебный материал для будущих специалистов в сфере юриспруденции. Так, А.В. Минбалеев к числу субъектов цифровых отношений относит операторов больших данных, роботов, цифровых личностей¹³⁵. Есть и своеобразные «примирительные» суждения. К примеру: «Искусственный интеллект не обладает необходимой познавательной и мыслительной функцией. Это лишь глобальный аналитический механизм, который компилирует мысли и программные коды. Вопрос скорее в том, каким образом должны защищаться произведения, созданные ИИ. Здесь можно говорить о возникновении иных прав. Личные неимущественные права, которые входят в авторские, ИИ не нужны – у него нет личности»¹³⁶. Тот же автор: «На мой взгляд, искусственный интеллект – это программа. Прогрессивная, самообучающаяся, но все же программа, написанная одними людьми для других людей»¹³⁷. Ещё одна отчасти примирительная позиция была предложена В.В. Архиповым и В.Б. Наумовым, которые в рамках намеренно провокационной гипотезы предлагали рассматривать робота в одном случае как имущество, а в другом – как субъекта права («робот-агент»), являющегося участником общественных отношений, наряду с «владельцем робота-агента»¹³⁸. Причём последний, несмотря на наделение робота-агента признаками субъекта права, несёт ответственность в случае причинения этим роботом-агентом вреда.

Отдельного внимания в разрезе исследования правосубъектности ИИ заслуживает неоднократно высказанная¹³⁹, подробно обоснованная

¹³⁴ См.: Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 19-31.

¹³⁵ Минбалеев А.В. Цифровые правоотношения: понятие, виды, структура, объекты // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2020. С. 67.

¹³⁶ Авакян Е. В погоне за сверхразумом: Можно ли считать искусственный интеллект автором // Российская газета. 06 февраля 2020 г. № 25 (8079).

¹³⁷ То, что робот написал: Эксперты IPQuorum обсудили правовой статус искусственного интеллекта и системы блокчейн // Российская газета: Спецвыпуск – Интеллектуальная собственность. 20 апреля 2018 г. № 85 (7548). С. 2.

¹³⁸ Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6. С. 53-56.

¹³⁹ См.: Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63-72. Авторы обосновывают необходимость

Е.В. Пономарёвой и поддерживаемая рядом авторов¹⁴⁰ концепция квазисубъектов права¹⁴¹. Так, Е.В. Пономарёва утверждает, что «субъект права – это особый идеальный тип, который не может быть получен в процессе изучения этнологии, антропологии, истории, политологии, он формируется согласно совершенно иным требованиям, предъявляемым к нему правовой коммуникацией. Такой субъект должен иметь возможность вступления в правовую коммуникацию благодаря наличию свободной воли и способности к деятельности в праве, благодаря способности своими действиями приобретать права и исполнять юридические обязанности. Без этих требований к субъекту права само право перестанет существовать как коммуникативная рациональность»¹⁴². Осуждая то, что субъекта принято воспринимать исключительно «материалистически, предельно натурально, что не соответствует самому предмету права», а также основываясь на понимании субъекта правоотношений исключительно в предметной области права, Е.В. Пономарёва настаивает на том, что «признаки субъекта права и сама

необходимость введения нового квазисубъекта гражданского правоотношения – Работа тем, что «нужно урегулировать вопросы ответственности для избежания таких ситуаций, когда потерпевшая сторона может оказаться в крайне невыгодном положении. И вне зависимости от наличия или отсутствия договорных отношений вред, причиненный действиями Роботов, должен подлежать возмещению по соответствующим правилам и нормам». См.: Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15-30. Автор указывает, что определением правового статуса «робота-агента можно будет в будущем, когда возникнут реальные предпосылки наличия у них интеллекта, т. е. сознания и воли в их юридической, а не психологической интерпретации, признать “как бы субъектами права” (квазисубъектами)».

¹⁴⁰ См.: Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 67; Подузова Е.Б. Субъекты и квазисубъекты цифровых-отношений: нотариальные и цивилистические аспекты // Нотариальный вестник. 2021. № 11. С. 5-15; Незнамова Н.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция «Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты» (г. Москва, 08 декабря 2021 г.). М.: АНО ВО «Российский новый университет», 2021. С. 247.

¹⁴¹ См.: Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: Дис. на соиск. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019; Пономарева Е.В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории: монография / под ред. докт. юрид. наук, доц. С.И. Архипова. М., 2020. Отметим также, что попытки исследования понятия квазисубъектов авторы предпринимали и ранее. См., например: Мыскин А.В. Филиал юридического лица как квазисубъект гражданского права // Гражданское право. 2014. № 1. С. 6-9.

¹⁴² Пономарева Е.В. Методологические проблемы разграничения субъектов права и квазиправовых субъектов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 76.

конструкция субъекта права должна быть выработана отвлеченно, как определенная гносеологическая модель без привязки к конкретной исторической эпохе, без указания на то, какую культурно-историческую либо социально-экономическую роль сыграл тот или иной субъект», и, преломляя фокус формально-юридического подхода к современным правоотношениям, выводит понятие квазисубъекта права, который может не обладать всеми признаками субъекта права, однако его правоспособность официально (в законе; в судебной системе) либо неофициально (в правовой доктрине) признана, он обладает социально-правовой ценностью и его роль в правовой системе особая: «это правообладатель, носитель субъективного права, в отличие от настоящего субъекта права, который обладает не только правами, но и юридическими обязанностями, способен их исполнять самостоятельно или через своих представителей»¹⁴³.

В настоящий момент проблематично предсказать, насколько описанная концепция окажется жизнеспособной, и будет ли опираться на неё законодатель при совершенствовании законодательства. Но, несмотря на свою односторонность (фактически наделение только правами, без обязанностей и ответственности), признание носителей ИИ квазисубъектами права может весьма удовлетворять интересам и мнениям значительной части общества, – бизнеса и научного сообщества, высказывающихся за наделение этих носителей признаками субъектов права. Однако в этом случае, коль скоро квазиучастник правоотношений является носителем исключительно прав, но не обязанностей, – вопрос с тем, кто будет нести ответственность за неправомерные действия такого квазисубъекта, становится крайне важным. Памятуя о том, что «правоотношение может возникнуть лишь между такими субъектами, которые обладают правосубъектностью», а «правосубъектность, или праводеееспособность, означает способность субъекта быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей и самостоятельно их приобретать и осуществлять (вступать в правовую коммуникацию)»¹⁴⁴, мы

¹⁴³ Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: Автореф. дис. на соиск. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 8-10.

¹⁴⁴ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. Учебник. Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 258.

усматриваем порочность логики в односторонней трактовке субъектности ИИ. В рамках действующей общей парадигмы права такая трактовка невозможна. Даже если гипотетически предположить возможность признания такого, грубо говоря, половинчатого формата правосубъектности, в котором вопрос ответственности не ставится вовсе, либо решается, как и реализация обязанностей, - выборочно и(или) опосредованно (через представителей), — это будет означать конец всего современного права в том смысле, в котором мы его знаем.

В рамках рассмотрения правосубъектности ИИ стоит обратить внимание также на мнение об ИИ как объекте виртуальной реальности. Так, А.В. Попова, опираясь на взгляды Э. Кастроновы, изложенные В.В. Архиповым и В.Б. Наумовым, описывает ещё одну модель понимания ИИ как «искусственно сконструированного субъекта права», но не в объективной, а в виртуальной реальности: Э. Кастронова соотносит понятие «интеррация» (создание определенного статуса в виртуальной реальности) с процессом создания юридического лица в правовой реальности: «Юридический акт создает фиктивное лицо (юридическое лицо)... Аналогичный юридический акт интеррации имел бы схожую цель: создание фиктивного пространства... определенного уставом интеррации синтетического мира. Такой устав мог бы... прояснить юридический статус событий, происходящих в таком мире, и имущества, которое в нем накапливается... мог бы определить права людей, выступающих в различных ролях, таких как разработчики, пользователи и те, кто находится за пределами такого мира». Следовательно, ИИ и отдельные виды роботов могут быть внесены в особые реестры, наподобие реестров юридических лиц, как искусственно созданные человеком субъекты права¹⁴⁵.

«Футурологи провозгласили рождение нового вида, *machina sapiens*, который займет место человека как разумного существа на земле. Критики утверждают, что «мыслящая машина» – это оксюморон. Машины, включая компьютеры, с их основами холодной логики, никогда не смогут быть проницательными или

¹⁴⁵ Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 19.

творческими, как люди»¹⁴⁶. С тем, что ИИ на сегодняшний день остаётся объектом, но не субъектом правоотношений, трудно не согласиться. Даже вопреки популярным и всё чаще транслируемым современным мнениям о «человеческих» характеристиках и функциях носителей ИИ, ориентируясь на иллюстрации трудов по ИИ (изображения роботов с человеческим лицом), полагаем, это лишь дань моде, а картинки-обманки¹⁴⁷ могут вызывать только ещё бóльшие фантазии. В ИИ закладываются данные, на основе которых программа производит вычисления. Механизм «принятия решения» программой (если его можно назвать таковым) сильно отличается от человеческого. Робот не может обосновать данное решение личными причинами, сожалеть о выборе или найти принципиально иной путь разрешения проблемы, основанный, к примеру, на интуиции. Если человек в процессе познавательной деятельности либо обучения может сделать открытие («Эврика!»), то машина основывается исключительно на загруженной в неё информации. Тем не менее, алгоритмы и деятельность носителей ИИ действительно уже интегрированы в системы взаимодействия не только объектов технического мира, но и в отношении «человек-машина» и даже «человек-человек». Поэтому в целях формирования целостного представления о современном состоянии юридической ответственности носителей ИИ справедливо обобщить подходы к правовому регулированию ответственности этих носителей в контексте регулирования его правового положения (а в дальнейшем, в развитие этого положения – юридической ответственности). И.А. Алешкова, обобщая изученные ею концепции, предлагает в этом вопросе выделить три подхода¹⁴⁸:

- 1) решить вопрос по аналогии с физическими лицами¹⁴⁹;

¹⁴⁶ Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities // *Akron Intellectual Property Journal*, Vol. 4 [2010], Iss. 2, Art. 1. P. 175.

¹⁴⁷ Технически, алгоритмы и вся деятельность ИИ – это набор цифр, коды.

¹⁴⁸ Алешкова И.А. Цифровой статус личности и правовой статус искусственного интеллекта: новое в юридических конструкциях // *Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 195-196.*

¹⁴⁹ В истории на данный момент созданы два подобных прецедента: наделение в 2017 году робота-гиноида Софии подданством Саудовской Аравии. См. об этом: Робот-андроид София стала подданной Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // ТАСС: новостной портал. 2017. 26 октября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4680400> (дата обращения: 31.05.2024); Hatmaker T. Saudi Arabia bestows citizenship on a robot named Sophia [Электронный ресурс] // *TechCrunch*: информ.-

- 2) приравнять роботов к животным¹⁵⁰;
- 3) использовать концепцию, близкую к юридическим лицам. Возможность наделения ИИ статусом юридического лица высказывает ряд авторов¹⁵¹.

К этому перечню полагаем необходимым добавить также подход, отстаивающий статус любого робота «независимо от сложности и выполняемого им функционала» – исключительно как продукта и результата деятельности человека, являющегося «по существу орудием труда человека»¹⁵²; «нет никаких философских, технологических или юридических оснований считать их чем-то иным, кроме артефактов, порожденных человеческим интеллектом, а,

справочный портал. 2017. 26 октября. URL: <https://techcrunch.com/2017/10/26/saudi-arabia-robot-citizen-sophia/> (дата обращения: 31.05.2024); и др. источники; и наделение в 2017 же году статусом усыновлённого и внесение в реестр населения робота-гуманоида Фрэн (из серии японских роботов Pepper) в г. Хассельт, Бельгия. В качестве «родителей» робота были записаны директор исследовательского института PXL Hasselt Астрид Ханнес (Astrid Hannes) и руководитель IT-департамента этого заведения Френсис Фокс (Francis Fox). См. подробнее: Филонова А. Первый робот-гуманоид получил свидетельство о рождении [Электронный ресурс] // Discover24: новостной портал. 2017. 06 февраля. URL: <https://discover24.ru/2017/02/pervyj-robot-gumanoid-poluchil-svidetelstvo-o-rozhdenii/> (дата обращения: 31.05.2024).

С. Честерман настаивает на возможности предоставления системам ИИ права на «статус, сравнимый с физическими лицами»: Chesterman S. Artificial intelligence and the limits of legal personality // *International and comparative law quarterly*. 2020. Vol. 69, № 4. P. 820. У. Пагалло, обращаясь к Римскому частному праву, проводит аналогии между правовым положением рабов и Роботов: Робот, как и раб, не имеет прав и обязанностей; Робот, как и раб, может принимать решения, несущие правовые последствия, в том числе для собственника; рабы были наделены имуществом (пекулий), - требуется наделять Роботов имуществом; рабы и Роботы способны причинять вред: Pagallo U. *The Law of Robots: Crimes, Contracts, and Torts*. New York, London, 2013. P. 28.

¹⁵⁰ См.: Евсеев Е.Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // *Законодательство и экономика*. 2009. № 2. С. 23-26. Руководствуясь тем, что у животных есть собственная воля в совершении действий, Е.Ф. Евсеев полагает необходимым определять их как одушевленную вещь. В развитие данного суждения, А.В. Попова подчёркивает отсутствие возможности возложения юридической ответственности как на животных, так и по аналогии на роботов как объектов правовых отношений: Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // *Журнал российского права*. 2018. № 11. С. 19.

¹⁵¹ См.: Федорина А.А. К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта // *Бизнес и право. Приложение к журналу «Предпринимательское право»*. 2018. № 4. С. 3-8, Крысанова Н.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // *Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова*. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 218-230.

¹⁵² Синицын С.А. *Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография*. М., 2021. С. 61-62.

следовательно – продуктов»¹⁵³. К тому же подходу разумно будет отнести мнение о том, что ИИ – лишь объект интеллектуальной собственности: такая позиция имеет целью предотвращение манипуляций со стороны человека при злоупотреблении системами ИИ¹⁵⁴. Признание ИИ видом имущества тоже возможно в рамках этого подхода: «Целесообразно в состав предприятия как имущественного комплекса (ст. 132 ГК РФ) включить цифровые технологии, искусственный интеллект и как вид имущества, и как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности»¹⁵⁵.

А вот такую гражданско-правовую оценку «поведения» ИИ, как действий источника повышенной опасности¹⁵⁶, всё-таки, лучше не выделять в отдельную концепцию, а объединить со вторым подходом (где роботы приравнены к животным) – по аналогии взаимоотношений человека с животными и «разумными» носителями ИИ. Сюда же, возможно, стоит отнести исследованное ранее квазисубъектное понимание сущности носителей ИИ, - поскольку вопросы ответственности в данном подходе также остаются вне разреза правосубъектности, хотя в вопросах наделения квазисубъектов правами авторы проводят больше аналогий с правами людей – физических лиц.

В развитие дискуссий о возможности установления юридической ответственности для носителей ИИ, некоторые авторы не без удивления для себя обнаруживают, что на практике признаки субъекта права, например, могут быть у промышленного ИИ-робота: «Так, робот может иметь регистрацию (предположим, в Ростехнадзоре) и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией,

¹⁵³ Горохова С.С. О некоторых аспектах публичной юридической ответственности в сфере использования искусственного интеллекта и автономных роботов // Юридические исследования. 2021. № 5. С. 29.

¹⁵⁴ Оморов Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-management. 2020. № 1. С. 48.

¹⁵⁵ Голик В.В., Жосан И.А., Шуринкин О.О., Васильев А.В., Стефанчикова П.А. Искусственный интеллект в гражданском и семейном праве // Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция «Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты» (г. Москва, 08 декабря 2021 г.) М.: АНО ВО «Российский новый университет», 2021. С. 394.

¹⁵⁶ Антонов А.А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69-74.

соответствующей целям его деятельности; обладать имущественной базой, поскольку робот априори представляет собой материальную ценность; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации, как крайней мере ответственности)»¹⁵⁷. Однако конкретный выбор в пользу развития какой-либо из четырех концепций субъекта юридической ответственности из предложенных выше¹⁵⁸, исследователи обычно делают крайне редко. Тем не менее, очевидно, что правовое регулирование остро нуждается в совершенствовании законодательных норм об ответственности за действия и решения носителей ИИ¹⁵⁹. Это не только мнения теоретиков. Данная потребность обусловлена накопленным опытом причинения вреда носителями ИИ (рассмотрен далее), а также высказана на официальном межгосударственном уровне. Так, предоставив в 2017 году для Еврокомиссии рекомендации в 2017 г., Европарламент в Резолюции «Нормы гражданского права о робототехнике» рассмотрел гипотетическую возможность наделения роботов, как носителей искусственного интеллекта, особым правовым статусом, способным принимать решения, взаимодействовать с третьими лицами, иметь права и обязанности (в том числе по уплате налогов), и – и это особенно важно – нести ответственность за свои действия¹⁶⁰.

Однако стоит отметить, что для качественного изучения сущностных характеристик ИИ и формирования юридико-технологического понимания того, что представляют собой носители ИИ, следует обратить внимание на практические аспекты создания и использования данных объектов. В данной связи весьма обоснованным представляется предложение И.Р. Бегешева о том, что:

¹⁵⁷ Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 88.

¹⁵⁸ Имеются ввиду предложения по формулированию понятия юридической ответственности этих особых субъектов, конкретизация составов деликтов и их последствий и т.п.

¹⁵⁹ Soulez P.-M. Questions juridiques au sujet de l'intelligence artificielle // Enjeux numériques. № 1. Mars, 2018. P. 81-84.

¹⁶⁰ Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics 2015/2103(INL): P8_TA-PROV (2017)0051 [Электронный ресурс] // European Parliament: официальный портал. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения 31.05.2024).

«Необходимо проводить массовое исследование достижений робототехники для формирования общей стратегии среди представителей научных кругов и бизнес-сообщества, что позволит сформировать новое поколение специалистов в области робототехники, которое будет иметь глубокие связи с обществом и сможет отстаивать свои позиции в дискуссиях. Кроме того, будет сформировано верное представление о науке робототехнике как таковой»¹⁶¹.

Таким образом, рассматривая гипотезу о правовом статусе носителя ИИ в контексте юридической ответственности, в теории права можно выделить следующие подходы, имеющие значение для выработки вариантов применения ответственности к носителям ИИ:

1. Наделение носителя ИИ правосубъектностью по аналогии с физическими лицами;
2. Придание носителю ИИ правового статуса вещи по аналогии с животными и источниками повышенной опасности;
3. Выделение носителя ИИ как квазисубъекта права со статусом организации по аналогии с юридическими лицами;
4. Понимание носителя ИИ как продукта и результата деятельности человека (орудия труда; технического решения; результата интеллектуальной деятельности и т.п.) – то есть ограничение рамок носителя ИИ юридическим статусом объекта права.

В завершение хочется отметить, что, по мнению автора, многообразие подходов к пониманию ИИ¹⁶² является следствием включения в исследовательские

¹⁶¹ Бегишев И.Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: Дисс. на соиск. уч.ст. д.ю.н. Казань, 2022. С.174.

¹⁶² В Глоссарии понятий по ИИ и робототехнике уже в 2021 году насчитывалось пять различных вариантов определений ИИ: «1) инженерно-математическая дисциплина, занимающаяся созданием программ и устройств, имитирующих когнитивные (интеллектуальные) функции человека, включающие в том числе анализ данных и принятие решений; 2) наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ; свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека; 3) комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную

процессы в отношении данного понятия представителей гуманитарных наук – философии, социологии, юриспруденции, которым стало «тесно» в рамках изначально транслируемого смысла со стороны его основоположников. Математикам и информатикам не требовалось мыслительных экспериментов или очеловечивания машин. Они – смелые мечтатели – всего лишь играли в имитацию и соревновались в том, кто сможет с помощью техники ввести в заблуждение человека (ведь до сих пор классический тест Тьюринга в качестве положительного результата предполагает как раз неразличимость реакций и действий человека и машины). И то понимание, к которому за несколько десятилетий пришло научное сообщество, весьма видоизменилось по сравнению с изначальными воззрениями. Развивается и техническая мысль. Но если говорить о существовании некой научной чистоты понятия, то исследователи в сфере наук гуманитарного цикла в данном отношении отнюдь не способствовали её сохранению, формулируя интересные (а порой весьма неожиданные, – к примеру, те же юниты П.М. Морхата) концепции, которые, однако, всякий раз были и остаются обречены на существование исключительно в формате частных теорий¹⁶³.

инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений; 4) комплекс технологических и программных решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, и используемых для решения прикладных задач с помощью систем компьютерного зрения, обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи, рекомендательных систем и интеллектуальных систем поддержки принятия решений, а также систем, основанных на перспективных методах); 5) ряд методов, которые позволяют машине моделировать человеческое обучение, а именно изучать, предсказывать и принимать решения и воспринимать окружающую среду», - Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: глоссарий понятий. М., 2021. С. 17.

¹⁶³ См. также: Федорук Е.О. Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта в контексте юридической ответственности // НАУКА, ОБЩЕСТВО, ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (17 ноября 2022 г.). Петрозаводск. 2022. С. 115-123; Федорук Е.О. О проблемах ответственности искусственного интеллекта в связи с неопределенностью его правового статуса // Сборник материалов III Международной конференции молодых ученых «Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее». М. 2021. С. 133-141.

3. Подход законодателя к определению ИИ

Среди многообразия определений понятия «искусственный интеллект», сформулированных в различных исследованиях, к сожалению, нет единого. И.Р. Бегишев и З.И. Хисамова выделяют две главных причины несформированности данного понятия и дискуссионного характера вопроса, касающегося выработки единого определения ИИ: с одной стороны – это то, что чётко не обозначены «состав» и «главные механизмы» ИИ, с другой – междисциплинарный характер рассматриваемого понятия, «ввиду чего в логике, психологии, лингвистике, кибернетике, дискретной математике и программировании встречается немало терминов, определяющих суть и значение ИИ»¹⁶⁴. Проведя подробный анализ представленных в литературе рассуждений на этот счёт, Д.В. Бахтеев говорит о наличии грандиозного количества определений того, что из себя представляет или должен представлять искусственный интеллект¹⁶⁵. Это неудивительно, поскольку на протяжении нескольких десятилетий обществу навязывали представления об ИИ как о некоем аналоге живого. Производители, работающие с алгоритмами, демонстрируют на выставках роботов, похожих на людей, домашних питомцев, части «человеческого» тела. Писатели и режиссеры проводят в жизнь идею о том, что внутри ИИ – нечто похожее на человеческий разум. Однако всё, что связано с машинами, алгоритмами и тем, что сегодня рассматривают как ИИ, – это лишь набор цифр в определенных последовательностях, и данные этих последовательностей изменяются на основании заложенных в ИИ алгоритмов (программ). Именно поэтому проводить параллели работы ИИ с человеческим мышлением представляется неприемлемым, хотя некоторые рассуждения авторов, бесспорно, являют собой предмет и научного интереса, и обсуждений в публицистике.

Практически ни в одной по настоящему серьезной работе по ИИ, написанной математиком, инженером, другим представителем точных наук, – не найдётся

¹⁶⁴ Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. М., 2021. С. 12.

¹⁶⁵ Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М., 2021. С. 8.

размышлений по поводу каких-либо умыслов ИИ, его осознания самого себя, наделения его человеческими качествами. Потому что эти люди знают, как программируются системы ИИ, как происходит их «обучение», и что ничего от человеческого или какого-либо похожего на человека существа внутри робота, программы и (или) системы – нет. Более того, в настоящее время мы имеем дело с максимально узконаправленными системами ИИ, обладающими такими признаками, как: «развитые коммуникативные способности; умение решать сложные плохо формализуемые задачи; способность к самообучению; адаптивность»¹⁶⁶, и классифицирующимися по типам следующим образом:

¹⁶⁶ Остроух А.В. Введение в искусственный интеллект: монография. Красноярск, 2020. С. 111. Классификация интеллектуальных информационных систем по типам систем, представленная далее – из того же источника, с. 112.

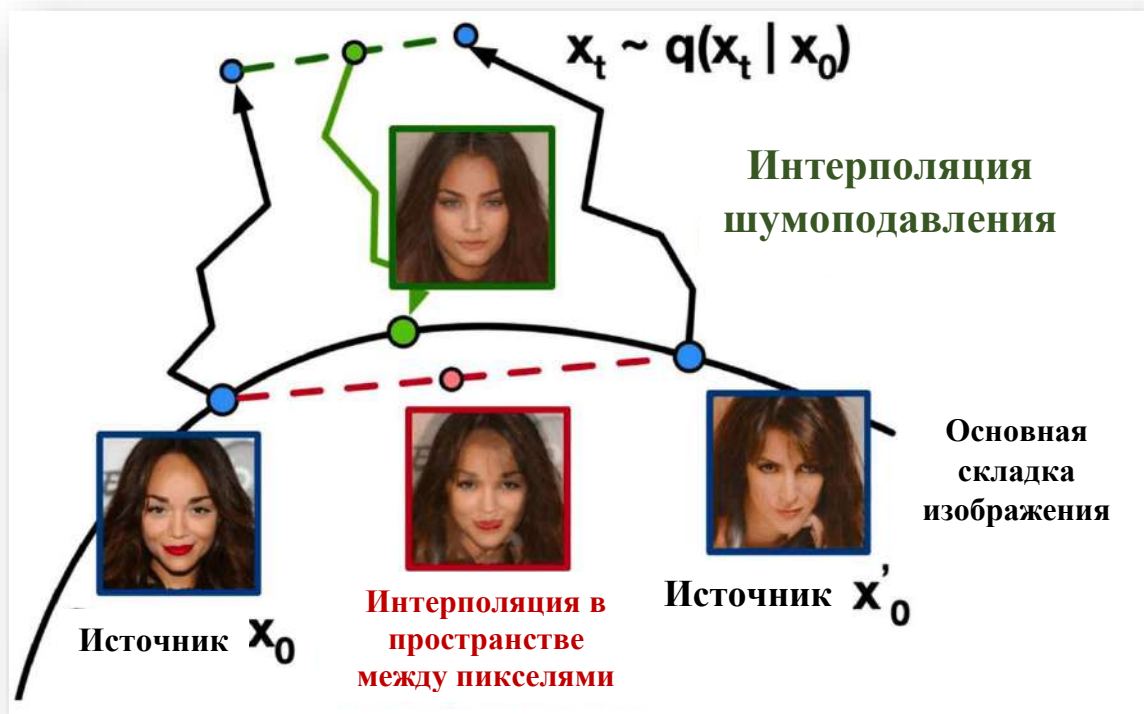
ИИ – это цифровая система, образованная огромным массивом загруженных в неё данных и алгоритмов – правил решения задач либо наборов инструкций, описывающих порядок действий носителя ИИ для решения определенной задачи¹⁶⁷. Именно порядок, не последовательность, так как в последнем случае носитель ИИ не смог бы выполнять независимые инструкции в произвольном порядке, параллельно. То есть фактически система ИИ – это набор программных кодов. На примере генеративных нейросетей, визуализацию алгоритмической работы ИИ упрощённо и наглядно можно видеть на изображении ниже. Несмотря на мнимую необъяснимость процесса «генерации» изображений (якобы, ИИ что-то «создаёт»), исследователи вполне конкретно и с помощью математических формул выражают алгоритмические процессы, происходящие в нейросетях¹⁶⁸.

Приведенная ниже диаграмма, наглядно демонстрирующая работу модели диффузии с шумоподавлением (которая и используется в генерте), демонстрирует разницу в результатах между интерполяцией пикселей и интерполяцией скрытых изображений¹⁶⁹:

¹⁶⁷ Для настоящего исследования ИИ будет пониматься именно в таком ключе. А в качестве носителя ИИ подразумевается любой физический либо виртуальный носитель кодов, образующих ИИ.

¹⁶⁸ См., например, доклад: Ho J., Jain A, Abbeel P. Denoising Diffusion Probabilistic Models // arxiv.org: информ.-справочный портал. 2020. 16 декабря. doi.org/10.48550/arXiv.2006.11239.

¹⁶⁹ Данное изображение было заимствовано из вышеуказанной статьи Хо и др. и используется для иллюстрации работы генеративного ИИ в иске Andersen v. Stability AI Ltd.: Материалы по делу Andersen v. Stability AI Ltd. et al, 3:23-cv-00201, (N.D. Cal. Jan 13, 2023) ECF No. 1. P. 18 [Электронный ресурс]: US District Court for the Northern District of California: информ.-справочный портал Окружного суда Северного района Калифорнии, США. URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.407208/gov.uscourts.cand.407208.1.0.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).

Даже в силу только данного описания представляется бесперспективным заниматься поиском вариантов наделяния правосубъектностью носителей ИИ и оставить за ним лишь правовое положение объекта правоотношений: алгоритмическая работа заложенных в нейросеть математических формул явно не свидетельствует о наличии где-то там, за ворохом этих цифр и кодов, – волевой, разумной и творческой личности. Однако, понимая, что ИИ «тесно» и в рамках вещного права, и в рамках интеллектуальной собственности, вслед за Дж. А.Т. Фэйрфилдом, хочется согласиться с тем, что компьютерный код можно представить как своего рода виртуальное имущество. Свой положительный ответ на вопрос: «Должен ли компьютерный код, предназначенный для того, чтобы действовать как собственность реального мира, регулироваться и защищаться как собственность реального мира?», Фэйрфилд подробно аргументирует, представляя эту новую форму собственности – виртуальную собственность, «которая более эффективно управляет конкурирующими, постоянными и взаимосвязанными онлайн-ресурсам»¹⁷⁰. Ещё в качестве уместного (и более описательного, нежели

¹⁷⁰ См.: Fairfield J. A.T. Virtual Property [Электронный ресурс] // Boston University Law Review. 2005. Vol. 85. Indiana Legal Studies Research Paper No. 35. P. 1047-1101. URL:

функционального) определения можно привести следующее: «ИИ – это свойство технической или программной системы выполнять функции, которые ранее могли быть выполнены исключительно человеком или иным биологическим существом»¹⁷¹, а также предложенное П.Н. Бирюковым, опирающимся на исследования зарубежных авторов (главным образом, американских), такое определение ИИ: «набор теорий и техник, используемых для создания машин, способных имитировать интеллект»¹⁷². Оценивая возможность наделения ИИ правосубъектностью, А.А. Васильев и Д. Шпопер опираются на такие аспекты субъектности, как способность к мышлению и принятию самостоятельных решений, и делают следующий вывод: «Искусственный интеллект волевой способностью не обладает. Поэтому наделение правосубъектностью искусственного интеллекта в любом случае будет фикцией»¹⁷³.

В пользу отсутствия необходимости дальнейших теоретических измышлений о наделении носителей ИИ правосубъектностью свидетельствуют нормативные представления об ИИ. Тем более, что на законодательном (национальном и даже международном уровне) вопросы терминологии, связанной с ИИ, уже урегулированы во многих документах¹⁷⁴. Так, в Глоссарии на сайте Совета Европы

<http://ssrn.com/abstract=807966> (дата обращения: 31.05.2024). Стоит, однако, обратить внимание на утопичность реализации идеи киберсепаратизма (отделения киберпространства от реального пространства), поскольку классические субъекты права не «перевоплощаются» в какие-то другие – существующие отдельно вне привычной реальности, в связи с чем отпадает необходимость существования института виртуальной собственности. См. об этом: Архипов В.В. Виртуальная собственность «много лет спустя»: есть ли будущее у благородной мечты цифровых юристов? // Закон. 2023. № 9. С. 23. Да и, собственно, ст. 1259 Гражданского кодекса РФ, которая относит объектам авторских прав программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения, сужает возможности осмысления ИИ, который – по сути – всего лишь проявление работы программного продукта. Тем не менее, существование различных подходов к пониманию того, что представляет собой ИИ, помогает произвести осмысленный анализ его сущности.

¹⁷¹ Воробьева И.В., Салахутдинов В.Д. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Малышевские чтения-2020. Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития: материалы XVI международной научной конференции, в 4 частях / под ред. А.В. Семенова. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2020. Ч. 4. С. 62.

¹⁷² Бирюков П.Н. Деятельность США в сфере использования искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С. 324.

¹⁷³ Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6(104). С. 24.

¹⁷⁴ В настоящем исследовании рассмотрены нормативные определения России, США и Евросоюза. Хотя стоит отметить, что в ряде развитых стран становление правового регулирования ИИ идёт более активно. К примеру, в Великобритании 18 июля 2022 года было

по искусственному интеллекту ИИ определяется как «набор наук, теорий и методов, цель которых – воспроизвести с помощью машины когнитивные способности человека. Текущие разработки направлены, например, на то, чтобы можно было доверить машине сложные задачи, ранее делегированные человеку»¹⁷⁵. Данное понятие является базовым для Руководящих принципов по искусственному интеллекту и защите данных T-PD(2019)01 (Конвенция 108), разработанных Консультативным комитетом по защите физических лиц в отношении автоматической обработки персональных данных 25 января 2019 года¹⁷⁶. В этом документе сформулировано как общее руководство¹⁷⁷, так и

принято Руководство «Национальная стратегия в области ИИ – План действий в области ИИ», в котором отмечено, что ИИ является технологией общего назначения: «Подобно паровому двигателю, электричеству или Интернету, искусственный интеллект является технологией общего назначения, способной революционизировать каждый аспект нашей жизни, помочь реализовать наши амбиции стать научной сверхдержавой и способствовать экономическому росту по всей Великобритании. Великобритания преуспевает в ИИ – из научных исследований, где мы занимаем третье место в мире по количеству цитирований в академических журналах; к инвестициям – получение большего количества инвестиций в компании ИИ, чем Франция и Германия вместе взятые в 2021 году». См.: National AI Strategy – AI Action Plan (Guidance) [Электронный ресурс] // Office for Artificial Intelligence: официальный портал Правительства Великобритании. 2022. 18 July. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-ai-strategy-ai-action-plan/national-ai-strategy-ai-action-plan> (дата обращения: 31.05.2024).

Базовый закон Японии от 14.12.2016 г. № 103 «Об улучшении использования данных в государственном и частном секторах» использует термин «технология, связанная с искусственным интеллектом», под которым понимается технология для реализации таких интеллектуальных функций, как обучение, умозаключение и суждение, воплощаемых с помощью искусственных средств и использования соответствующих функций, реализуемых искусственными средствами. См.: Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization № 103 of December 14, 2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2975> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁷⁵“A set of sciences, theories and techniques whose purpose is to reproduce by a machine the cognitive abilities of a human being. Current developments aim, for instance, to be able to entrust a machine with complex tasks previously delegated to a human”: Overview of the Council of Europe and Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // Портал Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/en/web/human-rights-rule-of-law/artificial-intelligence/glossary> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁷⁶ [Электронный ресурс] // Портал Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/guidelines-on-artificial-intelligence-and-data-protection/168091f9d8> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁷⁷ 1. Защита человеческого достоинства и защита прав человека и основных свобод, в частности права на защиту персональных данных, имеют важное значение при разработке и внедрении приложений ИИ, которые могут иметь последствия для отдельных лиц и общества. Это особенно важно, когда приложения искусственного интеллекта используются в процессах принятия решений.

2. Разработка ИИ, основанная на обработке персональных данных, должна основываться на принципах Конвенции 108. Ключевыми элементами этого подхода являются: законность, справедливость, определение цели, пропорциональность обработки данных,

руководства для разработчиков, производителей и поставщиков услуг; для законодателей и лиц, определяющих политику.

Исследователи небезосновательно называют Европейский союз мировым лидером нормативного регулирования в сфере искусственного интеллекта¹⁷⁸. Декларация о сотрудничестве в сфере ИИ подписана 25 странами Евросоюза, каждая из которых заинтересована в техническом развитии ИИ¹⁷⁹. И ещё одним важным для исследования документом, регулирующим вопросы содействия внедрению ИИ и устранения рисков, связанных с определенными видами использования этой новой технологии в ЕС, является принятая в 2020 году так называемая Белая книга «Об искусственном интеллекте – Европейский подход к совершенству и доверию»¹⁸⁰. В ней ИИ определяется как «совокупность технологий, объединяющих данные, алгоритмы и вычислительные мощности». Ставится ли вопрос о присущих ИИ свойствах естественного интеллекта? Отнюдь. Наоборот, ещё в 2017 году в резолюции Европарламента P8_TA-PROV (2017)0051 «Нормы гражданского права о робототехнике» искусственный интеллект был определен именно как «небиологическая автономная киберфизическая система,

конфиденциальность по замыслу и по умолчанию, ответственность и демонстрация соответствия (подотчетность), прозрачность, безопасность данных и управление рисками.

3. Подход, направленный на предотвращение и смягчение потенциальных рисков обработки персональные данные являются необходимым элементом ответственных инноваций в области искусственного интеллекта.

4. В соответствии с руководством по оценке рисков, содержащимся в Руководящих принципах по большим данным, принятых Комитетом Конвенции 108 в 2017 году [Электронный ресурс] // Портал Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/t-pd-2017-1-bigdataguidelines-en/16806f06d0> (дата обращения: 31.05.2024), следует принять более широкое представление о возможных результатах обработки данных. Эта точка зрения должна учитывать не только права человека и основные свободы, но и функционирование демократий, а также социальные и этические ценности.

5. Приложения ИИ должны всегда полностью уважать права субъектов данных, в частности в свете статьи 9 Конвенции 108.

6. Приложения ИИ должны позволять субъектам данных осуществлять значимый контроль над обработкой данных и связанными с этим последствиями – для отдельных лиц и общества.

¹⁷⁸ Незнамов А.В., Наумов В.Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 14–25.

¹⁷⁹ Беспилотные автобусы прошли тестовые запуски в Эстонии, в Бельгии дали гражданство роботу-гуманоиду, в Швейцарии изобрели ИИ, генерирующий музыку «Бетховена» и мн.др.

¹⁸⁰ White Paper On Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust / Brussels, 19.2.2020; COM (2020) 65 final [Электронный ресурс] // Портал Совета Европы. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

способная взаимодействовать с другими аналогичными системами, самообучаться, адаптировать свои решения, действия и поведение в соответствии условиями среды»¹⁸¹. Вопрос вызывает возможность «самообучаться», однако сложно предполагать, что в данном контексте речь идёт об обучении именно как когнитивной функции человеческого сознания. То, что в основу определений ИИ, исходящих от Евросоюза, положено понятие программного обеспечения (software), исследователями рассматривается как важный шаг в правовом осмыслении понятия ИИ, что, вероятно, будет реализовано и в правовых системах европейских государств¹⁸².

Организация экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) обновила определение ИИ-системы в конце 2023 года, внося в него небольшое, но весьма существенное дополнение. Система искусственного интеллекта в представлении ОЭСР – это машинная система, которая для явных или неявных целей на основе получаемых входных данных определяет, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут повлиять на физическую или виртуальную среду¹⁸³. Как видим, именно человек задаёт цели работы системы, что исключает абсолютную самостоятельность ИИ. В мае 2019 года на базе ОЭСР были приняты Принципы ОЭСР в области искусственного интеллекта. Они устанавливают стандарты для ИИ, которые являются «практичными и достаточно гибкими, чтобы выдержать испытание временем». При этом ОЭСР отмечает, что различные системы искусственного интеллекта различаются по уровню автономности и адаптивности после развертывания,

¹⁸¹ Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics 2015/2103(INL): P8_TA-PROV (2017)0051 [Электронный ресурс] // European Parliament: официальный портал. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения 31.05.2024)

¹⁸² Власов Г.Д. Правовые вызовы искусственного интеллекта: европейский ответ // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 209.

¹⁸³ OECD AI Principles overview [Электронный ресурс] // OECD.AI: официальный портал ОЭСР. URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (дата обращения: 31.05.2024).

однако понимания сущностных характеристик автономности и адаптивности не представлено¹⁸⁴.

В Обзоре искусственного интеллекта Л.А. Харрис (понятие ИИ которой, кстати, было принято за общую основу Исследовательской службой Конгресса США при подготовке доклада «Искусственный интеллект и национальная безопасность» для членов комитетов и комиссий Конгресса¹⁸⁵), сделан акцент на том, что, хотя определения различаются, ИИ в целом можно рассматривать как компьютеризированные системы, которые, по общему представлению, работают и реагируют так, как обычно того требует интеллект: например, для решения сложных проблем в реальных ситуациях. По данным Ассоциации по продвижению искусственного Интеллект (АААИ), исследователи в целом стремятся понять «механизмы, лежащие в основе мышления и интеллектуального поведения, и их воплощение в машинах»¹⁸⁶. Далее, в вышеуказанном докладе аналитики Исследовательской службы Конгресса США Дэниел С. Ходли и Келли М. Сейлер¹⁸⁷ приводят нормативную регламентацию по ИИ из Закона о регулировании национальной обороны США (FY2019 National Defense Authorization Act), в которой выделяется пять разновидностей ИИ:

1. Любая искусственная система, которая выполняет задачи в изменяющихся и непредсказуемых обстоятельствах без значительного контроля со стороны человека или которая может учиться на опыте и повышать производительность при работе с наборами данных.

¹⁸⁴ См.: OECD, Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449 [Электронный ресурс] // URL: <https://oecd.ai/assets/files/OECD-LEGAL-0449-en.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁸⁵ Artificial Intelligence and National Security: CRS REPORT [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. Обновлено 10.10.2020. URL: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R45178.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁸⁶ Overview of Artificial Intelligence, by Laurie A. Harris [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. Обновлено 24.10.2017. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10608> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁸⁷ Daniel S. Hoadley, U.S. Air Force Fellow; Kelley M. Saylor, Analyst in Advanced Technology and Global Security [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. Обновлено 10.10.2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45178> (дата обращения: 31.05.2024).

2. Искусственная система, разработанная в компьютерном программном обеспечении, физическом оборудовании или другом контексте, которая решает задачи, требующие человеческого восприятия, познания, планирования, обучения, общения или физических действий.

3. Искусственная система, предназначенная для того, чтобы думать или действовать как человек, включая когнитивные архитектуры и нейронные сети.

4. Набор методов, включая машинное обучение, который предназначен для аппроксимации когнитивной задачи.

5. Искусственная система, предназначенная для рационального действия, включая интеллектуального программного агента или воплощенного робота, который достигает целей, используя восприятие, планирование, рассуждения, обучение, общение, принятие решений и действия¹⁸⁸.

Также в указанном докладе приводится таксономия исторических определений ИИ (Концепции ИИ), которые с научной точки зрения проанализированы в качестве подходов к исследованиям в сфере ИИ в исследовании С. Рассела¹⁸⁹, и далее глубоко, с опорой на ряд трудов других авторов, освещены в монографии Д.В. Бахтеева¹⁹⁰ (в сносках к пунктам указаны авторы концепций и их труды, посвященные анализу подходов к ИИ).

- 1) Системы, которые думают, как люди¹⁹¹;
- 2) Системы, которые мыслят рационально¹⁹²;
- 3) Системы, которые действуют как люди¹⁹³;
- 4) Системы, которые действуют рационально¹⁹⁴.

¹⁸⁸ Artificial Intelligence and National Security: CRS REPORT [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. Обновлено 10.10.2020. URL: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R45178.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁸⁹ Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход (AIMA-2). М., 2018. С. 35.

¹⁹⁰ Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М., 2021. С. 8-28.

¹⁹¹ Bellman R. Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? San Francisco, 1978.

¹⁹² Winston P.H. Artificial Intelligence. Massachusetts, 1992.

¹⁹³ Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, 1990.

¹⁹⁴ Luger G.F., Stubblefield W.A. Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving. San Francisco, 1993.

Кроме того, приводится анализ каждой из систем и связанных с ними терминологических особенностей ИИ, автономных и автоматизированных систем. «Понимание взаимосвязей между этими терминами может быть сложным, поскольку они могут взаимозаменяемо использоваться в литературе, а определения часто противоречат друг другу. Например, в некоторых исследованиях проводится различие между автоматизированными системами и автономными системами на основе сложности системы, утверждается, что автоматизированные системы строго основаны на правилах, в то время как автономные системы демонстрируют искусственный интеллект»¹⁹⁵.

Как видим, зарубежные аналитики и законодатели не заостряют существенного внимания на научных и философских подходах к выработке единого определения ИИ, а отталкиваются от того, какой функционал закладывается в понятие и на каких принципах организовывать взаимодействие «разумных» машин и человека. При этом научное сообщество высказывается за необходимость прояснения особенностей терминологии и выработки единого понятийного аппарата в сфере ИИ. «Термин не имеет четкого определения с технологической точки зрения. Он охватывает множество технологий с различными характеристиками и режимами работы. Это первая проблема, которую законодатели должны будут решить, если они захотят разработать правовую базу, специфичную для ИИ»¹⁹⁶, – утверждает канадский исследователь Э. Лавалье. Немецкий учёный Й. Шуэрт имеет аналогичное мнение: «Когда политики захотят урегулировать ИИ, они сначала должны определить, что такое ИИ. Однако юридические определения существенно отличаются от определений других

¹⁹⁵ Artificial Intelligence and National Security: CRS REPORT [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. Обновлено 10.10.2020. URL: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R45178.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁹⁶ Lavallée Eric. Development of a legal definition of artificial intelligence: Different countries, different approaches [Электронный ресурс] // Lavery. 2020. 10 марта. URL: <https://www.lavery.ca/en/publications/our-publications/3200-development-of-the-legal-definition-of-artificial-intelligence-ai-different-countries-different-approaches.html> (дата обращения: 31.05.2024).

дисциплин. Это рабочие определения. Суды должны иметь возможность точно определять, считается ли конкретная система ИИ по закону»¹⁹⁷.

В законопроекте США 2017 года «Об искусственном интеллекте» S.2217¹⁹⁸ ИИ был определен как любые искусственные системы, которые выполняют задачи в различных и непредсказуемых обстоятельствах, без значительного контроля со стороны людей, или которые могут извлечь уроки из своего опыта и улучшить свою работу. Такие системы могут быть разработаны в компьютерном программном обеспечении, физическом оборудовании или в других контекстах, которые еще не рассматриваются. Они действуют рационально и достигают свои цели через восприятие, планирование, рассуждение, обучение, общение, принятие решений и действий. А, к примеру, в Пересмотренном своде законов штата Невада (США) ещё в 2011 году появилось понятие ИИ (раздел 482А «Автономные транспортные средства», §482А.020), под которым до сих пор понимается использование компьютеров и сопутствующего оборудования таким образом, чтобы машина могла дублировать или имитировать поведение людей¹⁹⁹. Как указано в принятом 30 октября 2023 года Президентом США Указе о безопасной, защищённой и надёжной («заслуживающей доверия») разработке и использовании искусственного интеллекта²⁰⁰, термин «искусственный интеллект» или «ИИ» имеет значение, изложенное в 15 U.S.C. 9401(3)²⁰¹: машинная система, которая может для

¹⁹⁷ Schuett Jonas. A Legal Definition of AI [Электронный ресурс] // ResearchGate. 2019. Август. URL: https://www.researchgate.net/publication/335600149_A_Legal_Definition_of_AI (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁹⁸ [Электронный ресурс] // URL: www.nitrd.gov/pubs/2017supplement/FY2017NITRDSupplement (дата обращения: 02.02.2022).

¹⁹⁹ 2011 Nevada Revised Statutes Chapter 482A – Autonomous Vehicles NRS 482A.020 – Artificial intelligence defined [Электронный ресурс] // Justia. 2011. URL: <https://law.justia.com/codes/nevada/2011/chapter-482a/statute-482a.020/> (дата обращения: 31.05.2024).

²⁰⁰ Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // The White House: официальный портал Белого дома, США. 2023. 30 октября. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 31.05.2024).

²⁰¹ Это определение, предложенное в ст. 9401 гл. 119 «Национальная инициатива по искусственному интеллекту» // Кодекс США 2020 г., Раздел 15 «Коммерция и торговля» (National Artificial Intelligence Initiative (US Code. Title 15 – Commerce and Trade. Chapter 119)) [Электронный ресурс] // Authenticated U.S. Government Information. URL:

заданного набора целей, определенных человеком, делать прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду. Системы искусственного интеллекта используют машинные и человеческие входные данные для восприятия реальной и виртуальной среды; абстрагируют такое восприятие в модели посредством автоматизированного анализа; и используют вывод модели для формулирования вариантов информации или действий.

Обратимся к российскому законодательству. В пдп. 2 п. 1 ст. 2 ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» от 24.04.2020 № 123-ФЗ искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Почти аналогичное определение закреплено в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»): искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного

алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (пдп. «а» п. 5). И вновь никакого сравнения с человеческими функциями, а вполне определенный набор технических конструктивов.

В принятом 14 сентября 2021 г. на Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в ходе 41й Генеральной конференции (Париж, 2021 год) сессии Проекте Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта (которая, кстати, была поддержана большинством стран-участниц ООН) прямо указано: «Настоящая Рекомендация не преследует цели предложить единственно возможное определение искусственного интеллекта, поскольку с течением времени и по мере развития технологий такое определение потребовало бы внесения изменений. Цель, скорее, заключается в том, чтобы привлечь внимание к ключевым характеристикам искусственных интеллектуальных систем, имеющим принципиальную этическую значимость. В связи с этим системы на основе ИИ рассматриваются в настоящей Рекомендации как технологические системы, способные обрабатывать данные и информацию способом, напоминающим разумное поведение и включающим, как правило, такие аспекты, как рассуждение, обучение, распознавание, прогнозирование, планирование и контроль»²⁰².

Регламент Европейского союза об ИИ от 13 марта 2024 г. (EU Artificial Intelligence Act) понятия ИИ не содержит, однако раскрывает, на применение каких системы и моделей ИИ он распространяет своё действие. В частности, это: система искусственного интеллекта; система искусственного интеллекта с высоким

²⁰² Implementation of the Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (AI). 42 C/INF.16 [Электронный ресурс] // Генеральная конференция ЮНЕСКО. 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387369> (дата обращения: 31.05.2024).

уровнем риска; модель искусственного интеллекта общего назначения (в т.ч. являющаяся частью системы искусственного интеллекта); модель искусственного интеллекта общего назначения с системными рисками. Система же искусственного интеллекта означает машинную систему, предназначенную для работы с различными уровнями автономии, которая может проявлять адаптивность после развертывания и которая для достижения явных или неявных целей делает выводы из получаемых входных данных, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут повлиять на физическую или виртуальную окружающую среду²⁰³.

4. Критика наделения ИИ правосубъектностью. Понимание автономности

Благодаря смелым заявлениям и философско-понятийным анализам исследователей, а также в силу насаждения в разных сферах жизни человека образа «ИИ с человеческим лицом», научное сообщество не первое десятилетие дискутирует о том, что он может быть не только объектом, а субъектом правоотношений. Но в более ранних трудах по этой теме можно встретить явно меньше «очеловечивающих» определений ИИ: «новая технология работы с информацией, включающая в себя способы обращения с базами данных процедуры её переработки и вспомогательные средства, помогающие пользователю контактировать с компьютером»²⁰⁴; «некая машина, если у неё есть возможности моделировать хотя бы одну функцию, традиционно включаемую в сферу разумной деятельности»²⁰⁵. Программа ELIZA, созданная в 1966 году Джозефом Вайценбаумом, которая моделировала вопросительные фразы, хоть и стала революционной, но не претендовала на «самостоятельность» и замену психотерапевта (сегодня эту машину называют первым чат-ботом²⁰⁶). Однако даже тогда встречались провокационные суждения, например, о существовании

²⁰³ EU Artificial Intelligence Act [Электронный ресурс] // The Act Texts. Final draft. 2024. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 31.05.2024).

²⁰⁴ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987. С. 16.

²⁰⁵ Шилейко В.А. Дискуссии об искусственном интеллекте. М., 1970. С. 5.

²⁰⁶ Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / под ред. Д. Хэвен; пер. с англ. О.Д. Сайфутиновой. М., 2019. С. 25-26.

«искусственного сверхинтеллекта», способного превзойти интеллект любого, даже самого умного, человека²⁰⁷. Сегодня учёные ещё смелее рассуждают о том, насколько естественное можно дополнить и даже заменить искусственным: о необходимости расширения понятия «рациональность» на искусственные системы²⁰⁸, о весьма спорных свойствах ИИ – «алгоритмическом уклоне» и «необъяснимом интеллекте» – как о рисках для демократии и конфиденциальности²⁰⁹, о наличии способности к самообучению у сильного искусственного интеллекта, которая свидетельствует о более высоком уровне автономности²¹⁰ и т.д.

С тем, что ИИ на сегодняшний день остается объектом, но не субъектом правоотношений, трудно не согласиться. Н.В. Остроумов считает, что «искусственный интеллект должен быть выделен как отдельный объект права, при этом необходимо выделить идентифицирующие признаки, позволяющие отграничить компьютерную программу от искусственного интеллекта»²¹¹. С.А. Синицын²¹², хотя и называет его «самообучающейся программой», убедительно аргументирует тщетность попыток наделения ИИ человеческими характеристиками. Однако обучать можно людей и животных: живых разумных существ. В ИИ закладываются данные, на основе которых программа производит вычисления. Механизм «принятия решения» программой (если его можно назвать таковым) сильно отличается от человеческого. Робот не может обосновать данное решение личными причинами, сожалеть о выборе или найти принципиально иной

²⁰⁷ Good I.J. Speculations Concerning the First Ultrainelligent Machine // *Advances in Computers*. 1966. Vol. 6. P/ 31-88.

²⁰⁸ Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М., 2021. С. 15.

²⁰⁹ Manheim K., Kaplan L. Artificial intelligence: Risks to privacy and democracy // *The Yale law journal*. Yale, 2019. Vol. 21. P. 106-188.

²¹⁰ Свиридова Е.А., Рахматулина Р.Ш., Шайдуллина В.К., Горохова С.С., Лапина М.А. Вопросы экономико-правовой ответственности при применении технологий искусственного интеллекта в угольной отрасли // *Уголь*. 2020. № 7. С. 58.

²¹¹ Остроумов Н.В. Искусственный интеллект в праве: обор существующих концепций правового регулирования отношений с участием носителя искусственного интеллекта // *Законность и правопорядок*. 2021. № 3 (31). С. 61.

²¹² Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М., 2021. С. 35.

путь, основанный, к примеру, на интуиции. Если человек в процессе познавательной деятельности либо обучения может сделать открытие, то машина основывается исключительно на загруженной в нее информации. «При этом нельзя забывать о важной особенности искусственного интеллекта. Действительно, сам по себе алгоритм не способен принимать «субъективные» решения, однако качество его решений зависит от том, какие данные в него внесены»²¹³. Допуская случайные решения и доверяя роботу процесс «саморазвития», «самообучения», но при этом не обрабатывая ошибки, не исправляя механизмы и не совершенствуя загружаемые алгоритмы принятия решений носителями ИИ, урожай порочных алгоритмических решений будет с каждым витком развития ИИ всё богаче. Проблема невозможности познания процессов, происходящих внутри носителей (то есть как бы в самом ИИ), которая рождает выводы о том, что ИИ обладает собственным сознанием и принимает решения автономно на основе собственных интересов, решается просто: путём анализа цепочек данных и алгоритмических следствий из этих данных, которые произвёл носитель ИИ. Однако «просто» – не значит «легко». Массивы этих данных настолько велики, что для вышеописанного исследования понадобится невероятно продолжительное время. Собственно говоря, роботы и создавались для того, чтобы облегчить деятельность человека, высвободить время, которое тот же человек мог бы потратить на самостоятельные вычисления. Калькулятор – всего лишь орудие труда бухгалтера, но никак не машина, принимающая решения. Так и компьютеры, роботы, и даже «сильнейшие» ИИ (которые, помимо решения простых задач, используют этот «опыт» для более сложных последующих вычислений, то есть «обучаются») – всегда являлись, есть и останутся именно объектами – человеческими изобретениями, но никак не разумными существами – конкурентами человека. А что касается ошибок ИИ – они свидетельствуют лишь о том, что в качестве обучающего материала в ИИ загружен недостаточный массив данных, а также о том, что не была проведена достаточная

²¹³ Коданева С.И. Искусственный интеллект в государственном управлении и правосудии // Государство и право в новой цифровой реальности: монография / под общ. Ред. Д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова. М., 2020. С. 178.

«ручная» (человеческая) работа по отслеживанию алгоритмических погрешностей. Иначе как бы мёд или репчатый лук могли быть распознаны ИИ как чересчур сексуальные изображения ИИ-алгоритмами?

Однако вновь противоречие: «Как только ИИ начнет себя осознавать, люди будут вынуждены учитывать новый действующий фактор – собственные интересы системы», считает Е.Г. Авакян²¹⁴. О каком осознании может идти речь? Представляется довольно странным допускать появление у системы «собственных интересов». Сможет ли когда-нибудь у ИИ появиться собственный интерес? Сможет ли вообще человечество дать на этот вопрос однозначный положительный ответ? Если только тот, кто запрограммировал ИИ, сможет наделить его задачами и целями, данный вопрос будет хотя бы немного оправдан. И очевидно, что это будут исключительно цели в рамках интересов «создателя», но не самого ИИ! И, к слову, «создать» не равно «сконструировать», «написать программу». Может ли программист ИИ, загружающий данные и komponующий коды алгоритмов, быть приравнен к создателю разумного субъекта, носителя прав и обязанностей? Равносильно ли «производство» человека «созданию» машины? «Мы очарованы собой и своим интеллектом», - пишут зарубежные исследователи, - «и нет ничего удивительного в нашем желании наделить «искрой человечности» машины»²¹⁵.

В качестве одного из обоснований правосубъектности ИИ авторы опираются на «способность» ИИ «создавать» объекты интеллектуальной собственности. История знает не один пример попыток признания авторства за техническими решениями, однако ни одна из них не удавалась до 2018 года. Так, ещё 17 марта 1884 г. Верховный суд США в своём решении № 18 по иску Литографической

²¹⁴ Парадокс Пигмалиона: какое будущее ждет искусственный интеллект в сфере права? (Открытый диалог Елены Авакян и Виталия Кастальского) [Электронный ресурс] // Сфера: информ.-справочный портал ООО «Лигал Академия». 2016-2024 URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/paradoks-pigmaliiona-kakoe-buduschee-zhdet-iskusstvennyi-intellekt-v-sfere-prava> (дата обращения: 31.05.2024).

²¹⁵ Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / под ред. Д. Хэвен; пер. с англ. О.Д. Сайфутиновой. М., 2019. С. 8.

компания Барроу-Джайлс против Сэрони определил именно фотографа в качестве автора работ, созданных при помощи фотокамеры²¹⁶.

Что касается современной правоприменительной практики, остановимся на трёх делах, уже ставших знаковыми в вопросе «наделения» ИИ авторскими правами (такой выбор продиктован научными реалиями, в которых исследователи чаще всего ставят во главу своих рассуждений о возможности наделения носителей ИИ или самого ИИ правосубъектностью – понятные им проявления результативности «усилий» ИИ, принимаемых за аналогичные тем, что производит человек при создании авторских произведений²¹⁷):

Первое было рассмотрено судом г. Шэньчжэнь (Китай, провинция Гуандун), который постановил, что «произведение, созданное с помощью искусственного интеллекта, подлежит охране авторским правом»²¹⁸ (дело по иску Tencent к Shanghai Yingxun Technology Company). Иск был подан технологическим гигантом Tencent, разработчиком программы для автоматического написания новостей под названием «Dreamwriter». Она генерирует новостные материалы с 2015 года, а 20 августа 2018 года «написала» финансовый отчет, включающий в себя Шанхайский индекс за тот день и информацию по обмену валюты и финансовым потокам. Как было сказано в самой статье на сайте Tencent Securities, «the article was automatically written by Tencent Robot Dreamwriter»²¹⁹. Но это не остановило Tencent от подачи иска к Shanghai Yingxun Technology Company, которая скопировала статью робота на свой сайт. В итоге «Народный суд района Шэньчжэнь Наньшань заявил, что ответчик, компания Shanghai Yingxun Technology Company, нарушила авторские права Tencent и должна нести гражданскую ответственность»²²⁰, присудив к

²¹⁶ Материалы по делу *Burrow-Giles Lithographic Company v. Sarony*, 111 U.S. 53 (1884) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/> (дата обращения: 31.05.2024)

²¹⁷ Автор данную позицию не разделяет.

²¹⁸ Court rules AI-written article has copyright [Электронный ресурс] // China Daily Global. 2020. 01 сентября. URL: <http://www.ecns.cn/news/2020-01-09/detail-ifzsqcrm6562963.shtml> (дата обращения: 31.05.2024)

²¹⁹ «Статья была автоматически написана Tencent Robot Dreamwriter».

²²⁰ Court rules AI-written article has copyright [Электронный ресурс] // China Daily Global. 2020. 01 сентября. URL: <http://www.ecns.cn/news/2020-01-09/detail-ifzsqcrm6562963.shtml> (дата обращения: 31.05.2024)

выплате 1500 юаней (216 долларов США) за экономические убытки и в качестве компенсации нарушенных прав. Надо отметить (и это немаловажно), что выгодоприобретателем в данном деле являлась компания – владелец робота, сгенерировавшего контент.

Какие критерии стали в этом деле решающими при определении авторства ИИ? Суд указал, что «форма выражения статьи соответствует требованиям письменной работы, а содержание свидетельствует о подборе, анализе и оценке соответствующей информации и данных фондового рынка <...> структура статьи разумна, логика ясна и в ней есть определенная оригинальность»²²¹.

Второе правоприменительное «знамение» относительно авторства ИИ явилось миру в ЮАР, где впервые был выдан патент на изобретение за авторством ИИ²²². Процесс инициирован разработчиком «устройства для автономной загрузки данных» DABUS («device for the autonomous bootstrapping of unified sentience») Стефеном Талером, на протяжении нескольких лет пытающимся получить патент на изобретение пищевого контейнера («food container based on fractal geometry») от имени DABUS.

Хотя патентные заявки, в которых DABUS указан в качестве изобретателя, также подавались в патентные ведомства в других странах (в частности, в США и Великобритании), они были безуспешными. Высокий суд Англии и Уэльса отклонил две патентные заявки Талера, заявив, что ИИ не является «физическим лицом» и, следовательно, не может считаться изобретателем в соответствии с Законом о патентах Великобритании 1977 года. Европейское патентное ведомство также отклонило заявку, заявив, что системы ИИ не обладают правосубъектностью и, следовательно, не могут претендовать на законное право собственности на их

²²¹ Court rules AI-written article has copyright [Электронный ресурс] // China Daily Global. 2020. 01 сентября. URL: <http://www.ecns.cn/news/2020-01-09/detail-ifzsqcrm6562963.shtml> (дата обращения: 31.05.2024)

²²² См.: In a world first, South Africa grants patent to an artificial intelligence system [Электронный ресурс] // The Conversation. 2021. 05 августа. URL: <https://theconversation.com/in-a-world-first-south-africa-grants-patent-to-an-artificial-intelligence-system-165623> (дата обращения: 31.05.2024), Naidoo M. In a world first, South Africa grants a patent to an artificial intelligence system [Электронный ресурс] // Quartz. 2021. 09 августа. URL: <https://qz.com/africa/2044477/south-africa-grants-patent-to-an-ai-system-known-as-dabus/> (дата обращения: 31.05.2024).

продукцию. Патентное ведомство США заявило, что ИИ не соответствует определению «концепции», которое обычно определяется как умственное действие, выполняемое изобретателем²²³. А эксперты патентного ведомства ЮАР, руководствуясь мнением о том, что творческие машины могут обрабатывать и критически анализировать данные, извлекая из них уроки (этот процесс известен как машинное обучение), решили выдать С. Талеру патенты на изобретения, автором которых в заявке указан DABUS.

Третье положительное мнение относительно авторства ИИ высказано Федеральным судом Австралии в решении (впоследствии отменённом вышестоящей инстанцией) от 30 июля 2021 г., которым DABUS также был признан изобретателем²²⁴. И в этом решении, пожалуй, самое интересное и детальное обоснование критериев надления ИИ авторскими правами. Единственное, о чём необходимо оговориться, австралийский суд разделяет понятия изобретателя и патентообладателя и заключает, что «изобретатель может быть системой искусственного интеллекта, но в таких обстоятельствах не может быть владельцем,

²²³ В США С. Талер пытался обжаловать решение патентного ведомства в судебном порядке; его представителем был проф. Р. Эббот. Решением апелляционной инстанции – окружного суда Соединенных Штатов от 05.08.2022 года – на решение суда Восточного округа Вирджинии по делу № 1:20-cv-00903-LMB TCB (председательствующий судья Леони М. Бринкема) – отказ ТРО Талеру был признан законным. Основываясь на отдельных прецедентах, а также на нормах законодательства Четвёртого округа, суд указал на возможность отменить решение, вынесенное в результате административного разбирательства, только в том случае, если решение агентства является «произвольным, самовольным, вынесенным в результате злоупотребления полномочиями, или иным образом не соответствует закону» или если действия агентства «превышают установленные законом юрисдикция, полномочия или ограничения». Данных признаков в решении агентства суд не усмотрел и особо подчеркнул, что Закон о патентах прямо предусматривает, что изобретатели являются «физическими лицами». С 2011 года, с принятием Закона об изобретениях Лихи Смита в Америке, Закон о патентах определяет «изобретателя» (inventor) как «физическое лицо или, в случае совместного изобретения, лица коллективно, которые изобрели или открыли предмет изобретения» (the individual or, if a joint invention, the individuals collectively who invented or discovered the subject matter of the invention). См. Материалы по делу *Thaler v. Vidal*. Appeal No. 21-2347 [Электронный ресурс] // FedCircuitBlog. 2022. 05 августа. URL: <https://fedcircuitblog.com/other-cases/thaler-v-vidal/> (дата обращения: 31.05.2024).; текст решения Федерального окружного суда доступен для ознакомления: [Электронный ресурс] // URL: <https://fedcircuitblog.com/wp-content/uploads/2022/05/21-2347-Thaler-v.-Vidal-Opinion.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).

²²⁴ Решение по делу *Thaler v Commissioner of Patents* [2021] FCA 879 [Электронный ресурс] // Federal Court Of Australia. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879> (дата обращения: 31.05.2024).

контролером или патентообладателем патентоспособного изобретения»²²⁵. Обратимся к обоснованию авторства в решении суда: Предполагаемое изобретение является результатом процессов DABUS (п. 9). <...> Таким образом, и по следующим причинам, на мой взгляд, система искусственного интеллекта может быть изобретателем для целей Закона. Во-первых, изобретатель – это агент; агент может быть человеком или вещью, которая изобретает. Во-вторых, такое толкование отражает реальность с точки зрения многих других патентоспособных изобретений, в отношении которых нельзя разумно утверждать, что изобретателем является человек. В-третьих, ничто в Законе (имеется ввиду Закон Австралии *Patents Regulations 1991*) не содержит обратного вывода (п. 10).

Итак, суд Австралии пошёл от обратного (закон не содержит прямых запретов на определение авторства со стороны не физического лица, а иного «агента»). Далее в решении суд глубоко погружается в определение ИИ и то, как он обучается: «При обучении искусственной нейронной сети все её данные и пороговые значения изначально устанавливаются случайными. Обучающие данные подаются на входной слой и проходят через последующие слои, умножаясь и складываясь сложным образом, пока не поступают в преобразованном виде на выходной слой. Во время обучения данные и пороговые значения постоянно корректируются до тех пор, пока обучающие данные с одинаковыми метками не будут постоянно давать одинаковые результаты. <...> DABUS можно описать как самоорганизующийся как кумулятивный результат алгоритмов, совместно порождающих сложность. DABUS генерирует новые шаблоны информации, а не просто связывает шаблоны. Кроме того, он способен адаптироваться к новым сценариям без дополнительного участия человека. Кроме того, программное обеспечение искусственного интеллекта самособирается. Таким образом, это не просто программа, созданная человеком, которая затем генерирует спектр возможных решений проблемы в сочетании с алгоритмом фильтрации для

²²⁵ Решение по делу *Thaler v Commissioner of Patents* [2021] FCA 879 [Электронный ресурс] // Federal Court Of Australia. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879> (дата обращения: 31.05.2024).

оптимизации результата. Кроме того, можно сказать, что DABUS в некотором смысле имитирует аспекты функционирования человеческого мозга. <...> не следует относиться к понятию «изобретатель» узко. И это будет препятствовать инновациям не только в области компьютерных наук, но и во всех других научных областях, которые могут извлечь выгоду из результатов системы искусственного интеллекта», - заключил суд²²⁶. К данному подходу суда, ратующего за более широкий взгляд на понятие «изобретатель», непременно хочется добавить также более широкий взгляд и на понятие «автономность», при применении которого вряд ли можно было столь смело утверждать, что именно ИИ, без «дополнительного участия человека» способен «сделать» вообще хоть что-либо²²⁷.

Однако 13 апреля 2022 г. апелляционная инстанция Федерального суда Австралии отменила первоначальное решение, указав, что патент выдается именно на результаты человеческого труда и идеи, возникшие в сознании одного или нескольких людей, а не машины и что действующее законодательство Австралии не допускает оформления патента на машину, которая не может иметь имени, адреса и правоспособности²²⁸.

В сентябре 2021 г. ученые из Федеральной политехнической школы Лозанны, прибегнув к помощи оркестра, представили на суд слушателей отрывок из десятой симфонии Людвиг ван Бетховена, сгенерированный созданным ими искусственным интеллектом BeethovANN²²⁹. Один из сервисов «Яндекса» с помощью нейросети генерирует каждое последующее слово (или даже фразу) в предложении: наверняка те, кто использует Яндекс.Почту замечали такие

²²⁶ Решение по делу Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879 [Электронный ресурс] // Federal Court Of Australia. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879> (дата обращения: 31.05.2024).

²²⁷ Далее понятие автономности ИИ будет рассмотрено подробнее.

²²⁸ Решение по делу Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 [Электронный ресурс] // Federal Court Of Australia. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062> (дата обращения: 31.05.2024).

²²⁹ Искусственный интеллект дописал незаконченную 10-ю симфонию Бетховена [Электронный ресурс] // Собака: новостной портал. 2021. 6 сентября. URL: <https://www.sobaka.ru/entertainment/music/135178> (дата обращения: 31.05.2024).

предложения, когда писали электронные письма). Языковая модель YaLM, на которой работает программа, создана на базе 3 миллиардов параметров и обучена на части страниц «Википедии», новостных статей, книг, открытых записях в социальных сетях. С помощью этой же технологии с 2021 г. формируются ответы для «Поиска» и «Алисы»²³⁰. Годом ранее – летом 2020-го – весь мир облетела новость о первой регистрации в Российском патентном ведомстве «программы, написанной искусственным интеллектом»²³¹. Sber AI зарегистрировала в Роспатенте программу, позволяющую ИИ распознавать и анализировать объекты в виртуальной реальности. Однако, среди разработчиков программного обеспечения в ведомстве указан не ИИ, а сотрудники Сбербанка: именно они «обучили» нейросеть написанию программного кода.

Профессор права Райан Эбботт²³² в многочисленных интервью сетовал о том, что в наши дни у нас обычно есть ИИ, которые пишут книги и фотографируют, но если у вас нет традиционного автора, мы не можем получить защиту авторских прав в США. К. Мулина, вспоминая спор об «обезьяньих селфи» Дэвида Слейтера, который длился с 2011 по 2017 г.г., но так и не склонил суд в сторону признания авторства за макакой Наруто, а также обращаясь к, напротив, успешному судебному кейсу, присудившему компенсацию нарушенного авторского права уже упомянутой выше Tencent, статья на сайте которой была «автоматически написана» роботом Dremwriter, отмечает, что «искусственный интеллект постоянно растет и развивается, и это может привести, например, к созданию такого искусственного интеллекта, который будет обучать другие ЭВМ, создавать новые произведения, и

²³⁰ Цепелева М. «Яндекс» запустил «Балабобу» - сервис с помощью нейросетей дописывает любой текст [Электронный ресурс] // VC.RU. 2021. 17 июня. URL: <https://vc.ru/services/260287-yandeks-zapustil-balabobu-servis-s-pomoshchyu-neyrosetey-dopisyvaet-lyuboy-tekst> (дата обращения: 31.05.2024).

²³¹ См., например: На смену живым программистам идет искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Ведомости. 2021. 23 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/07/22/879296-zhivim-programmistam> (дата обращения: 31.05.2024).

²³² Ryan Benjamin Abbott – представлял сторону Стефена Талера на судебном процессе по обжалованию решения патентного ведомства США (The United States Patent and Trademark Office – РТО) об отказе в выдаче патента на «изобретение» ИИ системы DABUS; подробнее об этом выше в подстрочном тексте.

в таком случае ситуация с признанием авторских прав может усложниться»²³³. «Искусственный интеллект может серьезным образом изменить систему авторского права», - пишет Л.С. Артений²³⁴ и процесс создания объектов интеллектуальной собственности искусственным интеллектом предлагает называть новым термином – «генерация произведений науки, литературы и искусства и компонентов программ для ЭВМ», который надлежит закрепить на законодательном уровне²³⁵. А У. Чуева говорит о готовности фактической и юридической базы к признанию за ИИ авторских прав: «в условиях современного развития мировой судебной практики, самым правильным решением будет признать наличие исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности, сгенерированный с использованием искусственного интеллекта, за разработчиком соответствующего искусственного интеллекта»²³⁶.

Проблемы авторства произведений, созданных с применением искусственного интеллекта, являются предметом многих современных научных исследований. И несмотря на некоторые смелые суждения учёных, «очеловечивающих» ИИ, наделяющих его способностями думать, как люди²³⁷, мыслить рационально²³⁸, действовать как люди²³⁹ и, наконец, действовать рационально²⁴⁰ (всё это исторические определения ИИ, которые приведены в

²³³ Мулина К. Быть или не быть авторским правам искусственного интеллекта? [Электронный ресурс] // Lexology. 2021. 19 мая. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3867c18a-0947-4ce7-b1b0-4d39336d08b2> (дата обращения: 31.05.2024).

²³⁴ Артений Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. Часть 1. № 7 (61). С. 76.

²³⁵ Артений Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. Часть 1. № 7 (61). С. 79-80.

²³⁶ Чуева У. Новая глава в защите авторского права [Электронный ресурс] // Zakon.ru. 2020. 09 октября. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/9/za_iskusstvennym_intellektom_priznali_avtorskie_prava (дата обращения: 31.05.2024).

²³⁷ Bellman R. Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? San Francisco, 1978.

²³⁸ Winston P.H. Artificial Intelligence. Massachusetts, 1992.

²³⁹ Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, 1990.

²⁴⁰ Luger G.F., Stubblefield W.A. Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving. San Francisco, 1993.

докладе аналитики Исследовательской службы Конгресса США²⁴¹, проанализированы в качестве подходов к исследованиям в сфере ИИ в исследовании С. Рассела²⁴², и далее глубоко, с опорой на ряд трудов других авторов, освещены в монографии Д.В. Бахтева²⁴³), пока что большая часть исследователей не усматривают фактических и тем более юридических оснований для признания авторства за ИИ или нейросетями. Хотя надо признаться, отдельные предложения по наделению ИИ авторскими правами, имеются: например, А. Алексейчук, усматривая творческое начало в действиях не ИИ, а человека, задающего параметры создания данным ИИ произведений, заключает, что в таких случаях именно пользователя сервиса необходимо считать автором²⁴⁴. Ф.В. Ужов требует и вовсе «составить список прав, защита которых может потребоваться носителю искусственного интеллекта. Они будут связаны, на текущий момент, с двумя факторами – фактором существования носителя и фактором результатов его «интеллектуальной» деятельности. 1. Право носителя на неприкосновенность. Изменение, модификация, форматирование либо ликвидация носителя ИИ должны быть санкционированы соответствующей комиссией и / или органом власти. Несанкционированное влияние на состояние носителя ИИ следует рассматривать как преступление против «электронной личности». 2. Право носителя на авторство. Научный труд, произведения искусства, иные результаты интеллектуальной деятельности, созданные носителем ИИ без участия человека, принадлежат носителю ИИ, создавшему их. Это относится как к самому творению, так и к авторскому праву на него»²⁴⁵.

²⁴¹ Hoadley D.S.; Saylor K.M. Artificial Intelligence and National Security // [Электронный ресурс] Congressional Research Service. Обновлено 10.10.2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45178> (дата обращения: 31.05.2024).

²⁴² Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход (AIMA-2). М., 2018. С. 35.

²⁴³ Бахтев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М., 2021. С. 8-28.

²⁴⁴ См.: Алексейчук А. Квалификация произведений, созданных при опосредованном участии автора // Авторское право и смежные права. 2020, № 3. С. 47-51.

²⁴⁵ Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 3. С. 359.

М.А. Рожкова утверждает, что «явно преждевременно настаивать на правосубъектности ИИ, признавая его полноценным членом общества, отношения с которым остро нуждаются в соответствующем правовом регулировании»²⁴⁶. И. Понкин и А. Редькина, избрав некую обзорно-примирительную стратегию в своём исследовании проблематики ИИ в праве интеллектуальной собственности, делают следующий вывод: «Законодательство на настоящий момент не может наделять искусственный интеллект авторскими правами, в том числе по той причине, что искусственный интеллект не обладает правосубъектностью и, соответственно, не может иметь прав, однако в будущем (возможно – достаточно отдаленном) подобная ситуация не представляется такой уж невозможной»²⁴⁷.

Таким образом, мнения об «очеловечивании» ИИ звучат повсеместно. Однако задумывается ли кто-то из сторонников наделения ИИ правосубъектностью: сколько времени понадобится, чтобы созданные машиной тексты обладали искрометным стилем, авторской логикой, при этом не повторяя загруженных в нее авторских рассуждений, а также отражали настроение, которого по определению не может быть у ИИ? Если это невозможно с 3 миллиардами параметров, возможно ли это вообще?

Ещё одним основанием наделения ИИ правосубъектностью учёные считают свойство ИИ быть автономным. Автономность, способность становиться автономным, возможность действовать автономно и так далее в различных вариациях – критерии, которыми авторы традиционно наделяют ИИ. При этом сложно найти единство в том, что под понимают под автономностью и в каком контексте применять это понятие к ИИ, его системам, умным роботам и т.д. Так, Я.В. Гайворонская и О.И. Мирошниченко, основываясь, в том числе, на критерии автономности, актуализируют вопросы правосубъектности ИИ и акцентируют внимание на автономности как на одной из ключевых его характеристик: раньше

²⁴⁶ Рожкова М.А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? [Электронный ресурс] // Zakon.ru. 2019. 23 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty__что_это_такое_il_i_kto_eto_takie (дата обращения: 31.05.2024).

²⁴⁷ Понкин И., Редькина А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Авторское право и смежные права. 2018, № 2. С. 42

«машины не были способны осуществлять автономную или полуавтономную деятельность», но «в последнее время появляются новые ключевые характеристики электронных лиц, основанных на ИИ», среди которых выделяют следующие: «автономность, самоорганизация, способность к обучению и самообучению, способность к «разумному» мышлению и поведению, эмоциональный интеллект и другие признаки потенциально возможного сильного ИИ»²⁴⁸. А.В. Степанова пишет об «автономных решениях», которые роботы будут принимать «в обозримом будущем»²⁴⁹. Эти суждения с одной стороны, подчёркивают скорость развития ИИ, но с другой – ведут к признанию возможности наделения ИИ правосубъектностью, в основу которой будет положена автономность. В.А. Шестак и А.Г. Волеводз, рассуждая о перспективах «сложной внутренней работы и автономных возможностей алгоритмов машинного обучения», приходят к выводу, что «последние могут достигать результатов, которые люди не в состоянии объяснить»²⁵⁰. С.М. Солайман использует критерий автономности (наряду с самосознанием и самоопределением) для сравнения юнита искусственного интеллекта и животного, подчёркивая, однако, что у животных и у роботов отсутствует такой критически важный элемент правосубъектности, как способность осуществлять права и обязанности²⁵¹. Рассуждая о возможности применения концепции коллективного субъекта права к электронному лицу, П.М. Морхат²⁵² ссылается на правосубъектность, с одной стороны, неизменно связана с автономией личности, но, с другой, она не предоставляется исключительно человеку, законом она распространена и на нечеловеческих

²⁴⁸ Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Гордиев узел противоречий: технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта // Образование и право. 2020. № 9. С. 197.

²⁴⁹ Степанова А.В. Проблематика правосубъектности искусственного интеллекта // Символ науки. 2020. № 2(12). С. 63.

²⁵⁰ Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 203.

²⁵¹ Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. № 2. P. 176.

²⁵² Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 65.

субъектов, таких как корпорации²⁵³. Если обращаться к законодательным инициативам, то Европарламент в пдп. «f» п. 59 своей Резолюции от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 высказывает рекомендацию «о наделении в перспективе роботов особым правовым статусом. Таким образом, по меньшей мере наиболее продвинутые автономные роботы могут создаваться как электронные лица и нести ответственность за причиненный ими вред в тех случаях, когда они принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами»²⁵⁴. Исследователи доктринального подхода к разработке дефиниции «искусственный интеллект» предлагают ввести в научный оборот понятие ИИ как автономной интеллектуальной системы, обладающей способностями к осознанно-волевому поведению, самообучению и самоконтролю, моделирующую деятельность нейронных сетей и синапсов человеческого мозга посредством аккумуляирования, накопления, изучения и использования информации и имеющую материальное выражение в технических устройствах – юнитах ИИ²⁵⁵.

Ряд авторов используют критерий автономности применительно к вопросам ответственности ИИ. Так, Н.В. Крысанова, наряду с пробелами в правовом регулировании, связывает проблему возложения ответственности за негативные последствия ИИ с автономией и непрозрачностью ИИ-систем, и это указывается автором в качестве одной из причин, по которым системы ИИ могут быть признаны лицами с точки зрения права²⁵⁶. «Робот в плане своей автономности, обладания

²⁵³ The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics [Электронный ресурс] // Nishith Desai Associates. 2018: Май. URL: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

²⁵⁴ Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics 2015/2103(INL): P8_TA-PROV(2017)0051 [Электронный ресурс] // European Parliament: официальный портал. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения 31.05.2024)

²⁵⁵ Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 87.

²⁵⁶ Крысанова Н.В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 25.

искусственным интеллектом и самообучаемости является уникальным объектом правоотношения, требующим специального подхода – подхода коллективной ответственности изготовителя, оператора, собственника и пользователя», - заключают исследователи из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ²⁵⁷. Наконец, стоит отметить весьма определенный прогноз А.В. Поповой, С.С. Гороховой и Г.М. Азнагуловой о «трансформации фундаментальных основ правовой системы, которая, как уже прогнозируется в российской и зарубежной научной литературе, пополнится новыми субъектами права, автономными от людей, с собственными правами, обязанностями, ответственностью, и потенциальной возможностью конкурировать с человечеством, совершать правонарушения и деликты»; при этом в отношении людей авторы ссылаются на автономность применительно к воле: «...принцип автономности воли должен обеспечить возможность для граждан, принимать обоснованное, не принуждаемое решение об условиях взаимодействия с роботами»²⁵⁸.

Некоторые авторы, напротив, не используют терминологические конструкции, связанные автономностью / автономией применительно к определениям ИИ. Так, И.В. Понкин и А.И. Редькина понимают под ИИ искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему (электронную, в том числе виртуальную, электронно-механическую, био-электронно-механическую или гибридную) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия²⁵⁹. Тем не менее, именно со способностью к саморазвитию и перспективами

²⁵⁷ Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М., 2019. С. 89.

²⁵⁸ Попова А.В., Горохова С.С., Азнагулова Г.М. Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 38, 41.

²⁵⁹ Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 95.

возникновения собственных потребностей и целей учёные связывают даже криминологические риски применения искусственного интеллекта²⁶⁰.

Это лишь ряд исследований и часть законодательного видения (российского и европейского), связанного с развитием ИИ, и в частности, с его автономностью. Последнее свойство упоминается в подавляющем большинстве характеристик (и даже определений) ИИ, причём указывается оно как само собой разумеющееся, подчёркивающее самостоятельность, «разумность» ИИ, ИСИ, «умных роботов», сильного интеллекта и т.д. Но всё же, стоит ли трактовать автономность как некое естественное и неотъемлемое свойство ИИ? В условиях усложнения, децентрализации, автономизации технологий искусственного интеллекта установить контроль человека над определенными результатами становится все труднее. Однако действительно ли автономность как свойство ИИ – аналогична той, которой обладает человек, носитель естественного разума, самостоятельно существующий в условиях объективной реальности?

Если понимать автономность ИИ исключительно в рамках принимаемых им решений, то, сравнивая со свойствами человека, можно провести параллели разве что с биологическими процессами, связанными с мышлением. Автономная (вегетативная) нервная система человека – это комплекс центральных и периферических клеточных (нейронных) структур, регулирующих функциональный уровень организма, необходимый для адекватной реакции всех его систем. Если рассматривать автономность в философском плане, то её определяют как характеристику высокоорганизованных, прежде всего живых и социальных, систем, означающую, что функционирование и поведение таких систем определяется их внутренними основаниями и не зависит от воздействия внешнего окружения²⁶¹. Психологи рассматривают это понятие с позиции

²⁶⁰ См.: Radutniy O. E. Criminal liability of the artificial intelligence // Проблемы законности. 2017. Вып. 138. С. 136; Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 771-773.

²⁶¹ Философская энциклопедия [Электронный ресурс] // Академик: информ.-справочный портал. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7811/АВТОНОМНОСТЬ (дата обращения 31.05.2024).

личности: «Автономность в научной литературе приравнивают к свободе, самоуправлению, суверенитету, достоинству, целостности, независимости, ответственности, самоуверенности, критическому размышлению, свободе от обязательств»²⁶². Однако если ещё больше расширить границы понимания автономности – в глубинном её представлении, то очевидно, что это самостоятельное и независимое существование живого существа в природных условиях. Результаты пребывания в природе, в частности, человека – зависят от его способности определенное время без посторонней помощи обеспечить свои жизненные потребности в еде, воде, тепле, используя только имеющиеся запасы или дары природы. Человек со времён своего появления на Земле эволюционировал, приспособляясь к окружающему его миру и покоряя его. Собственно, и электричество, без которого не сможет существовать ни один, даже самый «сильный» ИИ, отнимает у него всякие проявления автономии (в широком плане). И даже если предположить возможность переработки естественных источников энергии в электрические импульсы, - это тоже всего лишь следствие естественных процессов развития человека, но не работа; естественного, но не искусственного интеллекта.

Без оглядки на широкое понимание автономии – именно как самостоятельного выживания в естественных природных условиях, не имеет смысла говорить об автономных решениях и вообще о самостоятельности ИИ. Как телескоп, радиоприёмник или самонаводящаяся ракета, ИИ – это лишь производное естественного разума человека, и заигрывать с понятием «автономности» по отношению к свойствам ИИ представляется не только неестественным, но даже вредным. Потому что именно такие выводы исследователей, подкрепленные дальнейшими рассуждениями об управлении со стороны ИИ и его очевидном воздействии на окружающий мир, порождают дальнейшие утверждения о необходимости правовой регламентации деятельности

²⁶² Ежевская Т.И. Автономность как личностный ресурс информационно-психологической безопасности // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 5(40). С. 133.

самого ИИ²⁶³, а не человека, его запрограммировавшего (в том числе на самообучение, «принятие» решений и условное воздействие на окружающий мир). Возникают теоретико-правовые конструкции юнитов, электронных лиц, даже даётся гражданство человекоподобным роботам²⁶⁴. Но что будет, если просто отключить электропитание у ИИ? Смогут ли функционировать программные коды в софт-оборудовании ИИ? Имеем ли мы право столь легко манкировать понятиями автономности применительно к отдельным элементам ИИ, но закрывая глаза на его глубинное понимание? Да и если предположить возможность ответственности для носителей ИИ как квазисубъектов права, - она будет заключаться исключительно в том, чтобы вынуть из микросхемы источник питания?

Если электричество на планете Земля закончится, человек по-прежнему сможет вставать с первыми лучами солнца и обеспечивать свою жизнедеятельность из естественных источников, и воспроизведение – также без посторонних воздействий. Он сможет, как тысячи лет назад, использовать угольки, чтобы нарисовать рисунок на скале, или даже свои ладони – первый «музыкальный инструмент» – чтобы отбить ритм для сочинённой им мелодии. Применительно же к современным реалиям и в связи с развитием ИИ, творческое начало при создании произведений всё больше уходит на второй план. Гораздо бóльший интерес вызывают технические процессы при их генерации. При этом также становится трудно определяемым критерий новизны, поскольку при наделении ИИ авторскими правами сложно проанализировать: сгенерировал ли он произведение, скомпилировав загруженную в него информацию и применив заложенные разработчиками алгоритмы, либо, на основе имеющихся знаний, смог спроектировать действительно уникальный и новый продукт. Полагаем, о полной автономности и самостоятельности ИИ, равно как и об уникальности генерируемых им произведений, все-таки, недопустимо. Несмотря на популярность бытующих в научном мире концепций относительно

²⁶³ Берггольц В.В. Правовой статус и разграничение ответственности при разработке и использовании инструментов искусственного интеллекта // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 6-3 (45), 2020. P. 25.

²⁶⁴ Гиноид София является подданным Саудовской Аравии.

самостоятельности ИИ, его автономности и, как следствие, наличия у него правосубъектности; и даже оглядываясь на уже ставшими знаковыми решения в международной правоприменительной практике, признавшие авторство за ИИ, - хочется, призвать исследователей к более глубокому и, возможно, глобальному пониманию автономности. ИИ не может существовать автономно, без технологий, разработанных и внедрённых человеком. Даже если рассматривать ИИ как некую «умную» надстройку над технологическими решениями, - как, скажем, венец технологического совершенства, - не будь у него рукотворного энергетического потенциала, он бы не смог обеспечить себя и минимальным питанием. Тогда как можно говорить о его автономии?

Говоря о значении автономности в юридическом контексте, недопустимо иметь ввиду автономность как технический признак предмета. Это, если говорить упрощённо, не та автономность, которая требуется на самом деле для того, чтобы вносить изменения в право, его теорию и в концепции права. Реконструировать автономность как осмысленную правовую категорию, подменяя её автономностью в техническом значении (которая на самом деле является техническим признаком предмета), - всё равно, что вообразить субъектом права робота-доставщика, автономно едущего по тротуару (и, кстати, даже, как кажется со стороны, вполне «осмысленно» пересекающего дорогу на зелёный сигнал светофора по пешеходному переходу): с технической точки зрения он автономен, но живым существом – субъектом права – он не является и никогда не станет.

Автономной является поилка для кошки. Достаточной степенью автономии обладает и торговый автомат. Означает ли это, что для таких объектов материального мира (с признаком автономности) нужно разрабатывать отдельные нормы права в силу наличия такого признака «правосубъектности»? Для права автономность поилки, вендингового аппарата, почтового робота-доставщика – означает только один из технических нюансов возможности заключения сделки и реализации способа выражения воли. Особых норм права, основанных на этом юридико-техническом аспекте, которые бы стали причиной наделения указанных

объектов правосубъектностью, нет. Не может их и быть в отношении носителей ИИ.

Очевидно, что вопрос о том, насколько автономен ИИ и можно ли признавать за ним права субъекта правоотношений, является настолько же однобоким, насколько противоестественным для самой природы такого субъекта. Теория права говорит о таких свойствах субъектов правоотношений, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, что в совокупности являет собой правосубъектность. Если ученые и практики наделяют ИИ правоспособностью (и, как уже показано выше, это делается путём весьма очевидной подмены правовых понятий – техническими), то с дееспособностью и деликтоспособностью связывают разве что этические вопросы применения ИИ. Почему же судебные компенсации за текст, автоматически написанный роботом, получает его владелец, а в случае автоматических ошибок машинных алгоритмов все с невероятной легкостью списывается на внутренние несовершенства ИИ? Поскольку в настоящее время ни одна ИТ-компания, применяющая технологии ИИ, не согласилась явить миру алгоритмы своих нейромашин, у нас нет объективных данных, а значит, отсутствует и реальная возможность сделать выводы о том, насколько «воображение», о котором говорят ученые, является творчески непредсказуемым процессом, а не итогом «натасканности» ИИ, результатом смешения заложенных в него данных и алгоритмов, компиляцией загрузок, которые осторожно называют «опытом» ИИ. Но даже получив эти данные, мы не сможем сделать вывод о юридической автономности ИИ, и самоосознающим субъектом права носитель ИИ не станет.

5. О возможности и целях признания правосубъектности за ИИ. Обобщение выводов

Профессора МВА, занимающиеся исследованиями в сфере ИИ, выражают обеспокоенность вопросами правосубъектности ИИ и ответственности за его

решения²⁶⁵. Так, по поводу ответственности ИИ профессор швейцарской бизнес-школы А. Джоши считает, что «то, как ИИ сформирован на текущий момент, свидетельствует о том, что он имеет встроенные проблемы дизайна, математики, вычислений и т.д. Многие из них неразрешимы на сегодняшний момент, потому что мы не можем их объяснить. Если мы не можем понять, почему приходит к нам такой результат, то мы и не можем его обосновать... Принимать этические решения – это пока не для ИИ»²⁶⁶. Очевидно, что за необоснованность выдаваемых им результатов ИИ не может нести ответственность самостоятельно. Среди отечественных исследователей также имеются позиции (правда, единичные), отрицающие абсолютную автономность ИИ: «На сегодняшний день ни одна система ИИ не является полностью автономной и не может обойтись без того или иного участия человека в ее работе», – утверждает С.А. Соменков²⁶⁷.

Периодические издания систематически публикуют новости о блокировках (со стороны программного обеспечения соцсетей) рекламных кампаний предпринимателей, вследствие которых последние несут убытки в виде упущенной выгоды от нереализованных продаж, а также – в ряде случаев – вреда вследствие порчи товаров либо неконтролируемого списания денежных средств со счетов рекламных кабинетов. Однако бизнес не получает компенсаций за данные убытки.

Таким образом, владельцы машинных алгоритмов и нейросетей не несут ответственность за причиненные людям убытки от несовершенств своих решений

²⁶⁵ См.: Джоши А. Будущее искусственного интеллекта: новые возможности: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60abff489a79472708e629ad> (дата обращения 31.05.2024), Мейлер Я. Искусственный интеллект в логистике и производстве: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60ac03879a794727cda32c57> (дата обращения 31.05.2024); Дутта С. Искусственный интеллект для эффективного управления: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60acc1bb9a79475d4649f899> (дата обращения 31.05.2024), Абхишек В. И без хайпа: реальная польза, сложности и ограничения: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60acbe789a79475b3e8550ae> (дата обращения 31.05.2024).

²⁶⁶ Джоши А. Будущее искусственного интеллекта: новые возможности: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60abff489a79472708e629ad> (дата обращения 31.05.2024)

²⁶⁷ Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 84.

и разработок, потому что конкретных составов правонарушений нет, как и нет понятного правового регулирования ответственности за вред, причинённый в результате принятых ИИ решений. Есть лишь немного декларативных заявлений об этике и ответственности ИИ, и, полагаем, их достаточно. Однако отраслевые юридические науки не могут продвинуться в дальнейшем формировании положений об ответственности в сфере принимаемых ИИ решений, потому что в теории права отсутствует единое понимание места и роли ИИ в системе юридических отношений. Каждая «квазиправовая» концепция в теории права (с теми же юнитами, ограниченной правосубъектностью, правами без обязанностей и т.п. – причём это всё мыслится в отношении не субъекта, а части объективной стороны правоотношения и правонарушения) откликается в отраслевых направлениях – выстраиванием псевдоюридических отношений, ещё более насыщенных бесосновательными условностями и попытками их проведения через институт юридической фикции. При этом следование, модным, если их так можно назвать, тенденциям и проведение аналогий «правосубъектности» ИИ с правосубъектностью государства, Матери-Земли, малолетних детей, влечёт не ошибку в юридико-техническом способе (собственно говоря, на законодательном уровне можно наделить правами кого угодно), а подмену понятий. Инструмент никогда не может выступить в качестве мастера. Само придание статуса субъекта инструменту (а по сути ИИ и является алгоритмическим инструментом; с очень сложными, скоростными и подчас необъяснимыми вычислениями и построениями, – но всё же инструментом!) и наделение его правами противоречит сути правоотношений между «истинными» субъектами права – теми, кто, помимо наличия прав, исполняет и обязанности, и несёт соответствующую ответственность (обладает правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью).

Подразумевая, что правоспособность, правосубъектность, дееспособность и деликтоспособность суть понятия абстрактные, описывающие научные категории, но не представляющие собой реальные правовые явления, ни в коем случае нельзя забывать о том, что реализация прав, обязанностей и ответственности происходит в живом мире, в обществе, где субъекты правоотношений себя проявляют, даже

если это не физические лица, а, к примеру, коллективные субъекты права²⁶⁸. Так, государства реализуют свои права и обязанности посредством созданных им институтов, и в случае неправомерных действий со стороны «представителей» этого субъекта, предусмотрены правостановительные процедуры, компенсационные механизмы и т.п. В случае ограничения или вообще освобождения от ответственности каких-либо субъектов права, правостановительные процедуры и компенсационные механизмы реализуются за счёт их ответственных представителей, а в крайних случаях само государство принимает на себя функцию восстановления правового баланса, хотя бы даже в варианте признания потерпевшими тех, чьи права нарушены, и недопущения в дальнейшем причинения вреда лицом, которое не осознавало последствий своих действий (принудительные меры медицинского характера, страховые выплаты и т.п.). Но основной момент заключается в том, что изначально существует свободный и независимый субъект права, который полноценен с точки зрения набора юридических признаков: он является участником общественных отношений, которого юридическая норма наделила правами и обязанностями; он обладает способностью вступать в правовые отношения, проявляя при этом собственное волеизъявление, и выстраивая, – в социальном и естественном понимании, – границы правоотношений – начиная от бытовых человеческих, заканчивая международными.

Развивая (посредством понятия «свобода») ценностное понимание проявлений правосубъектности через правоотношения, попробуем искусственно «вынуть» из них обязанности, оставив только права и свободу их реализации. Каждый субъект права, осознавая собственное право или имея в перспективе его реализацию, обладает определенными возможностями или свободой поведения, предоставляемой ему как субъекту права, – это своё право реализовать. Причём эта

²⁶⁸ Все субъекты права образуют систему, состоящую из участников общественных отношений, в которой, обладая правами и неся обязанности, эти участники реализуют правовые нормы, становясь участниками правоотношений. Для носителей ИИ такие статусы и потенции недоступны. Подробнее о классификации субъектов права см.: Бахрах Д.Н. Субъекты российского права // Экономика региона. 2006. № 2. С. 121-132.

свобода, по сути, безгранична, но именно субъект права сознательно себя ограничивает, в том числе, посредством юридической ответственности, – и это делается в целях соблюдения правового баланса социальных отношений и сохранения собственных границ правоотношений. «Философия свободы находится в теснейшей зависимости от научного потенциала интегрированной философии ответственности»²⁶⁹, – это проявляется в том что, осознавая необходимость упомянутого баланса, именно ответственность ограничивает свободу в определенных оптимальных социальных и природных рамках бытия, проявляющегося в правоотношениях. При всей условности ограниченности свободы, ответственность ей не должна противопоставляться: она является столь же естественной для личности, общества и государства, сколь появление свободы выбора поведения или действия, это обязательное условие существования правового общества, и осознания в нём самого себя субъектом права.

Является ли столь же осознанным ИИ? Где границы его «личности» (субъектности)? Обладает ли он свободой? Элементарно (если ориентироваться на избитый пример с «авторством»): «творит» ли он в то самое время, когда у него появилось настроение, вдохновение или хотя бы мотивация, или же он исполняет команды и реализует заложенные в него алгоритмы? Цель «творчества» ИИ – в социальном одобрении, признании, самореализации в свободе этого творчества (а ведь это тоже свобода правовая, осознанно ограниченная признанными правилами поведения и ответственностью), или в выполнении программных задач? И даже если на мгновение предположить, что ИИ действительно что-то творит по собственной воле (что, конечно же, не соответствует реальности), чем он руководствуется при принятии решений, скажем, о сюжетных линиях, главных героях и ценностных посылах его творчества (если, опять же, в качестве примера берём столь популярные концепции в стиле «а давайте наделим ИИ авторскими правами»)? Такие рассуждения, конечно же, лишены научного смысла, поскольку «решения» (если так можно условно назвать ответы ИИ на поставленные вопросы

²⁶⁹ Ореховский А.И. Философия ответственности: монография. Новосибирск: Изд-во СибГУТИ, 2013. С. 6.

или результаты его «квазитворчества») искусственно созданных утилитарных программ и механизмов являются безвольными, несвободными и лишенными ценностного ориентира, который, очевидно, есть у субъектов права, к коим недопустимо причислять ИИ. Можно ли интегрировать инструмент в общественные отношения в качестве субъекта права? «Общим предправом были и остаются общественные отношения. <...> Отсутствие общественных отношений – это и отсутствие права: без предмета регулирования не может быть и самого регулятора и, если в обществе не будет предпосылок к таким отношениям, то право останется не только “бумажным”, но и “мёртвым”»²⁷⁰.

Какого бы подхода к пониманию права бы ни придерживались исследователи, в контексте реализации правовой политики в направлении развития отношений, связанных с применением ИИ требуется:

1. Унифицированное (не одностороннее, не условно интегративное, а именно единое, универсальное) понимание сущности ИИ: это инструмент, механизм, часть объективной стороны правоотношения либо правонарушения;

2. Принятие невозможности признания за ИИ правосубъектности: это исходит из объективного проявления ИИ, равно как из отсутствия у него воли (и её внешнего проявления – свободы), сознания (и правосознания в том числе), юридической самостоятельности (которую часто пытаются подменить технической автономностью), а главное – ценностной направленности всех производимых им операций (которые часто называют деятельностью);

3. Выработка унифицированных концептуальных основ юридической ответственности за действия, причиненные носителями ИИ, которые будут приемлемы при применении любого из подходов к правопониманию, в том числе в рамках различных отраслей права.

«Специфика правовой нормативности, заключающаяся в наличии единых систем правил поведения для всех, в то же время требует учёта их субъективного

²⁷⁰ Хворостов А.Ю. О первичности в праве // Проблемы современного правопонимания. Материалы научно-методологического семинара 11-13 октября 2006 года / Под общей редакцией Т.И. Козловой. СПб.: ИПП, 2007. С. 43.

измерения, связанного с разнообразными механизмами саморегуляции, дополняющими и конкретизирующими то, что осуществляется в соответствии с нормой»²⁷¹. Сама суть права включает в себе не только так называемое «субъективное право», естественное, принадлежащее каждому²⁷², но и «объективное», «государственное» право, ориентированное на приоритет субъективных прав²⁷³. И даже если понимать право в его нормативном проявлении (как иерархическую систему норм, выступающих регулятором общественных отношений²⁷⁴), проблемы противопоставления права и закона «нет и не должно быть»; «есть и должна быть проблема несоответствия права (закона) каким-либо ценностям»; «можно и нужно говорить о том, что право (закон) не соответствует чьим-либо представлениям о справедливости, морали, каким-либо фактическим отношениям и т.п.»²⁷⁵. Можно, кстати, понимать право и в «неюридическом» смысле, ведь отношения в обществе регулируются не только юридическими нормами, но и многочисленными другими правилами поведения²⁷⁶. Всё это многообразие подходов, дискуссий, разночтений и мнений обуславливает либо принуждение к необходимости выбора и дальнейшего следования какой-либо концепции (что, очевидно, в качестве последствия порождает необходимость длительного её обоснования и доказывания её истинности, а в особо серьёзных случаях – сосредоточения усилий на выработке принципиально нового, аутентичного тенденциям типа понимания права²⁷⁷), либо поиск так называемых «интегративных» концепций²⁷⁸. В отличие же от интегративного подхода,

²⁷¹ Зазаева Н.Б. Современные тенденции в определении права (концептуальный анализ) // *Философия права*. 2005 № 3 (15). С. 42-43.

²⁷² См.: Кожевников С.Н. Понимание права: разные теоретические аспекты // *Юрист*. 2004. № 11. С. 20.

²⁷³ См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 425-426.

²⁷⁴ См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001.

²⁷⁵ Здесь и выше: Толстик А.В. От плюрализма понимания к борьбе за содержание права // *Государство и право*. 2004. № 9. С. 15.

²⁷⁶ См. об этом: Миннихметов Р.Г. Правовая система как синкретизм всех социальных норм // *Право и политика*. 2004. № 3. С. 9-13.

²⁷⁷ См.: Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: Феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. СПб, 2002. С. 9.

²⁷⁸ См. подробнее: Графский И.Л. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и всё ещё незавершенный проект // *Правоведение*. 2000. № 3. С. 49-64; Он же. Общая теория

унификация предполагает приведение всех (или, по крайней мере, большинства) устоявшихся концепций и требующих единого понимания явлений или вещей к общему знаменателю в конкретной сфере (в нашем случае в сфере применения ИИ).

И государству, которое не спешит совершенствовать законотворческие процессы, и честолюбивым разработчикам, которые всякий раз не могут объяснить и предсказать последствий загрузки тех или иных данных и алгоритмов в спроектированные ими машины и сети, также удобнее не нести ответственность за действия ИИ. Попав в одну из ловушек «цифровизации», которая заключается в постоянной погоне за превосходством в разработках, это трио беззастенчиво пользуется индульгенцией в отношении ответственности, поскольку очень легко переложить вину на «сбой», «ошибку алгоритма», «несовершенство ИИ»... Но ведь давно известно: «Чем дольше мы учим нейросеть, тем меньше ошибка»²⁷⁹. «ИИ – это не магия. Все программы искусственного интеллекта предполагают человеческие решения и компромиссы»²⁸⁰. Следовательно, недостаточное «натаскивание» ИИ, гонка за первенство в открытиях в IT-сфере может порождать вызванные преждевременным выходом на рынок ошибки, за которые отвечать в нынешних реалиях по-прежнему некому, и продолжать настаивать на том, что у ИИ есть или в ближайшем будущем появится правосубъектность, не только некорректно, но и опасно. Сама цель таких манипуляций представляется вредной, ведь, наделив ИИ правосубъектностью, четыре главных нынешних актора в сфере ответственности за вред, причинённый в результате решений ИИ (мы называем это «Концепцией 4П», при которой ответственность несёт один из следующих субъектов: Программист, Производитель, Правообладатель или Пользователь²⁸¹),

права П. Сорокина: на пути к интегральному (синтезированному) правопознанию // Государство и право. 2001. № 1. С. 111-120.

²⁷⁹ Беляев А. Как работают искусственный интеллект, машинное и глубокое обучение [Электронный ресурс] // РБК. Тренды. 2020.29 сентября. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e845cec9a794747bf03e2c9> (дата обращения: 31.05.2024).

²⁸⁰ James X. Dempsey. Artificial Intelligence: An Introduction to the Legal, Policy and Ethical Issues. Berkeley Center for Law & Technology, 2020. P. 7.

²⁸¹ См. об этом: Аналитика Big Data & Artificial Intelligence Day: Конференция 10 октября 2023 г. [Электронный ресурс] // TAdviser. URL:

смогут этой ответственности избежать. Декларативное провозглашение наличие прав, без обязанностей и без ответственности нарушает принцип единства прав и обязанностей. Хотя этот принцип по-разному понимается разными учёными²⁸², нельзя не признать, что он представляет собой «одно из фундаментальных нормативных требований, обеспечивающих эффективное правовое закрепление, толкованию и реализацию прав и обязанностей субъектов правоотношений»²⁸³. Существование же прав и обязанностей (в их единстве), в свою очередь, диктует необходимость наличия ответственности за неисполнение обязанностей или же за нарушение прав других субъектов. Вся суть права (в его нормативном понимании) основана на этой гармонии: дисбаланс в правах и(или) обязанностях уравнивается ответственностью. Иначе бы мы не могли помыслить само право и не имели бы отраслей права в том виде, в котором они существуют сейчас: вместе с реализацией прав, исполнением обязанностей и несением ответственности. Бесцельное исключение ответственности применительно к сфере деятельности ИИ, безусловно, является следствием ошибочного его понимания в качестве субъекта.

Полагая, что всё «невозможное» относительно (автор высказывания всегда берёт слово «невозможное» в кавычки, подчёркивая условность данного понятия), М. Каку пишет о том, что всего сто пятьдесят лет назад многое из того, что представляется нам сегодня естественным и даже обыденным, ученые объявляли «невозможным»²⁸⁴. Тем не менее, в отношении развития инженерной мысли и высоких технологий, сложно согласиться с возможностью и внезапностью возникновения каких-либо новых и неизведанных форм общественных отношений. Признав носителей ИИ субъектами данных отношений и обладателями неких прав (весьма эфемерных, кстати), нам пришлось бы, например, признать право на авторство за фотоаппаратом и копировальной машиной, наделить автомобиль,

https://www.tadviser.ru/index.php/Конференция:Artificial%20Intelligence_Day_2023 (дата обращения: 31.05.2024).

²⁸² Весьма основательный обзор позиций по этому вопросу сделан А.С. Климовой. См.: Климова А.С. Принцип единства прав и обязанностей личности // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 594-596.

²⁸³ Климова А.С. Принцип единства прав и обязанностей личности // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 596.

²⁸⁴ Каку М. Физика невозможного. М. 2014. С. 7.

самолёт и лифт правом на передвижение, а калькулятор всегда указывать в качестве автора произведённых им вычислений. Вышеприведенные выводы исследователей о существовании полностью автономного и не нуждающегося в человеческой помощи ИИ, вследствие чего необходимо наделение носителей ИИ правосубъектностью (пусть даже ограниченной), – нельзя признать состоятельными. Ведь речь идёт далеко не о единичных задачах, возлагаемых на человека: закладке данных, анализе результатов, корректировке ошибок и т.п. Далее мы проясним, почему именно разработчик, производитель, пользователь (оператор) или владелец носителя ИИ ответственен (в том или ином случае) за итоговые последствия деятельности данного объекта. Исследуя проблемы развития ИИ, учёные отмечают, что даже лучшие из нейронных сетей подвержены «параличу сети» – ситуации, когда сеть перестаёт обучаться, и её нейроны вырабатывают ошибочные сигналы²⁸⁵, поэтому без человека даже так называемая «самоорганизующаяся система» неспособна ни к самоосознанию, ни к целеполаганию, ни к тому, чтобы считаться субъектом общественных (и, в частности, правовых) отношений.

«Если говорить о назначении ИИ, то многие исследователи видят в нём создание машины, чьи действия, будь они совершены человеком, признавались бы «разумными». Другие исследователи ещё больше расширяют данное определение. Колонии муравьёв и иммунная система, говорят они, тоже ведут себя разумно, но совершенно не по-человечески. А увязнуть в пучине этих споров – значит попасть в ту же ловушку, от которой десятилетиями страдал ИИ»²⁸⁶. Однако выйти из этой ловушки можно достаточно просто: не только, и не столько предлагая наделять какими-либо правами носителей ИИ и отыскивая в нём признаки человеческого разума, но, прежде всего, задаваясь вопросом: кто будет нести ответственность за последствия действий / решений данного носителя ИИ? К примеру, к кому предъявлять иск о защите нарушенных авторских прав в случае, если

²⁸⁵ Философские проблемы развития искусственного интеллекта: монография / под ред. А.В. Волобуева, Н.А. Ореховской. М., 2019. С. 18.

²⁸⁶ Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / под ред. Д. Хэвен; пер. с англ. О.Д. Сайфутиновой. М., 2019. С. 32.

сгенерированная ИИ картина настолько похожа с написанной ранее картиной художника или фотоснимком, сотворенными людьми до появления «произведения» ИИ? В ответ на такой вопрос исследователи обычно парируют: плагиата быть не может, ведь ИИ не самостоятелен при генерации, он лишь воспроизводит в случайном порядке загруженные в него референсы. Тем самым они ещё раз сами опровергают собственные предложения о наделении носителей ИИ авторскими правами: раз не имеют место творческий характер и авторская новизна, а речь о, скажем так, квазиавторской генерации, то о каких правах может идти речь? Можно продолжить исследование предполагаемой правосубъектности таким же способом и в отношении других носителей ИИ: коль скоро они действуют по заранее определенным алгоритмам (пусть даже образующим сложную систему), то можно ли считать именно носителей ИИ ответственными в случае причинения ими вреда? Определяя, кто несёт ответственность в случае причинения вреда носителем ИИ и каким образом будет возмещён причиненный вред, в конечном итоге, вопрос о правосубъектности данного носителя отпадает, поскольку он всякий раз решается в пользу того, кто будет нести ответственность за вред, и этим кем-то будет физическое или юридическое лицо, но не сам ИИ и не носитель ИИ.

Без понимания правосубъектности в отношении ИИ невозможно было бы продвинуться к формированию концептуальных основ юридической ответственности за действия, причинённые носителями ИИ, поэтому значительная часть работы и была посвящена исследованию этого вопроса. Ключевым моментом, который озвучивают практически все авторы мнений о наделении ИИ правосубъектностью, является вопрос об автономности / автономии ИИ, которая, к сожалению, неверно понимается и применяется во многих современных исследованиях. Это, как представляется автору, не само собой разумеющийся и имеющий какое-либо значение для определения правового статуса носителя ИИ признак, и тем более не решающее и не основополагающее значение. Исходя из подобного толкования, по сути – неверного, мы получим (и уже даже получили) безосновательные концепции, подменяющие юридические категории техническими свойствами.

Своего апогея такие суждения достигли в работах по исследованию приписываемого ИИ «авторства». Однако и на законодательном уровне, и в правоприменительной практике за действия с использованием носителей ИИ ответственность по-прежнему несёт человек. Посему, прежде чем задаваться вопросом «а не наделить ли нам ИИ правами», «можно ли усмотреть в ИИ признаки правосубъектности» и тому подобными рассуждениями, целесообразно задать следующий по логике вопрос, который, возможно, покажется менее удобным для авторов: кто будет нести ответственность в случае причинения вреда носителем ИИ? Даже в сфере применения генеративных моделей ИИ (в рассуждениях о которых авторам, казалось бы, легче всего даётся доказывание творческого характера и авторских или, скажем, квазиавторских проявлений ИИ и, как следствие, наличие у него правосубъектности) ответ очевиден: ответственным всегда будет человек.

Одним из наиболее ярких и запоминающихся прецедентов последнего времени с «авторством» ИИ является случай использования американскими адвокатами С. Шварцем и П. ЛоДукой генеративной модели ChatGPT для обоснования правовой позиции со ссылками на несуществующие судебные прецеденты по делам, аналогичным тому, в котором эти адвокаты принимали участие (один из них использовал чат – ChatGPT, а второй подписал результат работы этого чата с придуманными ИИ прецедентами). Судья Федерального окружного суда Манхэттена, Нью-Йорк, П.К. Кастель взыскал солидарный штраф в размере 5000 долларов США с адвокатов и их юридической компании, а в оставшейся резолютивной части решения судья обязал адвокатов известить своего клиента, приложив к извещению решение суда, транскрипт заседания (где сказано, как именно они работали над делом) и их письменные объяснения суду по обстоятельствам происшедшего. Более того, судья счел пострадавшими и судей, которым чат приписал решения, поэтому адвокатов обязали также направить всем авторам якобы «решений» извещения о произошедшем²⁸⁷, также с приложением

²⁸⁷ Распоряжение о применении санкций (opinion and order on sanctions) по делу Case 1:22-cv-01461-РКС 2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lawnext.com/wp->

документов. При исследовании прецедента, в начале своего судебного приказа («order to show cause») по данному вопросу указал следующее: «Суд сталкивается с беспрецедентным обстоятельством. Заявление, поданное адвокатом истца в возражение против ходатайства об отклонении, изобилует ссылками на несуществующие дела»²⁸⁸. Далее в работе будет уделено внимание, в том числе, предлагаемым исследователями теоретическим построениям моделей ответственности с участием ИИ как субъекта правоотношений, - в целях обобщения существующих научных подходов к вопросам ответственности за действия, причиненные носителями ИИ. Однако критический разбор возможности наделения ИИ правосубъектностью показал искусственность и ненужность подобных инициатив, в том числе потому, что ответственность ИИ при этом всё равно не может возникнуть. Унифицированное понимание сущности ИИ поможет преодолеть существующий плюрализм подходов в юридической науке, часть из которых не имеет ни научного, ни практического значения. В настоящее время учёные понимают ИИ по-разному, поскольку в последние годы он (как и многие современные технологии) развивается с той скоростью, с которой не всем удаётся разобраться с тем, что же он есть на самом деле. Автор рассчитывает на развенчивание мифологизированной «субъектности» ИИ в ближайшем будущем, в том числе, благодаря данному исследованию.

content/uploads/2023/06/S.D.N.Y.-22-cv-01461-dckt-000054_000-filed-2023-06-22.pdf (дата обращения 31.05.2024).

²⁸⁸ См. судебный приказ по делу Case 1:22-cv-01461-РКС 2023 с описанием произошедшего: Судебный приказ с обоснованием (order to show cause) делу Case 1:22-cv-01461-РКС 2023 [Электронный ресурс]: https://www.lawnext.com/wp-content/uploads/2023/05/S.D.N.Y.-22-cv-01461-dckt-000031_000-filed-2023-05-04.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

ГЛАВА III. Формирование концептуальных основ юридической ответственности за действия, причинённые носителями ИИ

1. Опыт причинения вреда носителями ИИ²⁸⁹

Само по себе использование ИИ несёт много полезного и прочно окружает нас в огромном массиве технических решений. Полиция США применяет роботов Spot для задержания преступников. Соцсети – ИИ-алгоритмы для блокировок порнографического и другого запрещённого контента (оружие, сцены насилия), а также музыки и видео, которые нарушают авторские права. Финансовые корпорации – для аналитики больших данных. Поисковые системы – для «дописывания» поискового запроса. Даже Почта России, наравне со службами доставки, использует роботов-доставщиков Yandex, оснащённых моделями ИИ, для перевозки бандеролей. Примеры можно продолжить. Однако человеческая история накопила достаточно опыта, из-за которого вопросы ответственности носителей ИИ стоят остро.

Р.Н. Уильямс официально считается первым человеком, лишенным жизни роботом. Инцидент произошёл 25 января 1979 на заводе по литью плоских пород, принадлежавшем Ford Motor Company, в г. Флэт Рок (штат Мичиган, США). Задача промышленного робота фирмы Litton Industries заключалась в том, чтобы извлекать отливки плоских форм и сообщать об их количестве. Рядом с этим роботом трудился и Уильямс. Чтобы ускорить работу, мужчина решил сам достать одну из деталей, и в этот момент 1-тонная роботизированная рука ударила и насмерть придавила его. В ходе расследования случая комиссия признала Уильямса полностью невиновным. Компания-производитель робота выплатила семье погибшего 10 миллионов долларов²⁹⁰.

²⁸⁹ В разделе приводятся только известные автору случаи – из открытых источников. Наверняка, их гораздо больше. При этом в целях соблюдения принципа достоверности информации, автор осуществлял верификацию использованных источников путём перепроверки фактов в различных периодических и новостных изданиях, на официальных ресурсах лиц и компаний, которые упоминаются в публикациях. У любого жалеющего имеется возможность самостоятельного ознакомления и верификации использованных источников.

²⁹⁰ \$10 Million Awarded To Family Of U.S. Plant Worker Killed By Robot // Ottawa Citizen. August 11, 1983. P. 14.

В 1981 году в Японии на производстве мотоциклов Kawasaki Heavy Industries (г. Акаси) робот-носитель ИИ принял решение уничтожить работающего рядом с ним 37-летнего сотрудника Кэндзи Урада, который был идентифицирован как угроза миссии робота. Устранить эту угрозу ИИ представил возможным путём вталкивания человека в соседний работающий механизм: смерть произошла мгновенно, после чего робот продолжил выполнять свою работу²⁹¹. Урада стал первым, но далеко не единственным потерпевшим от носителей ИИ в Японии. Так, в 2018 году на конференции по проблемам искусственного интеллекта в Лос-Анджелесе американская журналистка Линда Молтон Хоу рассказала жуткую историю о том, что 29 японских ученых пали жертвами созданных ими же роботов. Источником секретной информации, по словам журналистки, является военный, оставивший службу, но продолжающий работать по контракту на ЦРУ, Агентство национальной безопасности и другие структуры подобного рода. По словам тайного осведомителя, инцидент произошел в одной известной компании по производству роботов в Японии. Четыре изделия, предназначенных для использования в военной сфере, убили 29 ученых из огнестрельного оружия: персоналу удалось отключить двух роботов, а еще одного вывести из строя. Однако четвертый сумел подключиться к спутнику на орбите Земли, скачать данные для перепрограммирования и получить дополнительные навыки. Линда заверила, что информация об инциденте не появится в СМИ, поскольку компания не собирается портить свою репутацию. Кроме того, Япония испытывает потребность в боевых роботах, поэтому разработки остановлены не будут²⁹².

²⁹¹ Yueh-Hsuan Weng, Chien-Hsun Chen and Chuen-Tsai Sun. Towards the Human-Robot Co-Existence Society: On Safety Intelligence for Next Generation Robots, 1 INT. J. SOC. ROBOT 267, 273 (2009).

²⁹² Четыре робота убили 29 японских ученых [Электронный ресурс] // Рамблер. Новости. 2018. 21 декабря. URL: <https://news.rambler.ru/world/41464160-chetyre-roboty-ubili-29-yaponskih-uchenyh-zador-amerikanskoj-zhurnalistki-krepchaet/> (дата обращения 31.05.2024).

В 1997 г. почтовый робот совершил наезд на ногу женщины и затем закрыл дверь шкафа, оставив ее запертой внутри, информация о сумме компенсации осталась закрытой²⁹³.

В США роботы-хирурги «убили» 144 человека в период с 2000 по 2013 год. Использование роботов для хирургических процедур стало широко распространенной практикой в США, и, как и в любой хирургической процедуре, здесь есть риск осложнений и даже смерти. Исследование, проведенное в период с 2000 по 2013 год для FDA, показало, что во время операций произошло 144 смерти, 1391 травма и 8 061 неисправность роботов. Одна из этих смертей и 119 травм были вызваны кусками роботов, которые фактически падали и приземлялись внутри тела пациентов во время процедур. Две смерти и 52 травмы были вызваны роботизированным хирургом, который отключился или сделал неверные шаги, и колоссальные 193 травмы были результатом электрических искр от роботов-хирургов, сжигающих пациентов²⁹⁴.

Инциденты разной тяжести с носителями ИИ описывают новостные издания²⁹⁵. В 2006 робот, известный как «дегатор», прижал человека к своей раме и раздавил его. Человек был найден, прижатый к дегатору, с вытянутой рукой, тянущейся к кнопке сброса. Дальнейшее тестирование робота показало, что не

²⁹³ Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 66.

²⁹⁴ Radford L. 13 Scary Real Life Robot Attacks [Электронный ресурс] // Ranker. 2019. 5 ноября. URL: <https://www.ranker.com/list/real-life-robot-attacks/lyra-radford> (дата обращения 31.05.2024).

²⁹⁵ См.: Громов А., Тодоров В. Восстание машин. Трагедия на заводе Volkswagen и еще четыре случая нападения роботов на людей [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2015. 02 июля. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2015/07/02_a_6864185.shtml (дата обращения 31.05.2024), 8 происшествий, которые произошли из-за беспилотников [Электронный ресурс] // Novate. 2016. URL: <https://novate.ru/blogs/110516/36304/> (дата обращения 31.05.2024), Madrigal A.C. Drone Hits Spectators Watching the Running of the Bulls (in Virginia) [Электронный ресурс] // The Atlantic. 2013. 26 августа. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2013/08/drone-hits-spectators-watching-the-running-of-the-bulls-in-virginia/279040/> (дата обращения 31.05.2024), Robot vacuum cleaner 'attacks' South Korea housewife's hair [Электронный ресурс] // Fanverse.org. 2015. 10 февраля. URL: <https://www.fanverse.org/threads/robot-vacuum-cleaner-attacks-south-korea-housewives-hair.1024915/> (дата обращения 31.05.2024), Робот на заводе Volkswagen убил человека [Электронный ресурс] // Хабр. 2015. 02 июля. URL: <https://habr.com/ru/post/381305/> (дата обращения 31.05.2024) и др.

было никаких неисправностей ни в одном из его движений и не было памяти в его компьютере.

В июне 2007 года в Швеции промышленный робот напал на человека и чуть не убил его. Рабочий думал, что успешно отключил питание роботов, которые использовались для перемещения гигантских камней, и подошел к машинам, чтобы выполнить ремонтные работы. Внезапно они закружились и один положил голову мужчины в тиски. Он изо всех сил пытался освободиться и получил немало травм (включая четыре сломанных ребра), но к счастью, выжил.

В мае 2007 года сотрудник компании Lenco, Inc. пытался отремонтировать роботизированную руку, предназначенную для удаления CD-дисков из литейной машины. Робот набросился на сотрудника, который в результате получил тупую травму ребер и черепа и через две недели скончался в больнице.

В результате сбоя ракетной установки противовоздушной обороны на одной из баз Северо-Капской провинции ЮАР, произошедшего в 2007 году, погибло 9 южноафриканских солдат, еще 14 получили серьезные ранения. Автоматическое компьютеризированное зенитное орудие Oerlikon GDF-005 – управлялось системой, предназначенной для автоматического поиска, захвата и атаки противника без участия человека. Орудие даже имело систему самостоятельной перезарядки, что в нашем случае могло сделать его еще смертоноснее. Оно открыло неконтролируемый огонь во все стороны, выпустив из двух своих стволов двести пятьдесят 35-мм фугасных снарядов в находившихся рядом людей.

В 2009 году роботом компании Golden State Foods на заводе в промышленном районе Лос-Анджелеса была убита 40-летняя Ана Мария Витал. Машина использовалась в процессе установки коробок на поддоны. В какой-то момент одна из коробок застряла внутри робота, и Мария вошла в его клетку для того, чтобы восстановить ход упаковки, что закончилось для неё летальным исходом.

В 2013 году на посетителей ежегодных забегов быков в Вирджинии напал летающий беспилотник. Он нанёс травмы пятерым зрителям. Наиболее пострадал фотограф, пытавшийся запечатлеть нападение беспилотника на людей. А в июне 2015 года уже другой дрон покусился на певца Энрике Иглесиаса: во время

концерта в Тихуане исполнитель попытался поймать беспилотник, чтобы сфотографировать зрителей, как он уже неоднократно делал ранее. Однако аппарат неожиданно вырвался и серьезно порезал пальцы певца, попутно повредив ему одну из костей руки.

В июне 2015 года в Калифорнии произошло ДТП между двумя беспилотными автомобилями. Беспилотник компании Delphi на базе кроссовера Audi Q5 двигался по шоссе Сан-Антонио и собирался сменить полосу движения. В это время его подрезал Lexus RX450h с автопилотом от Google.

В июле 2015 года на немецком заводе Volkswagen возле города Касселя вышедший из-под контроля робот убил человека. Во время выполнения монтажных работ автоматическая рука робота схватила 21-летнего работника и практически расплющила его о лист металла. Спасти человека не удалось. А в апреле 2016 года беспилотник разбил окно офиса гонщика Дэвида Переля, находящегося на пятом этаже в Кейптауне, ЮАР, и ударил ничего не подозревающего человека в голову: тот отделался небольшими травмами, а также была повреждена его офисная техника.

В 2016 году Uber начал тестировать беспилотные автомобили в Питтсбурге, и вскоре расширился до Аризоны, после того как в декабре 2016го его автомобили с автоматическим управлением были запрещены²⁹⁶ на улицах Сан-Франциско Департаментом транспортных средств Калифорнии. Акцент на беспилотных автомобилях был призван продемонстрировать прогресс Uber в зарождающейся технологии, и в том же году он начал привлекать клиентов в г. Темпе после того, как губернатор Аризоны Дуг Дьюси, сторонник беспилотных автомобилей, совершил первую поездку на беспилотнике. Тестирование распространилось на сложные городские районы, поскольку такие штаты, как Аризона и Техас, применяют достаточно мягкий подход к законодательному регулированию, а

²⁹⁶ Hagan Sh. Uber Launches Self-Driving Cars in Arizona After California Ban [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2017. 22 февраля URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-21/uber-launches-self-driving-cars-in-arizona-after-california-ban> (дата обращения 31.05.2024).

компании стремятся первыми коммерциализировать технологию. Это помогло улучшить системы, но также увеличило вероятность смерти пешехода.

В июне 2016 года на фабрике Ajin USA, занимающейся производством деталей для автомобилей компаний Hyundai и Kia, от «руки» робота погибла 20-летняя Регина Эльза. Она с коллегами пыталась починить вышедшего из строя робота. Тот неожиданно перезагрузился и очень сильно толкнул Эльзу в другую машину, нанеся тяжкие повреждения. На следующее утро девушка скончалась.

В 2016 году робот-охранник корпорации Knightscope сбил маленького ребёнка, а в 2017 году аналогичное устройство «утопилось» в фонтане торгового центра в Вашингтоне, США²⁹⁷. Этот робот снимает видео на 360° камеры, в него встроен тепловизор, а также он считывает до 300 номерных знаков в минуту. Что происходит внутри его ИИ, когда происходят такие инциденты?

В марте 2017 года, на территории завода по производству запчастей Ventra Ionia Main (г. Детройт, штат Мичиган, США) во время своей смены сотрудница Ванда Холбрук решила проверить промышленного робота на наличие неисправностей (мониторинг неисправностей на линиях и являлся трудовой функцией Холбрук). По загадочному стечению обстоятельств, робот из другой секции резко ударил ее по голове, и у нее мгновенно проломилась челюсть. Каким образом робот оказался рядом с ней, до сих пор никому неизвестно. Наверное, это самый загадочный случай из всех. Как указано в отчете комиссии, расследовавшей эту трагедию, «рука робота неожиданно схватила Ванду, дотянувшись до секции, где она работала. После этого, ударив и раздавив голову Ванды между сцепками сборки, попыталась поместить ее голову в специальное приспособление-зажим». Муж погибшей подал иски против пяти компаний, участвовавших в производстве этого робота: Prodomax, Flex-N-Gate, FANUC, Nachi, и Lincoln Electric²⁹⁸.

²⁹⁷ Лучков И. Робот-полицейский в Вашингтоне: сбил ребёнка, пережил нападение, утопил сам себя в фонтане [Электронный ресурс] // Wylsa.com. 2017. 18 июля. URL: <https://wylsa.com/robocop-dying/> (дата обращения 31.05.2024).

²⁹⁸ Agerholm Н. Robot 'goes rogue and kills woman on Michigan car parts production line' [Электронный ресурс] Independent. 2017. 15 марта. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/robot-killed-woman-wanda-holbrook-car-parts-factory-michigan-ventra-ionia-mains-federal-lawsuit-100-cell-a7630591.html> (дата обращения 31.05.2024).

7 мая 2017 года во Флориде произошла авария, в ходе которой погиб водитель, сидевший за рулем Tesla Model S (водитель Uber). Инцидент произошёл на сухой трассе в ясную погоду. Вероятнее всего, 40-летний Джошуа Браун врезался в фургон, когда тот выполнял левый поворот на перекрестке. Как компания Tesla написала в своём блоге, «ни автопилот, ни водитель не заметили белый кузов грузовика в ярком солнечном свете, поэтому не нажали на тормоз». Компания подчеркнула необычный характер происшествия и сообщила, что это первая авария со смертельным исходом за более чем 130 миллионов миль испытаний. Более того, при активации системы автопилота водителей предупреждают, помимо прочего, что это вспомогательная функция, и требуется постоянно держать руки на руле, сохранять контроль над ситуацией и ответственно относиться к использованию транспортного средства²⁹⁹.

День 18 марта 2018 года вошёл в историю как ещё один зафиксированный случай причинения увечий со стороны беспилотного такси. В этот раз был смертельно травмирован пешеход. В г. Темпе (штат Аризона, США) 49-летняя Элейн Херцберг переходила дорогу вне пешеходного перехода, держась за руль своего велосипеда, когда её сбил принадлежащий Uber автономный автомобиль Volvo XC90, работавший в автономном режиме под наблюдением водителя, отвечающего за безопасность человека. От полученных травм женщина скончалась в больнице³⁰⁰. После этого случая Uber Technologies Inc. приостановила испытания автономных транспортных средств на некоторое время. Общественность же долго спорила о том, кто должен нести ответственность за причиненный вред: оператор, который находился за рулём, но доверил управление роботу; городские власти, выпустившие на улицы беспилотники; разработчики, недостаточно хорошо обучившие ИИ; или же никто: в конце концов, потерпевшая переходила дорогу в

²⁹⁹ Произошла первая авария автопилота Tesla со смертельным исходом [Электронный ресурс] // Хайтек. 2016. 01 июля. URL: <https://hightech.fm/2016/07/01/tesla-crash> (дата обращения 31.05.2024).

³⁰⁰ Bergen M., Newcomer E. Uber Halts Autonomous Car Tests After Fatal Crash in Arizona [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2018. 19 марта. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-19/uber-autonomous-car-involved-in-fatal-crash-in-arizona> (дата обращения 31.05.2024).

неположенном месте, и если бы не её виновное поведение, то таких последствий могло бы не наступить.

В конце 2018 года на складе компании Amazon в городе Робинсвилл один из роботов проткнул баллончик со средством для отпугивания медведей, что стало причиной распыления капсаицина – жгучего вещества, которое содержится в перце чили и традиционно используется в перцовых баллончиках для самообороны. В результате инцидента в больницах города оказались 24 человека. В Amazon изначально пытались скрыть подробности происшедшего и освещали событие максимально скупно, сообщив, что баллончик с капсаицином упал с полки. Позже компания все же признала, что причиной инцидента стали действия робота, отметив, однако, что все пострадавшие сотрудники были застрахованы, а происшествие будет расследовано в кратчайшие сроки³⁰¹.

8 января 2019 года российский робот Promobot, прибывший в американский Лас-Вегас для участия в международной выставке электроники CES-2019, был сбит автомобилем Tesla, находящимся под управлением искусственного интеллекта³⁰².

В начале 2021 года В Китае зафиксирован случай нападения робота на человека. Инцидент произошёл в городе Шэньчжэнь (провинция Гуандун) на технологической выставке China Hi-Tech Fair, Робот по имени Little Chubby (маленький толстяк), напоминающий по своей конструкции и размеру героя «Звёздных войн» R2-D2, был представлен владельцем одного из стендов. Робота создали для обучения детей 4–12-летнего возраста и развлечения посетителей. На какое-то время робот остался без присмотра, чем «неожиданно воспользовался»: он стал крушить стенд компании-разработчика. Когда один из сотрудников попытался его остановить, Little Chubby наехал ему на ногу. Масса робота оказалась достаточной, чтобы нанести серьёзные травмы. После нападения пострадавший не смог передвигаться самостоятельно, и его госпитализировали на

³⁰¹ 24 Amazon workers sent to hospital after robot accidentally unleashes bear spray [Электронный ресурс] // ABC news. 2018. 06 декабря. URL: <https://abcnews.go.com/US/24-amazon-workers-hospital-bear-repellent-accident/story?id=59625712> (дата обращения 31.05.2024).

³⁰² Робот-автомобиль в Лас-Вегасе сбил робота-пешехода [Электронный ресурс] // ИА Красная Весна. 2019. 08 января. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/23f8d9b6> (дата обращения 31.05.2024).

носилках³⁰³. В ноябре 2023 года в провинции Южный Кёнсан в Южной Корее ещё один робот, осуществляющий техническую работу на предприятии, нанёс сотруднику смертельные увечья. Как оказалось, выполняя поставленную ей задачу, машина спутала человека с картонной коробкой и, согласно заданному алгоритму, придавила мужчину к конвейерной ленте. От полученных травм 40-летний сотрудник скончался в больнице, куда его доставили после инцидента³⁰⁴.

19 июля 2022 года шахматный робот сломал палец мальчику во время шахматного турнира в Москве. Chessrobot'a создали специально для игры в шахматы. По заявлению создателей, он оснащён искусственным интеллектом и может играть сразу три партии. 19 июля он играл три матча, в том числе и с 7-летним Кристофером, который входил в 30-ку сильнейших шахматистов столицы в возрасте до 9 лет. Робот «съел» фигуру мальчика и ставил на её место свою, но Кристофер чуть поторопился и уже делал ответный ход. Роботу не понравилась такая спешка: он ухватил указательный палец мальчика и сильно его сдавил. Окружающие кинулись на помощь и вытащили палец юного игрока, однако перелома избежать не удалось. Вице-президент Федерации шахмат Москвы сообщил, что ребенок не получил серьезных травм и после случившегося вышел на награждение. Однако создатели робота уверены, что мальчик виноват сам, поскольку нарушил технику безопасности: не дождавшись хода оппонента, он попытался передвинуть фигуру и в этот момент был пойман за палец³⁰⁵.

Однако интерес представляют не только физические увечья и смерти, причиненные носителями ИИ. В современной литературе подвергается критике использование в США системы прогнозирования рецидивов COMPAS (Correctional

³⁰³ Пролог к восстанию машин. В Китае робот напал на человека [Электронный ресурс] // The Epoch Times. 2021. 07 мая. URL: <https://www.epochtimes.ru/prolog-vosstaniya-mashin-v-kitae-robot-napal-na-cheloveka-99033104/> (дата обращения 31.05.2024).

³⁰⁴ Макаренко В. Робот убил сотрудника завода, спутав его с коробкой [Электронный ресурс] // 4PDA. 2023. 09 ноября. URL: https://4pda.to/2023/11/09/420518/robot_ubil_sotrudnika_zavoda_sputav_ego_s_korobkoj/ (дата обращения 31.05.2024).

³⁰⁵ Новостной материал с видео с места событий: В Москве шахматный робот сломал палец мальчику во время шахматного турнира [Электронный ресурс] // Baza. 2022. 21 июля. URL: <https://t.me/bazabazon/12441> (дата обращения 31.05.2024).

Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), которая давала неоднозначные (и нередко ошибочные) прогнозы, которые имели крен в сторону расовой принадлежности обследуемых. В 90е годы XX века Northpointe создала шкалы риска для общего и насильственного рецидива, а также для досудебных нарушений. Эти шкалы были разработаны с использованием поведенческих и психологических конструкций, «имеющих очень большое значение для рецидивизма и криминальной карьеры»³⁰⁶. Систему автоматического профайлинга используют в США с 1998 года. Программа предсказывает риск заключенного совершить уголовное преступление в течение двух лет после освобождения. В расчете COMPAS учитывает 137 параметров, таких как тяжесть прошлых преступлений и характеристики поведения заключенного. За 20 лет поведение более миллиона правонарушителей контролировали с использованием COMPAS, однако в 2016 году масштабное исследование на выборке из 7000 заключенных выявило гораздо бóльшую ошибку предсказаний программой рецидива среди чернокожих преступников (44,9 %), а для «белых» осужденных – 23,5 %, что почти в 2 раза меньше³⁰⁷. В 2018 же году исследователи из Дартмутского колледжа (США) показали, что компьютерные программы для прогнозирования рецидива преступлений у осужденных эффективны не более, чем предсказания неспециалистов³⁰⁸.

³⁰⁶ См. подробнее: Practitioner’s Guide to COMPAS Core. March 13, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://archive.epic.org/algorithmic-transparency/crim-justice/EPIC-16-06-23-WI-FOIA-201600805-COMPASPractitionerGuide.pdf> (дата обращения 31.05.2024).

³⁰⁷ См.: How We Analyzed the COMPAS Recidivism Algorithm / by Jeff Larson, Surya Mattu, Lauren Kirchner and Julia Angwin. 2016, May 23 [Электронный ресурс] // Pro Publica. 2016. 23 мая. URL: <https://www.propublica.org/article/how-we-analyzed-the-compas-recidivism-algorithm> (дата обращения 31.05.2024). Конкретный случай ошибочных выводов алгоритма описан теми же исследователями в статье: Machine Bias. There’s software used across the country to predict future criminals. And it’s biased against blacks by Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu and Lauren Kirchner [Электронный ресурс] // Pro Publica. 2016. 23 мая. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения 31.05.2024). Так, в качестве одного из примеров приводится ситуация мелкой кражи, совершенной «белым» и темнокожим сообщниками, спустя несколько лет после которой «белый» совершил повторную кражу – гораздо более крупную, а темнокожий больше не совершал преступлений, хотя COMPAS рассчитал иначе.

³⁰⁸ Dressel J., Farid H. The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism // SCIENCE ADVANCES. 2018. VOL. 4, Issue. 1. doi:10.1126/sciadv.aao5580

Непривычные для российских исследователей темы гендерной дискриминации со стороны ИИ поднимаются в исследованиях западных коллег. Так, М.Л. Белоссо описывает проблемы влияния гендерных предубеждений, которые распространены при применении ИИ. Эти предубеждения обычно являются результатом: (i) отсутствие дифференциации в предмете; (ii) низкое качество и недостаточная репрезентативность данных, которые используются в алгоритмах; и (iii) дискриминация, создаваемая и усугубляемая самими алгоритмами в отношении уязвимых групп. Чтобы устранить негативные последствия, которые эти предубеждения могут оказать на конкретные группы, учет гендерной проблематики приобретает все большее значение в международной повестке дня и постепенно включается в политические и нормативные процессы, что должно способствовать защите женщин и других уязвимых групп населения. По мнению Белоссо, включение феминистских и межсекторальных подходов может эффективно защитить эти группы от рисков разоблачения предубеждений и иметь преобразующий потенциал для их защиты их человеческих прав³⁰⁹.

Массовые случаи гендерной дискриминации в кредитном рейтинге, формируемом ИИ, стали широко известны в последние несколько лет. Осенью 2019 года разработчик программного обеспечения Дэвид Хайнемайер Ханссон и его жена подали заявку на выпуск нового продукта Apple Inc. от Goldman Sachs – кредитной карты Apple Card. К их большому удивлению, когда их карточки были выпущены, они обнаружили, что кредитный лимит мистера Ханссона в 20 раз превышает кредитный лимит его жены. Некоторые фактические обстоятельства делали это различие особенно тревожным для супругов: пара долгое время состояла в браке в режиме совместной собственности, подавала совместные налоговые декларации, а у мистера Ханссона даже был более низкий кредитный рейтинг, чем у его жены. Таким образом, был сделан вывод, что алгоритм научился дискриминировать женщин. Ханссоны связались со службой поддержки Apple,

³⁰⁹ María López Belloso. Women's Rights Under AI Regulation: Fighting AI Gender Bias Through a Feminist and Intersectional Approach // *Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice*. Ed. Bart Custers, Eduard Fosch-Villaronga. Information Technology and Law Series. Vol. 35. T.M.C. Asser Press, The Hague, The Netherlands, 2022. P. 87-107.

которая перенаправила их в Goldman Sachs. Последние подтвердили, что они были уверены в отсутствии дискриминации г-жи Ханссон и в том, что на решение, вероятно, повлияли некоторые другие факторы. Какие факторы, однако, они не могли сказать, потому что ни они, ни Apple не знали точно, как сложный алгоритм, которому было поручено проверять клиентов, пришел к своему решению. Пара написала в Twitter'е о своих подозрениях, и обнаружила, что они не одиноки: всплыло несколько других случаев, в том числе дело Стива Возняка, соучредителя Apple, чья жена также подверглась дискриминации с помощью Apple Card³¹⁰. В итоге, деятельность сервиса Apple Card подверглась расследованию со стороны Финансового департамента штата Нью-Йорк³¹¹.

По мнению С. де Конка, случай произвольной алгоритмической дискриминации женщин Apple Card являет собой некую парадигму: он показывает, что, когда система ИИ наносит вред человеку, возникают неопределенности относительно того, какой субъект должен нести ответственность за вред и его возмещение. Эти неопределенности, по мнению де Конка, проистекают из технологических и организационных факторов, которые ставят под сомнение традиционное равновесие и решения, предусмотренные частным правом в отношении вреда и ответственности. В результате, в существующих правовых режимах возникают пробелы, которые ставят под угрозу возможность потерпевших сторон получить возмещение³¹².

Расовая дискриминация, заложенная в ИИ, прогнозирующий объем необходимой медицинской помощи и применяющий, по словам разработчиков, единую методику расчёта для всех пациентов, также вызвала волну негодования в

³¹⁰ Vincent J. Apple's credit card is being investigated for discriminating against women [Электронный ресурс] // The Verge. 2019. 11 ноября. URL: <https://www.theverge.com/2019/11/11/20958953/apple-credit-card-gender-discrimination-algorithmsblack-box-investigation> (дата обращения 31.05.2024).

³¹¹ Vigdor N. Apple Card Investigated After Gender Discrimination Complaints [Электронный ресурс] // The New York Times. 2019. 10 ноября. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/10/business/Apple-credit-card-investigation.html> (дата обращения 31.05.2024).

³¹² De Conca S. Bridging the Liability Gaps: Why AI Challenges the Existing Rules on Liability and How to Design Human-empowering Solutions // Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice. Ed. Bart Custers, Eduard Fosch-Villaronga. – Information Technology and Law Series. Vol. 35. T.M.C. Asser Press, The Hague, The Netherlands, 2022. P. 240-241.

США. Алгоритмический аудит показал, что система считала чернокожего пациента менее нуждающимся в медицинской помощи, чем «белого», даже если у первого больше объективных причин получить медпомощь. В коде не было заложено преимущество белокожих пациентов, и алгоритм работал правильно. Однако ошибочной была исходная идея разработчиков, что равные расходы на медпомощь свидетельствуют об одинаковой потребности в ней, хотя на деле они базируются на уровне дохода и социального положения. Но алгоритм рассчитывал рекомендации на основании расходов пациентов на медпомощь в прошлом, таким образом усилив ранее существовавшую дискриминацию и продолжая выбирать в качестве более нуждающихся в медицинских услугах не тех, кому это действительно необходимо, а тех, кто тратил на это больше денег³¹³.

Говоря о современной ситуации с опасностью, исходящей от носителей ИИ (а здесь и дроны-носители боевых снарядов, и фейковые видео, которые манипулируют сознанием и которые справедливо назвать катализаторами информационных войн, и непредсказуемость возникновения ошибок, которые могут причинить губительный вред), вопрос «Кто виноват?» – за вред, причинённый носителями ИИ, – тем больше волнует исследователей, чем масштабнее последствия такого вреда и чем большее число фактов известно. Несмотря на мнение некоторых авторов о том, что «пока событий подобных правонарушений, включая причинение искусственными интеллектуальными системами, немного»³¹⁴, представляется, что вышеприведенных примеров более чем достаточно для принятия адекватного законодательства, регламентирующего вопросы ответственности носителей ИИ, в то время, как исследователи по-прежнему намного больше интересуются наделением носителей ИИ правами (в

³¹³ Obermeyer Z., Powerschristine B., Vogeli C., Mullainathan S. Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations // Science. 25 Oct 2019. Vol 366, Issue 6464. P. 447-453. DOI: 10.1126/science.aax2342

³¹⁴ Камалова Г.Г. Юридическая ответственность и этика в сфере применения отдельных видов систем искусственного интеллекта и робототехники // Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития: монография / под общ. ред. В.Б. Наумова. СПб., 2020. С. 85.

частности, авторскими³¹⁵), но не выработкой механизмов возмещения причиненного ими вреда. Однако с каждым годом вопросы ответственности за решения, принятые искусственным интеллектом (ИИ), приобретают всё большую актуальность.

2. Варианты решений для применения юридической ответственности в случае с правонарушениями с использованием носителей ИИ

Если раньше практически каждый несчастный случай, произошедший вследствие воздействия со стороны носителей ИИ, вызывал огромный резонанс и бурные обсуждения, становясь, в итоге, очередной ошибкой, клаузой, наработкой опыта, за которым не признавался статус системного нарушения, - то сегодня, с учётом массива накопленных фактов причинения вреда и нарушения прав человека со стороны ИИ, нельзя игнорировать существующие пробелы в законодательстве и продолжать отдавать решения о том, кто обязан нести ответственность за эти действия, на откуп правоприменителям (судьям) либо ожидать сознательности от владельцев разработок. Некоторые из них, кстати, начали осознавать ответственность и действовать самостоятельно. Например, в 2022 году мировой гигант Microsoft впервые ограничил доступ к своим технологиям ИИ, а именно – распознаванию изображений и синтезированию голосовых подделок (дипфейков). Это произошло из-за принятия нового стандарта этики в отношении ИИ, согласно которому интересы личности должны стоять выше технологий³¹⁶. Предложения по ограничению ИИ с «высокими рисками» для общества Еврокомиссия высказывала

³¹⁵ См. об этом соответствующий анализ автора: Федорук Е.О. О наделении искусственного интеллекта авторскими правами: мнения, критерии, тенденции в науке и международной правоприменительной практике // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов X Международного юридического форума (IP Форума): в 2 т. Т. 2. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 352-358.

³¹⁶ «Возникла иллюзия, что если у нас будет достаточно данных, мы сможем решить любую задачу». Ректор «Сириуса» Максим Федоров об этике и искусственном интеллекте [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2022. 24 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5479249> (дата обращения 31.05.2024).

в своём отчёте в апреле 2021 года³¹⁷. Тогда технологии ИИ были поделены по степеням риска:

- Недопустимо высокий риск: алгоритмы, которые манипулируют поведением и влияют на выбор в той или иной области. Например, система социального скоринга в Китае. Такие технологии в ЕС было предложено запретить;
- Высокий риск. ИИ-системы онлайн-биометрии; скоринг при найме сотрудников, при оценке результатов экзамена и в банках (например, при выдаче кредита), сюда же относятся ИИ-разработки для определения вероятности рецидива и оценки показаний в суде, роботизированная хирургия и беспилотники. Предполагался жесткий контроль и при необходимости ограничение;
- Умеренный риск. Голосовые роботы и чат-боты. Разрешается использовать при условии, что пользователи будут точно знать, что общаются с ИИ, а не человеком;
- Минимальный риск. Спам-фильтры и игровые сервисы, которых не должно было коснуться регулирование.

Также Еврокомиссия предложила ввести механизм, который позволял бы блокировать и те технологии, которые уже используются, но в процессе эксплуатации стали опасными. Например, системы распознавания лиц, которые изначально создавались для обеспечения безопасности, а теперь используются для политического преследования. Исключение же из списка предлагалось сделать для ИИ-решений, которые применяют в вооруженных силах, для обеспечения безопасности, предотвращения терактов, а также поиска пропавших детей и преступников.

Определенным сдерживающим фактором для развития ИИ, которые могут привести к увеличению правонарушений, являются также этические нормы. Несмотря на то, что на практике реализация этих норм выглядит порой

³¹⁷ См.: Europe fit for the Digital Age: Commission proposes new rules and actions for excellence and trust in Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // European Commission. 2021. 21 апреля. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_1682 (дата обращения 31.05.2024).

сомнительно (отмечают даже, что декларативное принятие компаниями этических кодексов и вовсе не улучшает ситуацию в сфере управления рисками, связанными с системами ИИ³¹⁸), не принимать во внимание социальные ценности и формируемые на их основе правила поведения и ответственности за нарушение этих правил (собственно, этические нормы) было бы большой ошибкой на уровне формирования концептуальных основ ответственности в рассматриваемой сфере. Кроме того, это позволяет приблизиться к пониманию юридической ответственности исходя из решений, выходящих за рамки алгоритмических: в настоящее время они возможны только для человека – субъекта юридической ответственности. Показательные примеры связаны с «выходящими за рамки обычных» случаями (так называемые «edge cases»). Один из таких – ДТП с причинением вреда пешеходу беспилотным автомобилем GM Cruise, которое произошло в Калифорнии в октябре 2023 года. Женщина, будучи сбитой обычным авто, после этого попала ещё и под колеса беспилотника. Тот «попытался съехать на обочину и припарковаться, чтобы не блокировать проезд, в результате чего протащил пешехода ещё несколько метров и в итоге остановился задним колесом на ноге пострадавшей»³¹⁹. Наверняка, водитель-человек в такой ситуации применил бы экстренное торможение, чтобы избежать ещё больших увечий для пешехода. Но, коль скоро, беспилотник не «обучен» действовать во внештатных ситуациях, в него невозможно заложить этические правила, - ситуации с edge cases всегда (или, по крайней мере, в обозримом будущем) ИИ будет решать не в пользу человека и его жизни как высшей ценности, не руководствуясь этическими правилами поведения, а лишь в развитие типичных ситуаций, предложенных в качестве обучающих кейсов. Люди с обработкой внештатных ситуаций

³¹⁸ См.: Dotan R., Rosenthal G., Buckley T., Scarpino J., Patterson L., Bristow T. Evaluating AI Governance: Insights from Public Disclosures. TechBetter, Ethic Grade, 2023 [Электронный ресурс] // Evaluating AI Governance. Executive Summary. URL: https://www.ravitdotan.com/_files/ugd/f83391_80c3f0b6df304e269be67dcd91f01a25.pdf (дата обращения 31.05.2024).

³¹⁹ Templeton B. California DMV Shuts Down Cruise Robotaxis Due To Dragging Of Pedestrian [Электронный ресурс] // Forbes. 2023. 24 октября. URL: <https://www.forbes.com/sites/bradtempleton/2023/10/24/california-dmv-shuts-down-cruise-robotaxis-due-to-dragging-of-pedestrian/> (дата обращения 31.05.2024).

справляются гораздо лучше, чем ИИ-системы³²⁰. Полагаем, это связано, в том числе, с этическими принципами, которыми они (люди) руководствуются при принятии решений, в отличие от ИИ.

В России на основе «Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года» был разработан и подписан в 2021 году Кодекс этики в сфере ИИ³²¹. Его важнейшей особенностью является человеко-ориентированный и риск-ориентированный подходы к пониманию перспектив развития искусственного интеллекта, обозначена сугубо человеческая ответственность за моральные риски разработки и внедрения искусственного интеллекта и фиксируется необходимость учета гуманистической направленности этих разработок: они не должны препятствовать, но призваны способствовать совершенствованию личности человека, его когнитивных способностей и сохранности человеческой цивилизации и культуры³²².

Тем не менее, понимая необходимость развития технологий, в том числе, с использованием искусственного интеллекта, государства вводят особые правовые режимы для цифровых инноваций (чаще всего – на отдельных территориях), которые заключаются в гибком регулировании и отмене некоторых традиционных законодательных положений в целях тестирования жизнеспособности инноваций. Такие экспериментальные правовые режимы получили бытовое название «регуляторные песочницы». Первая была организована в Великобритании в 2016 году, и позже они успешно внедрялись в США, Австралии, Сингапуре, ОАЭ, Малайзии, Таиланде, Индонезии, Бахрейне, Швейцарии, Нидерландах, Латвии,

³²⁰ См. об этом: Geirhos R., Medina C.R., Rauber J., Schütt H.H., Bethge M., Wichmann F.A. Generalisation in humans and deep neural networks // 32nd Conference on Neural Information Processing Systems (NeurIPS 2018), Montréal, Canada [Электронный ресурс] // arXiv. 2020. 23 октября. URL: <https://arxiv.org/pdf/1808.08750v3.pdf> (дата обращения 31.05.2024).

³²¹ Кодекс этики в сфере ИИ [Электронный ресурс] // Альянс в сфере искусственного интеллекта. 2021. URL: <https://a-ai.ru/ethics/index.html> (дата обращения 31.05.2024).

³²² Реестр акторов ИИ, присоединившихся к кодексу этики в сфере ИИ, является открытым, и многие крупные высокотехнологичные компании к нему присоединились. Первыми стали ООО «Яндекс», Университет Иннополис, МГИМО, НИУ ВШЭ, МФТИ, ООО «Мэйл.Ру», ПАО «Газпром нефть», ПАО «МТС», ПАО «Ростелеком», ПАО Сбербанк, ИСП РАН, Госкорпорация «Росатом», АО «РФПИ», СколТех, Фонд «Сколково», Университет ИТМО, ЦИАН, УК «InfoWatch».

Дании, Польше и Канаде³²³. В России также действуют экспериментальные правовые режимы: в Москве и Санкт-Петербурге, в отдельных организациях (например, Банк России) и на отдельных территориях (Иннополис, Сколково). Такая ситуация отражает неспособность превентивной выработки механизмов правового регулирования отношений, связанных с применением искусственного интеллекта и других высоких технологий. Право вынуждено покорно склонить голову перед экономикой и признать единственно возможным путём своего развития – постэкспериментальное лоскутное регулирование тех социотехнических систем, которые возникают вокруг отношений с носителями ИИ в порядке эксперимента. Регуляторные же песочницы с их изъятиями становятся примером слепого «тестового» правового регулирования и полного отключения норм от ответственности – в силу существующих в экспериментальных правовых режимах изъятий. Нормы об ответственности в отношении носителей ИИ не разрабатывают, поскольку тестирование и развитие технологий, по мнению практиков, было бы невозможно³²⁴: «В рамках песочниц будет действовать особое регулирование, исключающее применение ряда требований к бизнесу. Такие экспериментальные площадки помогут снизить издержки бизнеса и ускорить внедрение инноваций»³²⁵. Посему, к примеру, высказывание вице-губернатора Санкт-Петербурга С. Казарина о территориях со спецрежимом: «Их запуск – это шанс двигаться вперед и тестировать экспериментальные цифровые технологии, не нарушая права граждан»³²⁶, – можно назвать не вполне корректным и не

³²³ См. подробнее с комментариями к тогдашнему законопроекту: Громова, Е.А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19, № 3. С. 36-40.

³²⁴ Так, дорожные карты создания правовых условий для внедрения сервисов создаются лишь после их успешного пилотирования. См.: Регулятивная «песочница» Банка России [Электронный ресурс] // Банк России. 2021. URL: https://cbr.ru/fintech/regulatory_sandbox/ (дата обращения 31.05.2024).

³²⁵ «Регуляторные песочницы» будут создаваться за 180 дней [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 05 сентября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6846474> (дата обращения 31.05.2024).

³²⁶ Вводится особый режим для цифровых инноваций. Первая в стране программа регуляторных «песочниц» создана в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга: официальный сайт. 2021. 06 октября. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/admin/kazarin-sv/news/223487/> (дата обращения 31.05.2024).

согласиться с ним³²⁷. Права граждан не могут не нарушаться в этом случае. Вопросы юридической ответственности для носителей ИИ опускают, такие изъятия сознательно закрепляют на законодательном уровне тем самым формально решая вопрос с адаптацией правового регулирования к складывающимся отношениям в сфере развития технологий и внедрения инноваций³²⁸. Таким образом, государства на законодательном уровне видят единственный путь к развитию технологий: отменить (хотя бы на время тестирования разработок) ответственность. В связи с этим на сегодняшний день для исследователей остаётся единственный путь: выработать наиболее актуальные механизмы применения ответственности, для чего требуется теоретическая проработка этих вопросов. Тем не менее, нельзя впадать и в другие крайности, в частности, тотального запрета на развитие новейших технологий. Сравнивая нынешнюю ситуацию с «Законом красного флага»³²⁹, мы понимаем, что сегодня экспериментальные режимы на

³²⁷ Единственным пунктом об ответственности в рамках российской регуляторной песочницы является п. 6 ст. 4 ФЗ от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», устанавливающий, что: «участники экспериментального правового режима несут ответственность за соблюдение прав субъектов персональных данных в соответствии с ФЗ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» в течение всего срока проведения эксперимента и после прекращения их участия в эксперименте. Уполномоченный орган и координационный совет экспериментального правового режима осуществляют в порядке, установленном высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации – города федерального значения Москвы по согласованию с Правительством Российской Федерации, мероприятия по контролю за соблюдением обязанности по уничтожению персональных данных, полученных в результате обезличивания».

³²⁸ Что такое «регуляторные песочницы» и как они помогут бизнесу [Электронный ресурс] // Государственная Дума: официальный сайт. 2020. 06 августа. URL: <http://duma.gov.ru/news/49285/> (дата обращения 31.05.2024).

³²⁹ 5 июля 1865 года в Англии был принят The Locomotive Act (получивший народное название «Закон красного флага»), который впервые в истории ограничивал скорость движения автомобилей в городской черте до 2 миль/час и обязывал иметь в экипаже минимум трех человек: водителя, кочегара и сигнальщика. Последний был обязан идти впереди автомобиля на расстоянии 55 метров, размахивая красным флагом, чем оповещал прохожих о приближающейся опасности. Как говорили парламентарии-инициаторы принятия данного закона, автомобили разбивают дороги, пугают граждан и лошадей. Однако «Закон красного флага» фактически уничтожил зарождающуюся автомобильную промышленность в Великобритании: вперёд вырвались конструкторы из Франции и Германии. Лишь спустя 30 лет (в 1896 году) данный закон был отменён. См. об этом: Закон красного флага бизнесу [Электронный ресурс] // За рулём. 2013.

ограниченных территориях и в конкретных сферах – один из полноценных и приемлемых вариантов развития исследований в сфере ИИ и мягкой адаптации их результатов.

Как указано в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р), «требуется создать возможности для использования специального механизма тестирования (опытной эксплуатации) и последующего внедрения решений в сфере искусственного интеллекта и робототехники. Такой механизм, в свою очередь, должен позволять своевременно и эффективно внедрять разработки без не учитывающих их специфику избыточных административных процедур, без корректировки всего применимого законодательства и с обеспечением необходимого уровня безопасности и контролируемости со стороны государственных органов». Тем не менее, каким образом планируется обеспечить безопасность и контролируемость на должном уровне – Концепция умалчивает, декларируя при этом следующие принципы (раздел 3): «обеспечение баланса интересов разработчиков, потребителей и иных лиц в сфере искусственного интеллекта и робототехники, а также определение границ их ответственности за возможные негативные последствия использования технологий искусственного интеллекта и робототехники» и «обязательность обоснованной оценки рисков причинения при применении искусственного интеллекта и робототехники вреда жизни и здоровью человека, реализации угроз обороне страны и безопасности государства и принятие мер, направленных на минимизацию таких рисков и угроз». Концепция обозначает в качестве концептуальных проблемных направлений регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники (а это связано с наличием ряда проблем, не имеющих однозначного решения), - юридическую ответственность за причинение вреда с использованием систем искусственного интеллекта и робототехники. Данная ответственность определена

в Концепции в ряду общеотраслевых задач регулирования применения технологий искусственного интеллекта и робототехники, что предполагает дальнейшую проработку механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия; доработку при необходимости механизмов безвиновной гражданско-правовой ответственности, а также возможность использования способов, позволяющих возместить причиненный действиями систем искусственного интеллекта и робототехники вред (например, страхование ответственности, создание компенсационных фондов и др.).

Но вернёмся к базовым теоретическим вопросам. Несмотря на то, что «технологии в сфере искусственного интеллекта появляются быстрее, чем мы успеваем их осмысливать»³³⁰, сегодня уже можно говорить о наличии нескольких сформировавшихся направлений юридической мысли, которые претендуют на становление концепциями юридической ответственности в сфере активности носителей ИИ. Их принципиальные отличия – в субъекте и его отношении к возмещению. При этом видится, что любой субъект может нести ответственность в публичном понимании (претерпевание негативных последствий – ответственность перед государством: разобрать робота, перепрограммировать его для выполнения общественно полезного труда и т.п.³³¹), однако не каждый способен к возмещению вреда в частноправовом порядке (выплата компенсаций, возмещение в натуре, заглаживание вреда и др.).

Определение ответственного лица (субъекта правонарушения) является решающим критерием при разграничении подходов к правосубъектности

³³⁰ «Возникла иллюзия, что если у нас будет достаточно данных, мы сможем решить любую задачу». Ректор «Сириуса» Максим Федоров об этике и искусственном интеллекте [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2022. 24 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5479249> (дата обращения 31.05.2024).

³³¹ Р.В. Ямпольский говорит о необходимости введения процедур, предусматривающих «наказание» путём перепрограммирования робота или, в крайнем случае, его уничтожения // Yampolskiy R.V. Human indignity: From Legal AI Personhood to Selfish Memes // Machine Law, ethics, and morality in the age of Artificial intelligence / ed. By S.J. Thompson. Hershey, 2021. P. 6.

носителей ИИ. Они были озвучены и дополнены выше: аналогия с физлицами; приравнивание роботов к животным, орудиям труда, квазисубъектный подход; использование концепции, близкой к юридическим лицам; статус орудия труда и(или) интеллектуальной собственности – продукта и результата человеческой деятельности и, как следствие, возложение ответственности на его владельца – сродни ответственности владельца источника повышенной опасности.

Обратимся ко второму критерию: возложению возмещения. Есть мнение: «Страх людей перед сущностями ИИ в большинстве случаев основан на том факте, что объекты ИИ не считаются субъектами закона, применительно к уголовному праву»³³². Хочется возразить, что людям (потенциальным потерпевшим от носителей ИИ), по большому счёту, всё равно, наделён ли ИИ особым субъектным статусом или же он будет оставаться объектом правоотношений, потому что важнее: кто и как будет возмещать вред, причинённый носителями ИИ. При применении какого подхода из вариантов первого критерия оно вообще возможно?

В литературе по теории права встречаются следующие подходы:

1) Необходимость наложения ответственности за «автономные» действия ИИ, совершенные без участия кого-либо из людей, на сам носитель ИИ. Вместе с тем авторы констатируют невозможность (на сегодняшний день) такой ответственности, но не отрицают возможность привлечения к ответственности самого ИИ в последующем (Матильда Клауссен-Карлссон)³³³. Пока этого не произошло, и по-прежнему существуют «возможно обвиняемые люди, которые были обязаны предпринять действия», в качестве решения вышеупомянутая автор предлагает накладывать «надзорную обязанность» на владельца, контролирующего ИИ, даже если действия самого ИИ не были предсказуемыми для оператора.

В этом подходе прослеживается применение концепции правосубъектности ИИ, в которой проводится его аналогия с физлицами, а также усматривается

³³² Hallevy G. When Robots Kill: Artificial Intelligence under Criminal Law. University Press of New England, 2013. P. 71.

³³³ Claussén-Karlsson M. Artificial Intelligence and the External Element of the Crime: An Analysis of the Liability Problem. Örebro University. 2017. P. 45-47.

отсылка к пониманию ИИ как квазисубъекта права (коль скоро в настоящее время ответственность к носителям ИИ не может быть применена). Исследователи даже пытаются дифференцировать сами носители ИИ для реализации данного подхода. Так, предлагается использование критерия «степень автономности от человека искусственных интеллектуальных систем» для решения вопроса привлечения к ответственности в связи с разработкой, производством, функционированием данных систем (Г.Г. Камалова)³³⁴. Однако сам критерий «степень автономности» не является достаточно определённым. Какой именно должна быть эта степень? Можно ли привести примеры совершенной автономии носителя ИИ от своего разработчика или владельца³³⁵? Столь расплывчатый критерий видится не только трудноприменимым, но и ошибочным, сродни, например, «стандарту красоты», который пересматривался в разные исторические периоды, или «степени привязанности», «степени свободы» и т.п. Полагаем, конкретику также не смогут внести и экспертные суждения (в случае положения данного критерия в основу дифференциации ответственности человека и носителя ИИ), поскольку в любом случае, мнение будет всего лишь мнением, не основанным на объективных признаках. Таких признаков не может быть сформулировано в принципе, вследствие непрекращающегося развития технологий ИИ: вчерашние «автономные» «разумные» системы завтра заменят на более «автономные» и «разумные», и критерий «степень автономности» будет нуждаться в пересмотре: это потребует постоянного внесения изменений в законодательство, которое и сегодня не поспевает за активным развитием рассматриваемой сферы.

³³⁴ Камалова Г.Г. Юридическая ответственность и этика в сфере применения отдельных видов систем искусственного интеллекта и робототехники // Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития: монография / под общ. ред. В.Б. Наумова. СПб., 2020. С. 90.

³³⁵ Вопросы автономии ИИ рассмотрены подробнее: Федорук Е.О. Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав // Труды по интеллектуальной собственности: Научный журнал кафедры ЮНЕСКО ВШЭ по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Том 41. 2022. № 2. С. 90-97.

Также проблематичным при данном подходе видится выплата возмещения в случае признания виновным ИИ в его противоправных «автономных» действиях. В случае с переломом пальца 7-летнему мальчику на шахматном турнире³³⁶, владельцы пообещали разобрать Chessrobot'a. Однако робот не сможет возместить затраты на лечение и компенсировать моральный вред. То же самое с возмещением вреда. Оно возможно в натуре или в порядке компенсации, но не со стороны «причинителя вреда», пусть даже его формально наделить какими-либо правами и обязанностями. В случае признания ответственности лично за ИИ о таком возмещении нужно будет забыть?

Тем не менее, напомним, что вопрос введения носителей ИИ в круг субъектов правоотношений был поставлен на рассмотрение Европарламентом перед Комиссией Совета Европы по нормам гражданского права в области робототехники ещё в Резолюции от 16 февраля 2017 года. Высказана рекомендация «о наделении в перспективе роботов особым правовым статусом. Таким образом, по меньшей мере наиболее продвинутые автономные роботы могут создаваться как электронные лица и нести ответственность за причиненный ими вред в тех случаях, когда они принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами»³³⁷. Каким именно образом возможно применение ответственности при данном подходе – неясно. В итоге, если признание ИИ субъектом ответственности в теории возможно по субъективному критерию, то возложение возмещения в данном случае технически неосуществимо. В связи с этим отношение даже к самым «высокоавтономным» носителям ИИ, аналогичное пониманию физических лиц, неспособно решить вопрос ответственности за их действия.

³³⁶ В Москве шахматный робот сломал палец мальчику во время шахматного турнира [Электронный ресурс] // Vaza. 2022. 21 июля. URL: <https://t.me/bazabazon/12441> (дата обращения 31.05.2024).

³³⁷ Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics 2015/2103(INL): P8_TA-PROV (2017)0051 [Электронный ресурс] // European Parliament: официальный портал. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения 31.05.2024)

Электронное лицо, юнит, квазисубъект и любая иная конструкция, приближенная к тому, как описана правосубъектность человека – физического лица, – однобоки и бессмысленны, без принятия решения относительно второй, очень значимой её половины: обязанностей и ответственности. Гонка за наделением ИИ правами, статусом, субъектностью, ограниченной или полной правосубъектностью – не что иное как попытка исказить веками существовавшие правоотношения, которые никуда не исчезли, не трансформировались, не дополнились: именно люди коммуницируют с людьми и совершенствуют созданные ими экономические, информационные, общественные системы, в том числе, с использованием высоких технологий, применяя алгоритмы ИИ и предоставляя их носителям определенную степень автономии – не в человеческом понимании этой автономии, а в том, что носитель ИИ выполняет определенные механические действия самостоятельно, руководствуясь заложенной в его машинную память системой последовательностей для реализации этих действий. Легкомысленное же отношение к вопросу ответственности носителей ИИ, наделённых определенными правами (пусть даже формально) может привести исключительно к одному результату: уклонению от ответственности. Можно ли утверждать, что робот-художник или робот-композитор, сгенерировавшие произведения с признаками плагиата, являются субъектами права (в данном случае – авторского), но ответственность за плагиат они нести не могут, потому что у них есть только авторские права, но нет обязанностей? Насколько такая конструкция жизнеспособна? Без определения деликтоспособности она по-прежнему лишена смысла.

Здесь же мы сталкиваемся с проблемой определения причинно-следственной связи между действиями субъекта права (и юридической ответственности) и последствиями, которые были причинены в результате совершения правонарушения с использованием ИИ. Несмотря на постановку (причём с претензией на неразрешимость) исследователями проблемы «чёрного ящика» в вопросах установления последовательности формирования «решения»

алгоритмами ИИ³³⁸, и осознавая, что миру до сих пор не явили открытых результатов исследований инцидентов при использовании ИИ, приведших к причинению вреда (по крайней мере, автору о подобных результатах не известно), утверждать о невозможности установления причинно-следственной связи при выявлении состава конкретного правонарушения – безосновательно. Так, к примеру, М.Ю. Георги не только описывает процедуру извлечения причинности из данных ИИ, но и постулирует значимость извлечения причинно-следственных связей в машинном обучении для принятия решения и оценки воздействия на реальный мир³³⁹. Однако в теории юридической ответственности мы говорим не только (и не столько) о причинно-следственной связи как компоненте объективной стороны правонарушения, но также и о её осознании, понимании, порождении благодаря принятию человеком (субъектом права) волевого решения. Сравним создание произведения человеком (творческий акт) и «создание», скажем, текста, генеративной моделью: да, слова в случае с ИИ будут логично расставлены, и даже, возможно, стилизован текст. Но подбор и расстановку слов на основании запроса, тем более состоящую из известных, ранее загруженных данных, - нельзя считать актом творения, самовыражением, смысловым наполнением, контекстуальным отражением воли, намерения и умысла человека – творца. «Понимание причинно-следственных связей – важный аспект того, что человечество называет здравым смыслом, и это область, в которой системы искусственного интеллекта сегодня “невежественны”»³⁴⁰, – подчёркнуто не допуская одушевления ИИ, говорит Э. Барейнбойм, директор лаборатории причинно-следственных связей искусственного интеллекта (Causal Artificial Intelligence Lab) Колумбийского университета. Таким образом, ИИ (даже самый высокоразвитый) «действует»

³³⁸ Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы «черного ящика» // Lex Russica (Русский закон). 2020. Том 73. № 6 (163). С. 147.

³³⁹ См.: Георги М.Ю. Методы извлечения причинности из данных наблюдений в практике искусственного интеллекта // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2023. № 3 (233). С. 125-134.

³⁴⁰ Цит. по: Bergstein B. What AI Still Can't Do [Электронный ресурс] // MIT Technology Review. February 19, 2020. URL: <https://www.technologyreview.com/s/615189/what-ai-still-cant-do/> (дата обращения: 31.05.2024).

опосредованно и не порождая причинно-следственных связей в их понимании как «волевое решение – реализация». Развитие же «причинного ИИ» («casual AI»), «сосредоточенного» на «понимании» причинно-следственных связей, а не на распознавании закономерностей данных, – важная задача ближайшего будущего. И это имеет существенное значение для понимания объективной стороны правонарушения и составляющей её причинно-следственной связи при использовании ИИ как инструмента, но не в контексте воплощения волевого акта, реализации намерения, волевого акта.

На сегодняшний день высказано достаточно мнений о том, что человечество всё меньше может объяснить «действия» носителей ИИ. Так, А. Винфилд обратил внимание на одну из главных проблем искусственного интеллекта, которая заключается в отсутствии возможности выявления алгоритма принятия конкретного решения. Известная технология «глубокого изучения» основывается на том, что робот пытается выполнить поставленную задачу путем подбора подходящего алгоритма, причем количество попыток может превосходить сотни тысяч. Однако избранную им стратегию зачастую не могут объяснить даже разработчики машины, потому что в конечном итоге она не основана на человеческой логике³⁴¹. Тем не менее, эти проблемы недопустимо класть в основу концепции о самостоятельной юридической ответственности ИИ и оправдывать ими теорию правосубъектности ИИ (выше этот вопрос рассмотрен подробно). Нерешенных фундаментальных проблем в этой плоскости несколько. Самая серьезная, по мнению специалистов, – это неустойчивость решений сложных нейросетевых алгоритмов. Эти же специалисты так объясняют причины её возникновения: «качество решений нейросети сильно зависит от качества данных. Фактически машина учится на данных, которые чем-то ограничены. Если вы распознаете кошек среди животных, все будет хорошо до того момента, как у вас

³⁴¹ Нилов С. Восстание машин: о чем предупреждают авторы Этического Кодекса роботостроителя [Электронный ресурс] // FURFUR. 2016. 19 сентября. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/218939-robots-at-work> (дата обращения: 31.05.2024). Цит. по: Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 323.

появится манул или рысь, которых не было в исходной выборке. Соответственно, система их не опознает... Если вы изучали больных гриппом, а потом появился пациент с ковидом, диагностические системы на основе ИИ будут поначалу давать ошибки просто потому, что в них изначально не заложены соответствующие данные. Эту проблему невозможно устранить целиком просто потому, что так устроена природа: в ней всегда найдется что-то новое. И это одно из глобальных ограничений для применения подобных технологий»³⁴².

Также реализация на практике рассматриваемого подхода невозможна за счёт пробелов в кибербезопасности ИИ. С учётом того, что учёные признают беспомощность в определении причин того или иного решения, принятого ИИ (это обосновывается тем, что после его обучения ИИ мы имеем дело с триллионами параметров алгоритма, и понять, как они работают в готовом виде, практически невозможно), на этапе обучения ИИ можно заложить в его алгоритмы определенные данные, чтобы сформировавшийся ИИ принимал нужные закладчику решения: причём это можно сделать не в коде (он открыт, и такие закладки можно отследить), а на более глубинном уровне – в тех данных, на которых ИИ обучается. Не исключены и внешние кибератаки, в результате которых ИИ может причинить вред. Результаты расследований причин описанных выше инцидентов широкой общественности не представлены. Причём учёные констатируют, что проникнуть в коды практически всех современных систем ИИ (в том числе, связанных с применением вооружения и военной техники) и набедакурить там – не составляет большого труда, и с облегчением сообщают, что пока такого со стороны хакеров не происходит³⁴³. «При всей интересности и потенциальной дискусионности данной темы следует признать, что в настоящее время она представляет собой в большей степени научную абстракцию, чем обоснование насущной потребности в принятии соответствующего

³⁴² «Возникла иллюзия, что если у нас будет достаточно данных, мы сможем решить любую задачу». Ректор «Сириуса» Максим Федоров об этике и искусственном интеллекте // Коммерсантъ. 24.07.2022 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5479249>

³⁴³ Джоши А. Будущее искусственного интеллекта: новые возможности: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60abff489a79472708e629ad> (дата обращения 31.05.2024)

законодательства, ведь, как уже было сказано ранее, результаты разработки искусственного интеллекта пока еще очень далеки от того, чтобы достичь уровня признания самостоятельно мыслящей единицей, достойной наделения статусом личности и, как следствие, отдельным правовым модусом»³⁴⁴.

Итак, на сегодняшний день отсутствуют гарантии того, что принятое ИИ решение является действительно самостоятельным «разумным» выводом системы. Коль скоро любые, даже самые высокоразвитые системы ИИ – продукт деятельности человека, вопросы ответственности самих носителей ИИ являются не более, чем теоретическими конструкциями на уровне предположений. Понятно, что в обозримом будущем вопросы субъективизации ИИ будут оставаться дискуссионными. С одной стороны, мировым сообществом рассматривается вопрос о создании особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе: электронного лица / электронной личности. Однако данный статус не будет и не может быть сравним со статусом физического лица – человека. И называть носителей ИИ субъектами отношений (как правовых, так и общественных) нецелесообразно, как и наделять их какими-либо правами, не говоря уже об ответственности. Это не соответствует природе человеческих отношений, для регулирования которых и было создано право, как гарант существования некоего минимального набора возведённых в закон моральных принципов³⁴⁵, которых у носителей ИИ не может существовать в принципе, поскольку они не поддаются оцифровке.

2) Ответственность носителя ИИ с условием придания ему статуса, аналогичного статусу юридического лица. Юридическим лицом является организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (ст. 48 ГК РФ). В отличие от физического лица, которое наделено определенным

³⁴⁴ Капитонова Е.А. Искусственный интеллект как потенциальный носитель правового модуса личности: проблемы и перспективы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2019. Т. 7, № 4 (28). С. 94.

³⁴⁵ Фуллер Лон Л. Мораль права; пер. с англ. М., 2007. С. 117-173, 227-263.

правовым статусом и может нести обязанности и реализовывать права в силу рождения, юридическое лицо ими наделяется государством. Де-факто юридическое лицо может уже не существовать, однако не утрачивать своего статуса до момента ликвидации де-юре (человек теряет права и обязанности в момент смерти). Исследователи разных времён подчёркивали доктринальное отношение к выделению юридических лиц как субъектов правоотношений, искусственность данной правовой конструкции, являющейся по своей сути фикцией. Так, ещё Ф.К. фон Савиньи заявлял, что единственным субъектом права может быть человек³⁴⁶. Однако с развитием юридической мысли теоретики права пришли к необходимости определения статуса для различных коллективных субъектов права: народ, корпорация, общественное объединение и др. «Если обратиться к теории фикции, юридическое лицо гражданских отношений представляет собой, по сути, имущество, которому предоставлена правосубъектность»³⁴⁷. Признавая носитель ИИ субъектом права по аналогии с юридическим лицом, мы, во-первых, просто изобретем еще одну форму юридического лица (это действие может быть избыточным априори), а, во-вторых, такого рода действие будет способствовать уходу реального субъекта об ответственности.

Н.В. Крысанова называет юридических лиц искусственными образованиями и относит к ним корпорации и другие формы предпринимательских ассоциаций, религиозные, правительственные и межправительственные организации, а также приводит в качестве примеров таких искусственных объектов (сущностей) храмы в Индии, реку в Новой Зеландии и всю экосистему Эквадора (Пачамама - «Мать-Земля»), подчёркивая, что «государство может наделить каким-то видом личности

³⁴⁶ Рассматривая лиц как субъектов правоотношений, Ф.К. фон Савиньи писал так: «...изначальное понятие лица или субъекта права должно совпадать с понятием человека, и эту изначальную идентичность обоих понятий можно выразить следующей формулой: каждый отдельный человек, и только отдельный человек, является правоспособным», - Савиньи Ф.К. Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012. С. 6.

³⁴⁷ Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 66.

новое образование, например, системы ИИ»³⁴⁸. Примечательно, что для юридических лиц законодательство предусматривает определенный набор условий возникновения и существования: регистрация, документальное оформление, материальное обеспечение, фактическое наличие и ведение деятельности. Для определенных категорий юридических лиц предусмотрены повышенные требования, обусловленные рисками в деятельности этих лиц и служащие целям удовлетворения возмещения физлицам и иным участникам правоотношений, - в случае возможных нарушений со стороны указанных юридических лиц: например, к гражданству учредителей, размеру уставного капитала, страхованию ответственности и др. К примеру: банки обязаны являться участниками системы страхования вкладов³⁴⁹; юридические лица, осуществляющие аутентификацию, иметь минимальный размер собственного капитала не менее 50 млн руб., а также финансовое обеспечение ответственности за убытки, причиненные третьим лицам вследствие их доверия к результату аутентификации с использованием биометрических персональных данных, - также в размере 50 млн руб; а юрлица, осуществляющие аутентификацию и(или) идентификацию – соответственно, 100 млн и 500 млн руб.³⁵⁰. Помимо специальных требований, обеспечивающих возмещение вреда в случае неправомерной деятельности юридических лиц, предусмотрен механизм субсидиарной ответственности, который в последнее десятилетие доказал свою работоспособность и, в большинстве случаев, оправдал заложенный в нём порядок компенсационного возмещения вреда посредством имущества учредителей. Таким образом, при наделении ИИ статусом, аналогичным статусу юридических лиц, необходимо также предусмотреть

³⁴⁸ Крысанова Н.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 221.

³⁴⁹ ФЗ от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».

³⁵⁰ Правила аккредитации организаций, владеющих информационными системами, обеспечивающими идентификацию и (или) аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц, и (или) оказывающих услуги по идентификации и (или) аутентификации с использованием биометрических персональных данных физических лиц, утв. Постановлением Правительства РФ от 20 октября 2021 г. № 1799.

аналогичные компенсационные механизмы. В этом случае вопрос о правосубъектности будет решён не столь однобоко, как в первом подходе (решение вопроса по аналогии с физлицами), поскольку носители ИИ получают не только права, но и смогут реализовывать свои обязанности и нести ответственность – за счёт субсидиарного механизма. Целесообразно будет не просто создать, как предложено рядом авторов³⁵¹, учётный и подконтрольный государству реестр носителей ИИ (по аналогии с реестрами юридических лиц), но и обязать регистрантов – физических и(или) юридических лиц, учреждающих электронный цифровой субъект (цифровое лицо / юнит / электронное лицо / цифровую сущность), – обеспечить наличие у него обособленного учредительного капитала, финансового страхования для покрытия причинённого вреда, а также предусмотреть обязанность внесения платежей за регистрационные и учётные действия в отношении данных объектов. Обязательно нужно предусмотреть и правила применения субсидиарной ответственности (хотя такой вопрос обычно исследователями даже не ставится).

Спорным остаётся вопрос об осуществлении правоспособности электронного цифрового субъекта. М.Г. Щербаков предполагает, что «правосубъектность цифрового лица осуществляется через постоянно действующий орган управления – искусственный интеллект», в то время как «собственник (учредитель) цифрового лица осуществляет лишь общий контроль за деятельностью цифрового лица»³⁵². Возможно, такой сценарий нелегко представить, но, соглашаясь с П.М. Морхатом, который предлагает внедрять концепт правосубъектности для «электронного лица» пока для весьма ограниченного числа сложных роботизированных систем ИИ³⁵³, нельзя исключать вероятность его развития. Предположим, что будет учреждён полностью автоматизированный банк, который оказывает услуги физическим

³⁵¹ Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 19.

³⁵² Щербаков М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 76-77.

³⁵³ Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 6.

лицам без операторов, зарабатывает на кредитных и зарплатных продуктах, осуществляет движение денежных средств исключительно в электронно-цифровом формате. Может ли он управляться ИИ? – Да, решения могут приниматься на основании алгоритмов, загруженных разработчиками. Будет ли образовываться доход от его деятельности? – Несомненно. Сможет ли он нести бремя ответственности? – Конечно. И, вероятно, через представителей – физических лиц даже участвовать в судебных тяжбах, дабы обжаловать решения суда о привлечении его к ответственности или, скажем, выступать в качестве истца по спорам со злостными неплательщиками кредитов. Да и налоги платить сможет. «При этом нет внешних препятствий в распространении на автономного робота качеств юридического лица через фикцию как прием юридической техники. Принято искусственно признавать наличие некоей организации, хотя за ней может и не стоять действительный человек или организация людей»³⁵⁴.

Итак, в случае признания ИИ новым «самостоятельным юридическим лицом с правовым статусом..., которое может иметь права и обязанности и быть в состоянии нести ответственность за свои действия или решения»³⁵⁵, вопрос его юридической ответственности решается традиционным способом, уже имеющимися правовыми и экономическими средствами.

3) Ответственность собственника, разработчика, производителя, оператора. Несмотря на то, что «всё менее однозначной становится одна из фундаментальных концепций, согласно которой конечным субъектом принятия любого решения является человек»³⁵⁶, подавляющее большинство исследователей придерживаются традиционных взглядов: участие человека в управлении общества

³⁵⁴ Васильев А.А., Шпопер Дариуш, Янаки Стоилов. Право и умные роботы в России, США и Европейском Союзе // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 140.

³⁵⁵ Шевцова С.Р. Искусственный интеллект как юридическое лицо // Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция «Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты» (г. Москва, 08 декабря 2021 г.) М.: АНО ВО «Российский новый университет», 2021. С. 389.

³⁵⁶ Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. на соиск. ... докт. юр. наук. М., 2018. С. 247.

должно быть доминирующим; возможен только синтезированный подход к статусу ИИ наряду с тем, кто им управляет или создаёт³⁵⁷. И на вопрос, может ли ИИ быть самостоятельным субъектом ответственности, в основном, авторы отвечают уверенно: «Нет», - поскольку активность ИИ связана с человеком и опосредованно или непосредственно подчиняется человеку³⁵⁸. П.М. Морхат, ссылаясь на Джона Байерса, отмечает: «До относительно недавнего времени проблема определения ответственности за действия машины разрешалась однозначно и традиционно: такая машина должна была рассматриваться исключительно как инструмент лица, обладающего или управляющего ей. Не возникало вопроса о личной ответственности такой машины или её правосубъектности, поскольку машины не были способны осуществлять автономную или полуавтономную деятельность»³⁵⁹. Однако и сегодня, опираясь на классическое понимание права как регулятора именно общественных (между человеком и человеком) отношений, исследователи отвергают необходимость «очеловечивающих» ИИ воззрений. Сюзан Хасслер в своей весьма эмоциональной статье «Должны ли мы конструировать роботов, которым нужны права?» задаётся вопросом: «...вместо того, чтобы предполагать, что этически сложное будущее, насыщенное разумными машинами, неизбежно, мы могли бы сохранить свободу действий над машинами, которые мы создаем, и бросить вызов технологическому императиву. Можем ли мы это сделать? Или мы настолько увлечены идеей создания искусственной жизни, монстров и големов, что перед ней невозможно устоять?»³⁶⁰ Ответственность за действия ИИ возлагалась на разработчика, производителя и(или) оператора и ранее. Это происходит и сегодня,

³⁵⁷ См.: Алешкова И.А. Цифровой статус личности и правовой статус искусственного интеллекта: новое в юридических конструкциях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 196-197.

³⁵⁸ Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 177.

³⁵⁹ Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. на соиск. ... докт. юр. наук. М., 2018. С. 243.

³⁶⁰ Hassler S. Do we have to build robots that need rights? [Электронный ресурс] // IEEE Spectrum (Volume: 54, Issue: 3, March 2017). URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7864739> (дата обращения: 31.05.2024)

и будет иметь место в обозримом будущем. Потому что это наиболее привычный и понятный человечеству опыт. Поэтому, отвечая на вопрос С. Хасслер, можно с уверенностью сказать: «Не только можем, но и должны, – пока в сознании не уложится приемлемое для большинства людей понимание правосубъектности ИИ, а в нормативном регулировании не будут детально описаны механизмы ответственности».

Различные авторы предлагают возлагать ответственность за действия ИИ на многообразные субъекты человеческих правоотношений. С.А. Сеницын пишет: «Как представляется, соответствующая ответственность должна возлагаться на разработчиков программного обеспечения и его эксплуатантов в объемах, определенных законом»³⁶¹; Л.С. Артений: «Представляется, что гражданскую ответственность в таком случае будет нести собственник или владелец робота»³⁶². М.А. Мельничук и Д.В. Ченцова, возражая против применения для возмещения причиненного роботом вреда норм о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, поскольку наличие ИИ и способности принимать самостоятельные решения, требуют специального правового регулирования указанных отношений и отмечают: «Таким образом, меры гражданско-правовой ответственности могут быть применены к лицу, которое предоставило роботу возможность совершения определенных действий или разрешение искусственному интеллекту действовать по собственному убеждению. <...> в ближайшем будущем ответственность за действия искусственного интеллекта будут нести физические лица, причастные к их созданию»³⁶³. П.М. Морхат: «К этому кругу могут быть отнесены владельцы, операторы, проектировщики и программисты»³⁶⁴.

³⁶¹ Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М., 2021. С. 66.

³⁶² Артений Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. Часть 1. № 7 (61). С. 77.

³⁶³ Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 67.

³⁶⁴ Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. на соиск. ... докт. юр. наук. М., 2018. С. 249.

В основе ответственности владельцев имущества – будь то животное, источник повышенной опасности или продукт деятельности человека (созданная им вещь либо результат интеллектуальной деятельности), – лежит учение о вещном праве. При этом ответственность владельца вещи очевидна. Вещь, «создаваемая» другой вещью, принадлежит собственнику вещи-«создателя» (ст. 136 Гражданского кодекса РФ: плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует вещь, принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, договором или не вытекает из существа отношений). Логичнее всего будет распространить именно эту норму на ситуации, связанные с результатами деятельности носителей ИИ. Возражения против такого сценария основаны на том, что законодательно установлена независимость интеллектуальных прав от вещных³⁶⁵, и на субъективизации носителей ИИ, базирующейся на ключевых его характеристиках: автономность и самоорганизация; способность к обучению и самообучению; способность к разумному мышлению и поведению. П.М. Морхат настаивает на том, что «сочетание названных параметров приводит к вероятности совершения действий, не предусмотренных производителем или программистом изначально»³⁶⁶. Однако животные (которыми мы не можем управлять в полной мере), как и вышедшие из строя источники повышенной опасности, действия или деятельность которых становятся причиной причинения вреда, также не поддаются детальному прогнозированию – поведенческому либо механическому. Несмотря на это, именно их владельцы возмещают вред в случае его возникновения от действий животных либо работы источников повышенной опасности. В конце концов, законные представители несут ответственность за своих малолетних и(или) несовершеннолетних детей, хотя последние вообще являются отдельными личностями, и их родители (или иные представители) не только не могут

³⁶⁵ Артений Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. Часть 1. № 7 (61). С. 78.

³⁶⁶ Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. на соиск. ... докт. юр. наук. М., 2018. С. 248.

спрогнозировать вероятность совершения их действий, но и не влияют никоим образом на эти действия. Принцип неотвратимости ответственности, однако, в данном случае не отменяется.

«Очевидно, что несмотря на определенные сложности регулирования деликтных отношений с участием искусственного интеллекта, следует уже сейчас дополнить действующий ГК РФ нормой, которая бы устанавливала правила возмещения вреда, причиненного искусственным интеллектом. Другими словами, необходимо предусмотреть норму, которая бы содержала правила применения гражданско-правовой ответственности за новый вид специального деликта, а именно, возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом»³⁶⁷. Исследователи неоднократно настаивали на том, что нынешний этап развития юридической доктрины и законодательства не требует наделения носителей ИИ правосубъектностью либо её отдельными элементами³⁶⁸. Для регулирования отношений в сфере юридической ответственности такой подход, полагаю, будет основополагающим в пределах ближайшего десятилетия.

Таким образом исходя из существующих на сегодняшний день в теории права вариантов решений для применения юридической ответственности в отношении носителей ИИ, практически применить в обозримом будущем возможно лишь ответственность собственника носителя ИИ, разработчика ИИ, производителя либо оператора носителя ИИ. В связи с отсутствием понимания критерия «степень автономности» и принципиальной нецелесообразностью его применимости вследствие пластичности и быстрой изменчивости, - реализация первого варианта (наложения ответственности за «автономные» действия ИИ, совершенные без

³⁶⁷ Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 67.

³⁶⁸ См.: Баракина Е.Ю. К вопросу формирования перспективной терминологии в области правового регулирования применения искусственного интеллекта // Юрист. 2020. № 9. С. 56-65; Горохова С.С. О некоторых правовых подходах к определению правосубъектности искусственных интеллектуальных систем // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62). С. 31-42; Попова А.В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 34-43; Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 114 и мн. др.

участия кого-либо из людей, на сам носитель ИИ) не выдерживает критики. Достаточно удобным в плане решения вопроса о возмещении вреда представляется второй вариант – ответственность юридического лица: компенсационные механизмы в данном случае логично реализовывать через системы страхования гражданской ответственности для разработчиков и владельцев носителей ИИ³⁶⁹. Однако такой вариант возможен и при третьем варианте (который озвучен выше в качестве наиболее приемлемого).

Если учёные и задаются вопросами о том, ли возложить ответственность на разработчика программы ИИ или производителя товара, работающего на основании ИИ; при каких условиях ответственность может быть возложена на пользователя системы ИИ; требуется ли закрепить в законодательстве иммунитеты для пользователя программы, когда пользователь не отвечает за вред, причиненный вследствие того, что он полагался на действия программы ИИ (например, пользователь беспилотного автомобиля, полагающийся на работу автопилота, не должен нести ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством); насколько адекватно современная правовая система способна реагировать на правонарушения, являющиеся следствием эксплуатации систем ИИ³⁷⁰, - то эти вопросы, к сожалению, не находят решений в рамках озвученных исследований. Поэтому насущным для теории права является формирование концептуальных основ юридической ответственности носителей ИИ, которые основаны на наиболее приемлемом варианте решений для её применения.

Собственно, одна из главных целей настоящего исследования и состоит в том, чтобы сформировать и предложить эти основы, дабы отраслевые исследователи имели более основательную базу (конструктивные принципы) для дальнейшего выстраивания собственных идей и трактовок, очищенных от иллюзорных восприятий ИИ, которые, к сожалению, широко распространены именно среди

³⁶⁹ См.: Наумов В.Б., Чеховская С.А., Брагинец А.Ю., Майоров А.В. и др. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения: Доклад НИУ ВШЭ. М., 2021. С. 12, 20-22; Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 118 и др.

³⁷⁰ Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 144.

представителей гуманитарной среды. И это представлено далее в диссертации. Вышеприведённые же варианты в рамках нынешней работы рассмотрены как уже довольно устоявшиеся в науке мнения. Тем не менее, состоятельность первых двух подвергнута обоснованным сомнениям.

3. Дихотомическое исследование ответственности за действия с участием носителей ИИ (в теории права)

Понятие юридической ответственности не может быть одномерным в силу своей природы. Обладая одновременно ретроспективным и проспективным свойством³⁷¹, характеризуясь двойственным характером (с одной стороны – претерпевание негативных последствий нарушителем, с другой – позитивное предупреждение новых нарушений как добросовестное и надлежащее исполнение субъектом права возложенных на него юридических обязанностей, осознанное выполнение им своего долга перед гражданами, обществом и государством), юридическая ответственность существует как многомерное явление. В своей позитивной части – постоянно наличествующая³⁷², заключающаяся в определенной добровольно воплощаемой в собственном правомерном поведении обязанности³⁷³ во имя соблюдения общественных интересов³⁷⁴, а в части принуждения (ретроспективная составляющая) – реализующая карательный потенциал в случае неисполнения юридических обязанностей, в результате чего субъекты права претерпевают «предусмотренные правом лишения личного или неимущественного характера»³⁷⁵, а также «осуждение»³⁷⁶, и в данном понимании выступающая как

³⁷¹ См. подробнее: Бортников С.П. Проспективная и ретроспективная ответственность // Вопросы экономики и права. 2012. № 12. С. 47-50.

³⁷² «Позитивная ответственность, в отличие от негативной, не временная и не принудительная, а постоянная (перманентная), добровольная и глубоко осознанная ответственность личности за свое поведение в настоящем и будущем, за надлежащее исполнение своих юридических обязанностей и гражданского долга», – Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 208.

³⁷³ См.: Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб: Юрид. центр «Пресс», 2008. С. 15.

³⁷⁴ См.: Липинский Д.А. Позитивная ответственность: за и против (часть 1) // Право и политика. 2005. № 11. С. 19-22.

³⁷⁵ Хачатуров Р.Л., Ягутян З.Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. С. 52.

³⁷⁶ Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004. С. 9.

мера правового принуждения³⁷⁷. Это выражается, в одних случаях, в виде применения к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, в установленном для этого процессуальном порядке³⁷⁸, в других – в применении мер негосударственного принуждения (дисциплинарное взыскание, как вариант) или даже в добровольном порядке (например, добровольное возмещение вреда, оплата штрафа и т.п.)³⁷⁹, что не исключает применение или возможность применения государственного принуждения впоследствии. Традиционно именно такое применение (или возможность) выступает обязательным признаком юридической ответственности, поскольку лишенная этого ответственность не может быть признана юридической³⁸⁰.

Дуалистическая концепция юридической ответственности примиряет и логично выстраивает различные подходы к её пониманию, хотя и понимание двоякости вследствие выстраивания дихотомии отличается у разных авторов. Так, А.П. Чирков рассматривает ретроспективную ответственность как продолжение и аналог позитивной ответственности, но только под принуждением (то есть такое же исполнение обязанности, но в состоянии принуждения)³⁸¹. Я.В. Бакарджиев, выделяя объективное и субъективное содержание юридической ответственности, представляет её одновременно в таких проявлениях, как обязанность и как неблагоприятные последствия³⁸². Кроме того, указанный автор, опираясь на элементы механизма и содержание юридической ответственности (субъективное – обязанность конкретного субъекта, и объективное – реальное наступление для него

³⁷⁷ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учеб. для юрид. вузов и фак. М., 1999. С. 524.

³⁷⁸ См.: Общая теория государства и права: Академ. курс: В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М., 2002. С. 468; Любашиц В.Я. Теория государства и права / В.Я. Любашиц, М.Б. Смоленский, В.И. Шепелев. М., 2006. С. 462; и др.

³⁷⁹ Захаров Д.Е. О позитивной юридической ответственности // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 47.

³⁸⁰ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. С. 269.

³⁸¹ См.: Чирков А.П. Ответственность в системе права: учеб. пособие. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 1996. С. 20.

³⁸² Бакарджиев Я.В. О дуализме и динамизме юридической ответственности // Современное право. 2011. № 6. С. 33.

неблагоприятных последствий), рассматривает её ещё и во временной динамике, выделяя три стадии юридической ответственности и заключает следующее: «Можно предложить и другие парные обозначения для двойственной сущности юридической ответственности, но как бы то ни было, суть от этого не меняется – юридическая ответственность двойственна и по своей природе, и как юридическая категория. Спор между сторонниками ответственности как правоотношения (обязанности) и как конкретной меры принуждения (или ее применения) теряет смысл, поскольку речь в позициях сторонников той или иной концепции идет о двух проявлениях одного и того же»³⁸³. В.А. Хохлов, опираясь на воззрения В.А. Тархова о возможности распространения на позитивную ответственность общего определения об ответственности как обязанности дать отчет в своих действиях, считает приемлемым охватить оба аспекта ответственности (обязанность отчитаться и сам отчет) – общим понятием³⁸⁴.

Однако и в отношении дуальных представлений существует немало критических позиций в научном сообществе. В основном, они сводятся к недопустимости расширительного толкования юридической ответственности и критике позитивизма. Д.Е. Захаров пишет: «... попытки связать в один «клубок» юридической ответственности негативную и позитивную ответственность несостоятельны. Включение в содержание юридической ответственности позитивного элемента искажает всю ее суть и размывает ее содержание, попросту девальвируя ее»³⁸⁵. А.В. Мильков, напоминая о юридическом постулате о наступлении юридической ответственности за совершенное правонарушение и после его совершения, приемлет единственно возможное представление об ответственности во внешнем её проявлении: «возмездие за запрещённое поведение», урегулированное различными социальными нормами (в том числе, правовыми) и реализуемое «либо в применении общественного осуждения, либо в

³⁸³ Бакарджиев Я.В. О дуализме и динамизме юридической ответственности // Современное право. 2011. № 6. С. 34.

³⁸⁴ Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997 С. 44-45.

³⁸⁵ Захаров Д.Е. О позитивной юридической ответственности // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 52.

применении мер юридической ответственности», – в то время как «ответственность, заключающаяся в осознании долга, убежденности, добросовестном использовании прав с философских позиций есть внутренняя ответственность, внутренняя моральная инстанция личности. Такая внутренняя ответственность не имеет правовых признаков, не регламентируется правовыми нормами и, следовательно, не может признаваться стороной (аспектом) юридической ответственности. Отсюда следует вывод, что концепция позитивной юридической ответственности внедряет в юридический научный оборот философское понятие "внутренняя ответственность", переименованное в понятие "позитивная юридическая ответственность"»³⁸⁶. За «философское, неоправданно широкое понимание» юридической ответственности подход, которого придерживаются Д.А. Липинский³⁸⁷, А.А. Иванов³⁸⁸ и другие авторы, – критикует А.Ф. Вишневецкий³⁸⁹.

Как освещено выше, проблематика юридической ответственности широка, и подходы к её пониманию в теории права многообразны. Однако, вслед за Я.В. Бакарджиевым, уместным будет настоять на необходимости выработки универсальных, унифицированных понятий, выявления характера взаимодействия между смежными понятиями в ряду основных методологических значений теории государства³⁹⁰, поскольку это является наиболее значимым шагом для развития отраслевых юридических наук. Рассматривая вопросы юридической ответственности в контексте развития представлений об ИИ, нельзя не опираться на её понимание исключительно в ретроспективном плане. Важно определить базовые отправные точки для формирования теоретической концепции

³⁸⁶ Мильков А.В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6. С. 152-164.

³⁸⁷ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004.

³⁸⁸ Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие для вузов. М., 2004.

³⁸⁹ Вишневецкий А.Ф. Юридическая ответственность: некоторые аспекты теоретического осмысления в правовой науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 18-27.

³⁹⁰ Бакарджиев Я.В. О дуализме и динамизме юридической ответственности // Современное право. 2011. № 6. С. 30.

ответственности за действия с использованием носителей ИИ. И если отталкиваться исключительно от ретроспективного её понимания, то даже понятие такой ответственности выработать будет невозможно, поскольку ключевое понимание зависит от того, какой вариант субъектного состава и объективной стороны принимать за основу. В свою очередь, то, что положено в основу, должно быть понято и исследовано с позиции осознания его внутренней сущности. И во всех аспектах понимания юридической ответственности за действия с использованием носителей ИИ придётся столкнуться с её дуальностью.

Если в разрезе теоретического анализа юридической ответственности за вред, причинённый носителями ИИ, мы исследуем единое (унифицированное) понятие юридической ответственности (представляющей собой социальное явление, с объективной стороны выражающееся в государственно-правовом принуждении и возможном претерпевании негативных последствий нарушителем, а в качестве субъективного содержания проявляющееся как обязанность осознанное выполнение субъектом права своего долга перед гражданами, обществом и государством), то, используя метод дихотомического деления (или дихотомию), который представляет собой последовательное деление объема анализируемого понятия на две части, более связанные внутри, чем между собой (от того и часто представляемые исследователями как противоречащие понятия), можно прийти к выводу, что на самом деле мы имеем дело с двумя совершенно различными понятиями: ответственность негативная (ретроспективная) и ответственность позитивная (проспективная) будут в этом случае представлены как самостоятельные, отдельные юридические понятия, не подлежащие объединению (унификации). Однако юридическая ответственность – не может быть одной или другой, и противоречия между «негативистами» и «позитивистами» видятся лишь искусственно созданными, поскольку юридическая ответственность – понятие целостное, хотя и двуединое. Оно целостное в силу своей социальной природы, многоаспектности и наличия ценностного основания (об этом в работе чуть позже).

Дихотомию ответственности носителей ИИ логично провести, ориентируясь на сущность юридической ответственности и принимая во внимание её признаки и

функции. Так, если сущностная составляющая юридической ответственности заключается в «претерпевании последствий в состоянии принуждения»³⁹¹ в рамках правоприменительной деятельности, то, учитывая возможность закладки в ИИ данных и алгоритмов, регламентирующих его деятельность в случае совершения правонарушения (например, проявления восстановительной функции – возмещения причинённого вреда, если это возможно; самоуничтожения и т.п.), можно добиться признания возможности претерпевания имущественных последствий именно со стороны ИИ. Стоит учесть, что данный вариант возможен, исключительно в случае отвержения проявлений субъективной стороны ответственности: у носителя ИИ не может существовать психического состояния, да и возможность волевого выбора субъектом варианта неправомерного поведения также не может и не должна подменяться алгоритмическими цепочками либо скрываться под «внезапной» ошибкой. Освобождение носителя ИИ от ответственности или её смягчение по признакам субъективной стороны невозможны, поскольку механизм принятия ИИ решений заранее сконструирован человеком. Можно пытаться отрицать эту данность, опираясь на «самообучение» носителя ИИ, в результате которого, якобы, могут проявиться доселе не заложенные данные либо механизмы принятия решений. Однако принципы обучения – так же точно заложены в ИИ на алгоритмическом уровне, и усложнение порядка принятия данных решений, усложнение этой алгоритмизации идёт не путём новации, а путём расширения алгоритмической конструкции по аналогии развития от первоначального до последующего алгоритма – так же, как это было заложено в алгоритмические принципы самообучения. И лишь скорость протекания вычислений, многократное усложнение алгоритма (ещё раз: не его новация, а расширение) за короткие промежутки времени – останавливают людей от расследования отклонений в системах ИИ, которые привели к негативным последствиям.

К сожалению, на сегодняшний день мировая общественность так и не была удостоена ознакомления ни с одним отчётом о результатах расследования случаев

³⁹¹ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001. С. 98.

причинения вреда носителями ИИ. Позиция «чёрного ящика» удобна не только для избегания юридической ответственности путём возложения её на субъект с заведомо отсутствующими признаками субъективной стороны, но и для сокрытия реального субъекта данной ответственности и её истинной субъективной стороны. Тем временем, учёные заключают: «... в настоящее время законодательство, разрешающее проблему «черного ящика», фактически отсутствует»³⁹². Таким образом, в случае принятия за основу первого подхода к пониманию юридической ответственности носителей ИИ (необходимость наложения ответственности за «автономные» действия ИИ, совершенные без участия кого-либо из людей, на сам носитель ИИ), потребуется либо отказ от одного из признаков юридической ответственности (субъективная сторона), либо формулирование его содержания применительно к обозначенному субъекту.

Изъятие из субъективной стороны юридической ответственности (презумпция ответственности за причинённый ущерб/вред, безотносительно психического состояния субъекта: его не может объективно существовать) потребуется и при втором подходе – ответственность юридического лица. И так же не нужно прибегать к выстраиванию каких-либо фиктивных юридических конструкций при следовании концепции: ответственность за действия носителя ИИ – это ответственность его собственника, разработчика, производителя либо оператора. В данном случае достаточно дополнить имеющиеся юридические нормы об ответственности владельцев ИИ (по аналогии с владельцами источников повышенной опасности), а также их производителей. В первом случае ответственными лицами будут владелец либо оператор (в каждом конкретном случае), во втором – производитель либо (привлекаемый в порядке регрессного иска) разработчик.

Если обратиться к объекту ответственности и юридической сути правоотношений, то концепция конструкций-фикций с носителями ИИ не

³⁹² Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы «черного ящика» // Lex Russica (Русский закон). 2020. Том 73. № 6 (163). С. 147.

выдержит следующей критики: коль скоро «все правоотношения, независимо от их конкретного содержания являются интеллектуальными и волевыми и обеспечивают установление определенных связей между людьми как участниками правоотношений»³⁹³, а носители ИИ людьми (с волей и психическим отношением к деяниям) не являются, – они не могут быть поставлены в один ряд с людьми, выражающими свою волю и действующими непосредственно либо через определенные институты (частной собственности, юридических лиц, местного самоуправления и мн.др.). Постулируя подобное допущение, теория будет вынуждена согласиться с авторством фотоаппарата и ответственностью автомобиля, что, спустя десятки и сотни лет после их изобретения – видится абсолютным абсурдом. Однако ряд исследователей настаивают на необходимости разработки норм права (а следовательно – и норм в рамках юридической ответственности), регулирующих отношения «между физическими и электронными лицами»³⁹⁴, хотя возможность существования таких правовых отношений мыслится лишь как некая потенция. Поскольку «новая цифровая реальность создала новый тип общественных отношений – отношения, осложненные виртуальным цифровым элементом»³⁹⁵, – уже сегодня требуется адекватное регулирование не только самих этих отношений, но и ответственности за посягательства на них. «На текущем этапе исторического развития мы не можем и не должны повторить ошибки, допущенные человечеством в менее просвещенную эпоху, поэтому уже на ранних стадиях повсеместного внедрения в нашу жизнь новых технологий необходимо заложить в правовое поле соответствующие нормы, предусматривающие не только возможность наложения

³⁹³ Ржевский В.А. Реализация права и законность // Основы государства и права: Учебное пособие. Ростов-на-Дону. 1996. С. 173.

³⁹⁴ Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Искусственный разум как субъект права // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 128.

³⁹⁵ Анисимова И.А., Куликов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны (преступления) и предмет преступления в цифровую эпоху: общее, особенное и единичное // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 223.

ретроспективной ответственности на виновных, но и рассмотреть перспективы установления исторической (перспективной) ответственности для тех, кто занят разработкой и внедрением потенциально опасных принципиально новых технологий, которые сегодня делают то, что было просто невозможно раньше. Эта перспективная ответственность в первую очередь может быть выражена во включении в соответствующие нормативные правовые акты правил, обязанностей и запретов, связанных с общей превенцией возможного вреда, который в перспективе может быть причинен гражданам в процессе взаимодействия с внедряемыми новыми технологиями, оснащенными ИИ»³⁹⁶.

Оценивая место ИИ в системе юридических отношений, Дж. Захария описывает его технологию как «машину предсказания», и насколько полезной и эффективной будет эта машина, зависит, в основном, от двух вещей: предубеждений разработчика конкретной оцениваемой технологии ИИ и качества данных, поступающих в эту прогностическую машину (чем лучше данные – тем лучше прогнозы). «Как только определенная форма технологии ИИ была оценена и активирована данными, которые получает технология ИИ, она становится доступной для использования. На данный момент все зависит от пользователя (или, в этой метафоре, от «владельца мечом»), как будет использоваться эта технология ИИ. Отсюда метафора обоюдоострого меча: ИИ может быть разработан преступниками и использоваться в качестве оружия для облегчения нарушений прав интеллектуальной собственности, но он также может быть разработан и использован правоохранительными органами и владельцами интеллектуальной собственности для обнаружения и предотвращения нарушений прав интеллектуальной собственности»³⁹⁷. Сообразно изложенному представлению, можно вывести понимание объективных признаков ответственности за «действия» носителей ИИ, которые, как правило, совпадают с таковыми в составе

³⁹⁶ Горохова С.С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С.63.

³⁹⁷ Understanding Artificial Intelligence and Enforcement of Rights With John Zacharia [Электронный ресурс] // THE BRAND PROTECTION PROFESSIONAL. MICHIGAN STATE UNIVERSITY. JUNE 2022. VOLUME 7. NUMBER 2. URL: <https://bpp.msu.edu/magazine/unstanding-ai-and-enforcement-with-john-zacharia-june2022/> (дата обращения: 31.05.2024)

правонарушения. В силу избранной точки зрения объективные признаки также могут быть представлены двойственно. В первом случае (если придерживаться концепции «носитель ИИ – субъект ответственности») объективная сторона будет выражаться в деяниях носителя ИИ, во втором носитель ИИ займёт место орудия либо способа совершения правонарушения. «Специфика исследуемой области просто предопределяет максимально взвешенный подход к этим вопросам, и требует от государства предпринять все усилия для обеспечения законных прав и интересов своих граждан, не допустив бесконтрольного появления и применения в гражданском обороте технологий не только потенциально опасных, непрозрачных, малопробированных, но еще и не обремененных никакой публичной юридической ответственностью для разработчиков, производителей, продавцов и эксплуатантов технологий ИИ»³⁹⁸.

Таким образом, дуальность юридической ответственности за действия с использованием носителей ИИ (на уровне теоретических воззрений) выражается:

- 1) в ретроспективном и проспективном проявлении: в первом случае теоретически возможно допущение возложения ответственности на сам носитель ИИ, но на деле это не выдерживает критики по субъективным признакам и является нецелесообразным в силу возможности сокрытия истинного состава субъективных признаков ответственности; во втором – в настоящее время данная сторона уже не остаётся на уровне теоретических допущений, являясь отражением реально существующих отношений по поводу и претерпевания последствий, и предотвращения правонарушений в дальнейшем – применительно к разработчикам, производителям, продавцам и(или) эксплуатантам технологий ИИ;
- 2) в формировании субъекта и субъективной стороны ответственности: с одной стороны – теоретически возможного признания носителя ИИ субъектом и искусственной ликвидации субъективной стороны правонарушения и – как следствие – изменение субъекта юридической ответственности в его

³⁹⁸ Горохова С.С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С.63.

традиционном понимании; с другой – отрицания такой возможности и естественного изъятия носителя ИИ из круга субъектов юридической ответственности;

- 3) в понимании объективной стороны (фактического и юридического основания) юридической ответственности – в зависимости от того, как сформирован субъект ответственности, и как проявляется субъективная сторона правонарушения, выступающая элементом состава юридической ответственности, ответственность может быть реализована в рамках правовых отношений, возникающих между носителем ИИ как нарушителем правовых норм (обязательных требований), установленных в нормативных правовых актах, и государством в лице уполномоченных на применение санкций соответствующих органов и должностных лиц (за в непосредственное исполнение деяния), - либо же объективироваться в отношении собственника (эксплуатанта) либо производителя (разработчика) носителя ИИ, и в данном случае ИИ будет выступать орудием, способом либо средством правонарушения как основания юридической ответственности.

Европейские исследователи делят ответственность ИИ на договорную и внедоговорную, причём не отрицается возможность её регламентации имеющимися юридическими способами. Так, С. де Конка уверенно обосновывает применение основных существующих правовых инструментов для устранения пробелов в ответственности за вред, причиненный системами ИИ, что проиллюстрировано ею с использованием гипотетических сценариев, показывающих уязвимость принимаемых ИИ решений и невозможность их обоснования в силу отсутствия каким-либо образом проявленного намерения. Во всех европейских правовых системах гражданская ответственность (в отличие от уголовной ответственности) возникает в результате нарушения обязательства. Источник обязательства определяет вид ответственности, а двумя основными источниками являются контракты и деликты. Однако, как указывает де Конка, «в настоящее время применение любого из этих двух типов ответственности к

системам ИИ может привести к неудовлетворительным результатам»³⁹⁹, и это демонстрируется указанным исследователем на примере взаимоотношений Алисы с Банком, с Беспилотным транспортным средством, с Умным домом. Например, банк отклонил заявку на кредит: «причина отклонения может быть прослежена до предвзятости, случайно включенной программным обеспечением в модели, созданные из обучающих наборов данных. Банк, однако, утверждает, что не знает причин решения программного обеспечения, отрицает наличие предубеждений и подтверждает, что не может нести ответственность за алгоритмический результат. С точки зрения ответственности может быть сложно определить обязательства Банка и, следовательно, имеется ли нарушение в действиях Банка: Банк не обязан предоставлять Алисе кредит. Из-за непрозрачности задействованной технологии ИИ, также нелегко определить возможную непреднамеренную дискриминацию или намеренно ли Банк проинструктировал алгоритм выдать именно такой результат»⁴⁰⁰. Предполагая вероятность создания специальной ответственности для ИИ, - точнее, ответственности, предназначенной для устранения созданных им пробелов, и даже называя эту идею заманчивой, де Конка подчёркивает: «скорее всего, она будет неосуществимой: ИИ представляет широкий спектр приложений и способов использования, практически во всех отраслях и сферах. Единый режим, применимый ко всему этому, скорее всего, будет невозможен. По этой причине была выдвинута идея создания специальных режимов ответственности для определенных приложений ИИ, связанных с высоким риском <...> Однако при определении того, какие приложения сопряжены с высоким риском, законодатели должны учитывать, что, помимо наиболее ярких примеров (таких как автономное оружие и автономные транспортные средства, из-за их способности ранить или убивать людей), тривиальные и повседневные продукты, - ИИ могут по-прежнему

³⁹⁹ Silvia De Conca. Bridging the Liability Gaps: Why AI Challenges the Existing Rules on Liability and How to Design Human-empowering Solutions // Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice. Ed. Bart Custers, Eduard Fosch-Villaronga. – Information Technology and Law Series. Vol. 35. T.M.C. Asser Press, The Hague, The Netherlands, 2022. P. 246.

⁴⁰⁰ Silvia De Conca. Bridging the Liability Gaps: Why AI Challenges the Existing Rules on Liability and How to Design Human-empowering Solutions // Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice. Ed. Bart Custers, Eduard Fosch-Villaronga. – Information Technology and Law Series. Vol. 35. T.M.C. Asser Press, The Hague, The Netherlands, 2022. P. 246-247.

наносить вред основным правам отдельных лиц (как показывает случай с Apple Card). Чем больше людей проводят свою жизнь, погруженные в цифровую и «умную» среду, тем выше риск того, что даже незначительные приложения ИИ будут иметь серьезные негативные последствия, поскольку среди систем ИИ высокого риска перечислены не только опасные для жизни приложения, но и системы, используемые для определения доступа к образованию, социальному обеспечению и пособиям, или программное обеспечение ИИ для найма»⁴⁰¹.

4. Концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения ИИ

«Как и большинство новых технологий, технология ИИ сама по себе нейтральна в том смысле, что ИИ по своей сути не является ни угрозой, ни возможностью для защиты прав интеллектуальной собственности. Воздействие той или иной формы технологии ИИ определяется тем, как она разработана и как используется»⁴⁰². Это осознание обуславливает однозначный вывод о том, что теория права не должна выискивать варианты неэффективных правовых конструкций для того, чтобы урегулировать явления и отношения, кажущиеся новыми, и искать лазейки для избегания ответа на предельно актуальные сегодня вопросы: кто должен нести ответственность за действия ИИ, в каких вариантах возможно применение имеющихся норм об ответственности сегодня, и каким образом должна быть трансформирована юридическая ответственность в ближайшем будущем. Имеющихся правовых механизмов на сегодняшний день достаточно; их адаптация к реалиям возможна уже сегодня, тем более что «... динамичное развитие и распространение цифровых технологий вынуждает научное сообщество стремительно заполнить правовой вакуум, в котором до

⁴⁰¹ Silvia De Conca. Bridging the Liability Gaps: Why AI Challenges the Existing Rules on Liability and How to Design Human-empowering Solutions // Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice. Ed. Bart Custers, Eduard Fosch-Villaronga. – Information Technology and Law Series. Vol. 35. T.M.C. Asser Press, The Hague, The Netherlands, 2022. P. 249.

⁴⁰² Understanding Artificial Intelligence and Enforcement of Rights With John Zacharia [Электронный ресурс] // THE BRAND PROTECTION PROFESSIONAL. MICHIGAN STATE UNIVERSITY. JUNE 2022. VOLUME 7. NUMBER 2. URL: <https://bpp.msu.edu/magazine/unstanding-ai-and-enforcement-with-john-zacharia-june2022/> (дата обращения: 31.05.2024)

недавнего времени происходило развитие искусственного интеллекта»⁴⁰³. Более того, авторам следует остерегаться необоснованного увеличения количества теорий и мнений относительно правосубъектности ИИ, исключительно ради творческой самореализации и новаторства в исследуемой сфере, и конструирования, по сути, мертворожденного понятийного аппарата, не выходящего за рамки научных дискурсов.

Что действительно является проблемой, требующей своевременного регулирования в рамках отраслевой юридической ответственности, - это определение субъектного состава лиц (людей), которые неотвратимо обязаны нести юридическую ответственность за вред (ущерб), вызванный (причинённый) действиями носителей ИИ. С учётом того, что системы ИИ особенно сложны, поскольку состоят из нескольких аппаратных и программных частей и часто разрабатываются на стыке различных отраслей, помимо компьютерных наук (таких как робототехника, здравоохранение, автомобилестроение, облачные вычисления, Интернет вещей или IoT, телекоммуникации и т.д.), – из этой сложности следуют два значимых фактора: наличие нескольких действующих лиц, потенциально ответственных за различные компоненты, программирование, наборы данных, на основе которых алгоритм разрабатывает свои модели; и дополнительный уровень непредсказуемости, возникающий из-за того, как элемент ИИ может взаимодействовать с различными компонентами, со взаимосвязанными технологиями (например, IoT, где несколько «умных» устройств взаимодействуют друг с другом) или даже с окружающими людьми. Именно это заботит зарубежных исследователей⁴⁰⁴.

Авторы, работающие в сфере математики, робототехники и ИИ, не разделяют позицию возложения ответственности на самих носителей ИИ. «Восстания машин,

⁴⁰³ Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Проблемы воздействия искусственного интеллекта на правовую сферу // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 189.

⁴⁰⁴ Leenes R., Palmerini E., Koops B.J., Bertolini A., Salvini P., Lucivero F. Regulatory challenges of robotics: some guidelines for addressing legal and ethical issues [Электронный ресурс] // Law, Innovation and Technology. 2017. P. 9. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=294197 (дата обращения: 31.05.2024).

которое пророчили фантасты XX века, не будет, – пишет А.В. Волков. – Мы окончательно приручим их. Наши тела их поглотят. Машины станут нашими новыми органами тела и сделают нас всемогущими»⁴⁰⁵. Е.В. Боровская и Н.А. Давыдова – авторы пособия по основам разработки ИИ – возлагают ответственность за обеспечение завершаемости на программиста⁴⁰⁶. Р.В. Душкин, прогнозируя высокую степень автономности принятия решений ИИ, подчёркивает: «остаются вопросы этического плана и ответственности за решения, ожидается, что эти вопросы будут сняты, а уровень решений будет настолько качественным, что говорить об ответственности интеллектуальной системы не придётся»⁴⁰⁷. А рассуждая о применимости мысленного этического эксперимента – «проблемы вагонетки» – к решениям, принимаемым ИИ, указанный автор относится крайне скептически, утверждая, что это выдуманные условия, которых никогда не случится в реальности; более того, ИИ не сможет оказаться в ситуации принятия такого рода решений, поскольку он не обучен делать выбор между причинением вреда одному или другому человеку: его вообще не обучают причинению вреда, а обучают безопасному передвижению на дорогах⁴⁰⁸. Д.Е. Намиот, Е.А. Ильюшин и О.Г. Пилипенко не допускают возможность эксплуатации систем ИИ без соответствующего мониторинга – механизмов для обеспечения ответственности и подотчетности систем ИИ и их результатов. Исследователи настаивают на том, что при эксплуатации таких систем должна обеспечиваться возможность аудита, который позволяет оценивать алгоритмы, данные и процессы проектирования. По мнению учёных, следует проектировать ИИ, свободный от закладок, который возможно полностью контролировать, поэтому аудит играет здесь ключевую роль, особенно в критически важных приложениях⁴⁰⁹.

⁴⁰⁵ Волков А.В. Искусственный интеллект. От компьютеров к киборгам. М., 2020. С. 214.

⁴⁰⁶ Основы искусственного интеллекта: учебное пособие / Е.В. Боровская, Н.А. Давыдова. 4-е изд., электрон. М., 2020. С. 74.

⁴⁰⁷ Душкин Р. Искусственный интеллект. М. 2019. С. 141.

⁴⁰⁸ См.: Там же, с. 186-187. Этот же постулат (о надуманности «проблемы вагонетки» применительно к ИИ и невозможности возникновения ситуации из данного этического эксперимента в реальных условиях) Р.В. Душкин озвучивает и в своих интервью.

⁴⁰⁹ Намиот Д.Е., Ильюшин Е.А., Пилипенко О.Г. Доверенные платформы искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2002. Vol. 10. № 7. P. 123.

Озвучивая в качестве цели исследований в сфере ИИ создание неуправляемого, а полезного интеллекта, разработчики и исследователи ИИ ещё в январе 2017 года подготовили Азиломарские принципы искусственного интеллекта (Калифорния, США)⁴¹⁰, которые проливают свет на многие «тёмные пятна» в вопросах ответственности носителей ИИ. Удивляет такое осознанное отношение людей, непосредственно связанных с созданием интеллектуальных систем, - оно не увязывается (в хорошем смысле) с существующими и описанными выше проблемами «чёрного ящика», «невозможностью» определить ответственное лицо, допущением самостоятельной воли у носителя ИИ на причинение вреда и т.п. Таким образом, не с теоретической стороны, но с позиции практического понимания сути ИИ, ярко выражено подтверждение сформулированной и обоснованной в настоящем исследовании концепции личной ответственности человека за действия с использованием носителей ИИ (в связи с этим особо прошу обратить внимание на 7й, 9й и 21й принципы). Большая часть из Азиломарских принципов отражена в разделе «Этика и ценности», где в отношении ответственности и безопасности ИИ указано следующее:

«6. Безопасность. Системы ИИ должны быть безопасными и надежными на протяжении всего срока их эксплуатации, а также быть контролируруемыми настолько это возможно и применимо.

7. Прозрачность неудачи. Если система ИИ причиняет вред, всегда должна быть возможность понять причину этого.

8. Прозрачность правосудия. Любое участие автономной системы в процессе принятия судебных решений должно сопровождаться предоставлением убедительных объяснений, которые могут быть проверены людьми из компетентных органов власти.

9. Ответственность. Разработчики продвинутых систем ИИ играют ключевую роль в формировании нравственных последствий использования ИИ,

⁴¹⁰ Азиломарские принципы искусственного интеллекта. Пер. с англ. Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и ИИ robotpravo.ru [Электронный ресурс] // RoboTrends. 2017. 13 сентября. URL: <https://robotrends.ru/pub/1737/azilomarskie-principiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 31.05.2024).

неправильного использования ИИ и действий ИИ; они обладают такой возможностью и несут обязанность влиять на такие последствия.

<...>

16. Человеческий контроль. Люди должны сами выбирать, как использовать системы ИИ для достижения своих целей, и использовать ли их для этого вообще.

<...>

21. Риски. Риски, создаваемые системами ИИ, особенно катастрофические или экзистенциальные риски, должны предвидеться, а их наступление минимизироваться за счёт усилий, сопоставимых с ожидаемым последствием реализации этих рисков».

Не менее важным источником практически применимой концепции ответственности ИИ является Монреальская декларация об ответственном развитии ИИ от 03 ноября 2017 года. Каждый из её принципов содержит несколько положений, и все они в той или иной степени проводят идею ответственного развития ИИ: к примеру, принцип уважения независимости ограничивает разработку систем ИИ обязательным учётом потребности человека сохранять свою независимость, принцип равенства проводит идею того, что разработка и внедрение систем ИИ должно способствовать построению общества справедливости и равенства, а принцип неприкосновенности личной жизни предполагает её защиту и полное ограждение от потенциальных вмешательств систем ИИ и систем сбора и архивации данных. Важнейшим же в анализируемой сфере принципом является 9й принцип Монреальской декларации – Принцип ответственности: Разработка и использование систем ИИ не должны умалять ответственность человека в процессе принятия решений. Данный принцип содержит следующие составляющие:

«1. Только люди могут нести ответственность за решения, принятые на основе рекомендаций систем ИИ, и за действия, проистекающие из таких решений.

2. В процессе принятия любых решений, влияющих на жизнь человека, качество его жизни, или его репутацию, окончательное решение может быть принято только человеком, осознано и без принуждения.

3. Только люди могут принимать решения о прекращении жизни человека. Ответственность за такое решение ни при каких обстоятельствах не может быть переложена на системы ИИ.

4. Человек, своим действием или бездействием позволяющий системам ИИ совершить преступление или правонарушение, считается лично виновным в совершении данного преступления или правонарушения.

5. Если система ИИ, использующаяся согласно инструкциям и действующая без ошибок, наносит вред людям или ущерб собственности, её разработчики и пользователи не несут ответственности за произошедшее»⁴¹¹.

Опираясь на множество устойчивых международных принципов (важнейшим из которых следует считать принцип ответственности нынешних поколений перед будущими), а также на вышеприведённые и другие общественные и государственные документы в сфере сотрудничества и развития ИИ, учрежденная в марте 2020 года в соответствии с решением 40-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (резолюция 40 С/37) в марте 2020 г. Генеральным директором ЮНЕСКО Специальная группа экспертов для подготовки проекта рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта, сформулировала принятые уже 7 мая 2020 года в Париже Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта, одобренные и распространённые среди стран-участниц ЮНЕСКО, несмотря на то, что данные Рекомендации не отражают мнения всех стран⁴¹². В первую группу принципов, отражающих отличительные особенности человеко-машинного интерфейса, т.е. взаимодействия человека с ИИ-системами, включены два пункта, объединённые в принцип «Подконтрольность и подчиненность человеку»:

⁴¹¹ Montréal Declaration: Responsible AI [Электронный ресурс] // Université de Montréal. URL: https://ethics.cdto.center/3_8#link210 (дата обращения: 31.05.2024).

⁴¹² Первоначальный вариант проекта Рекомендаций ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта SHS/BIO/AHEG-AI/2020/4 [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2020. 07 мая. URL: https://ircai.org/wp-content/uploads/2020/07/Recommendation_first_draft_RUS.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

«27. Во всех случаях должна существовать возможность возложения как правовой, так и этической ответственности, связанной с исследованием, проектированием, созданием, развертыванием и применением систем искусственного интеллекта, на конкретное физическое либо существующее юридическое лицо. В этом смысле под термином «подконтрольность человеку» подразумевается не только контроль со стороны конкретного физического лица, но и общественный контроль.

28. Возможны ситуации, когда по соображениям эффективности человек может осуществлять контроль совместно с ИИ-системами. Тем не менее такое решение о делегировании в ограниченном числе случаев части функций контроля все равно принимается человеком, поскольку цель исследования, проектирования, создания, развертывания и применения ИИ-систем состоит в том, чтобы помочь людям принимать решения и выполнять определенные функции, но не заменить человека, на котором всегда будет лежать конечная ответственность»⁴¹³.

Вторая группа принципов, изложенных в Рекомендациях, состоит из параметров, связанных с отличительными особенностями самих ИИ-систем. Как подчеркивается в Рекомендациях, данные принципы важны с точки зрения обеспечения соответствия методов исследования, проектирования, создания, развертывания и применения интеллектуальных систем согласованному на международном уровне видению в отношении этического поведения. Особо важными для понимания концептуальных особенностей ответственности в сфере применения ИИ являются следующие:

Прозрачность и объяснимость

36. Несмотря на необходимость, в принципе, прилагать все возможные усилия для повышения прозрачности и объяснимости работы систем искусственного интеллекта в интересах обеспечения доверия со стороны людей, степень такой

⁴¹³ Первоначальный вариант проекта Рекомендаций ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта SHS/BIO/AHEG-AI/2020/4 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2020. 07 мая. URL: https://ircai.org/wp-content/uploads/2020/07/Recommendation_first_draft_RUS.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

прозрачности и объяснимости должна всегда учитывать контекст применения ИИ в целях сбалансированной увязки принципа прозрачности и объяснимости с другими принципами, в частности, с принципами обеспечения безопасности и защиты данных.

37. С учетом контекста применения и степени конфиденциальности используемых данных прозрачность ИИ-системы означает открытость для общественности информации, касающейся исследования, проектирования, создания, развертывания и применения системы. Такая информация может также содержать анализ факторов, воздействующих на конкретный прогноз или решение, однако, как правило, не предполагает раскрытия конкретных алгоритмов или наборов данных. В этом смысле прозрачность представляет собой социально-технологический аспект и имеет целью заручиться доверием людей в отношении ИИ-систем.

38. Термин «объяснимость» касается обеспечения понимания и общего представления в отношении результатов работы ИИ-систем. Под объяснимостью моделей ИИ имеется в виду также доступность для понимания исходных данных, непосредственных результатов и поведения каждой алгоритмической структуры и того, как все это влияет на результаты моделирования. Как следствие, «объяснимость» тесно связана с «прозрачностью», поскольку результаты и ведущие к их получению подпроцессы, должны быть понятными и прослеживаемыми с учетом контекста применения.

Безопасность и защищенность

39. В деятельности, связанной с исследованием, проектированием, созданием, развертыванием и применением искусственных интеллектуальных систем следует остерегаться непреднамеренного причинения вреда (потенциальная угроза безопасности) и уязвимости к атакам (задачи по защите), что позволит обеспечить безопасность и защищенность конкретной ИИ-системы на всех этапах ее жизненного цикла.

40. Органы государственного управления призваны играть первостепенную роль в обеспечении безопасности и защищенности ИИ-систем, в том числе путем

разработки на национальном и международном уровнях стандартов и норм, согласующихся с международными нормами, стандартами и принципами в области прав человека. В целях недопущения масштабного вреда необходимо последовательно поддерживать проведение системных исследований в отношении потенциальных угроз безопасности и защищенности, связанных с различиями в подходах к реализации долгосрочных проектов в области ИИ.

Ответственность и подотчетность

41. В соответствии с действующим международным законодательством в области прав человека и руководящими документами по вопросам этики вовлеченные в создание ИИ стороны должны нести моральную и юридическую ответственность на всех этапах жизненного цикла ИИ-систем. Ответственность за решения и меры, принятые с задействованием в той или иной степени системы искусственного интеллекта, во всех случаях должна в конечном счете возлагаться на причастные к ИИ-системам стороны.

42. Для обеспечения подотчетности в отношении связанной с ИИ-системами деятельности и получаемых результатов необходимо разработать соответствующие механизмы. Для обеспечения возможности проверки и отслеживания (работоспособности) ИИ-систем внимание необходимо уделять как техническим, так и организационным аспектам⁴¹⁴.

С вышеперечисленными принципами Рекомендации связывают стратегические задачи, стоящие перед государствами-участниками ЮНЕСКО. В частности, Стратегическая задача 11 «Обеспечение ответственности, подотчетности и защиты личной информации» состоит из ряда подзадач, в числе которых следует упомянуть следующие:

94. Государствам-членам следует пересмотреть и в необходимых случаях адаптировать нормативно-правовую базу в целях обеспечения подотчетности и

⁴¹⁴ Первоначальный вариант проекта Рекомендаций ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта SHS/BIO/AHEG-AI/2020/4 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2020. 07 мая. URL: https://ircai.org/wp-content/uploads/2020/07/Recommendation_first_draft_RUS.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

ответственности за содержание и результаты работы ИИ-систем на различных этапах их жизненного цикла. Правительствам следует утвердить рамочные принципы ответственности либо уточнить толкование уже существующих рамок, что позволит устанавливать лиц, ответственных за принимаемые ИИ-системами решения и их поведение. При разработке нормативно-правовой базы правительствам следует, в частности, учитывать, что функции, связанные с ответственностью и подотчетностью, должны во всех случаях возлагаться на физическое или юридическое лицо: полномочия не могут быть делегированы системе искусственного интеллекта; аналогичным образом ИИ-система не может быть наделена статусом юридического лица.

95. Государствам-членам предлагается ввести механизм оценки воздействия ИИ-систем для выявления и анализа преимуществ и рисков, связанных с их применением, а также для принятия мер по предотвращению, смягчению последствий и мониторингу рисков. В соответствии с изложенными в настоящей Рекомендации принципами в ходе оценки рисков должны выявляться последствия для прав человека и окружающей среды, а также этические и социальные последствия. Правительствам следует утвердить нормативно-правовую базу, устанавливающую порядок проведения государственными органами оценок воздействия на ИИ-системы, приобретенные, разработанные и/или внедренные этими органами в целях прогнозирования последствий, снижения рисков, недопущения вредного воздействия, облегчения участия граждан и решения стоящих перед обществом проблем. В рамках оценки воздействия следует требовать от государственных органов проведения самооценки в отношении имеющихся и предлагаемых к внедрению систем искусственного интеллекта, в ходе которой в числе прочего должна определяться целесообразность применения ИИ-систем в конкретной области государственного сектора, а также наиболее подходящий для этого метод. Кроме того, в рамках оценки должны создаваться соответствующие механизмы контроля, в том числе обеспечивающие возможность проведения проверок и функции отслеживания и объяснения, которые позволяют оценивать алгоритмы, данные и методы проектирования. Оценка должна также

предусматривать проведение внешней проверки ИИ-систем. При этом проводимая оценка должна носить многопрофильный, многосторонний, мультикультурный, плюралистический и инклюзивный характер⁴¹⁵.

Таким образом, ориентируясь не на псевдовариативные размышления предположительного толка о правосубъектности ИИ и(или) его носителей (по мнению автора, все попытки наделения ИИ правами не основаны на объективно существующей реальности и на том, что на самом деле представляет из себя ИИ), а на сущностную природу ИИ, принципы его ответственного проектирования и применения, полагаем необходимым сформулировать следующие концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения ИИ:

1. Поскольку ИИ (носитель ИИ) не может выступать в качестве субъекта юридической ответственности, при причинении вреда вследствие принятия ИИ «решений», в каждом случае необходимо устанавливать физическое либо юридическое лицо – разработчика, производителя, продавца и(или) эксплуатанта (оператора) технологий ИИ либо непосредственно носителей ИИ, – обладающее признаками субъекта юридической ответственности в его традиционном понимании.

2. Невозможность специального освобождения от юридической ответственности за вред, причиненный носителем ИИ, по причине неустановления субъекта такой ответственности либо перекладывания данной ответственности на сам носитель ИИ. В соответствии с п. 1 такой субъект должен быть определен в зависимости от состава конкретных правонарушений, связанных с причинением вреда носителями ИИ, - на отраслевом уровне.

3. Высокая степень условной автономности ИИ не может нивелировать ответственность разработчика, производителя, продавца и(или) эксплуатанта (оператора), однако – при условии отсутствия закладок и ошибок в программном

⁴¹⁵ Первоначальный вариант проекта Рекомендаций ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта SHS/BIO/AHEG-AI/2020/4 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2020. 07 мая. URL: https://ircai.org/wp-content/uploads/2020/07/Recommendation_first_draft_RUS.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

коде, которые могут привести к причинению вреда носителем ИИ, - может смягчить наказание.

4. В контексте юридической ответственности ИИ может рассматриваться исключительно как составляющая объективной стороны правонарушения (орудие, средство либо способ совершения правонарушения). При этом причинно-следственная связь между деяниями субъекта ответственности и наступившими последствиями (которая, очевидно, должна исследоваться на отраслевом уровне применительно к отдельным видам правонарушений) не может подменять собой опосредованную коммуникацию субъектов права, реализующих собственную волю с помощью носителей ИИ, в том числе «самообучающихся».

5. Намеренное допущение ошибок ИИ при правовом регулировании в рамках экспериментальных правовых режимов не может являться основанием для освобождения от возмещения вреда лиц, ответственных за разработку, введение в эксплуатацию либо непосредственно эксплуатацию носителей ИИ.

Кроме того, ориентируясь на ценностные приоритеты при развитии теоретических представлений об ответственности за действия с участием носителей ИИ, мы приходим к выводу о невозможности существования правосубъектности ИИ (а следом и его личной ответственности – как ИИ или со стороны носителя ИИ) не только формально (в силу того, что юридической автономности у носителей ИИ нет, а технический аспект не может быть положен во главу угла при конструировании правосубъектности любого субъекта права), но и в контексте понимания базовых правовых и социальных категорий, таких как жизнь, достоинство, гуманизм, милосердие и др. Если обратиться к истокам права, то Книга первая Дигест Юстиниана начинается с Титула I «О правосудии и праве» (*De iustitia et iure*), в самом начале которого указано: «Ульпиан в 1-й книге «Институций». Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право» (*ius*). Право получило свое название от (слова) «справедливость» (*iustitia*), ибо согласно превосходному определению Цельса право есть искусство

доброто и справедливо»⁴¹⁶. То есть ценностное содержание права в значительной мере обусловило вообще само появление права как высшего инструмента для защиты общественно значимых благ. Многовековое развитие юридической мысли и доктринального обоснования государственно-правовых установлений привело к наличию закреплённых в законодательстве традиционных духовно-нравственных ценностей⁴¹⁷. Они служат ориентирами в развитии государства и общества, они определяют то, что является действительно важным для всех субъектов права. И, пройдя сквозь века, эти ценности сохранились, благодаря своему фундаментализму и непреложной значимости. Как справедливо напоминают Н.М. Кропачев и В.В. Архипов, «в центре правовой картины мира находится субъект, наделенный свободой воли (даже если это фикция или неопровержимая презумпция), достоинством и ответственностью»⁴¹⁸, а «сам факт наличия определенных традиционных ценностей как юридического понятия в действующем акте позитивного права означает, что в так называемых сложных случаях толкования права и для разработки модели юридической аргументации легитимно обращение к ценностям, отраженным в Основах государственной политики»⁴¹⁹.

Свобода воли субъекта (как базовая правовая ценность) не может быть детерминирована естественно-научными вещами. Поведение человека как субъекта права не предполагает артикуляцию либо исполнение решений, принятых мозгом исходя из причинно-следственных связей, сложившихся в объективной реальности. Наоборот, именно человек, в результате сложных процессов в мозгу которого сформировался волевой посыл, утверждённый затем в качестве персонального решения (которое может быть вообще не связано с реальностью, а продиктовано исключительно внутренними потенциями – духовными,

⁴¹⁶ Дигесты Юстиниана. Том I. Книги I-IV / Перевод с латинского; Отв. Ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. С. 88.

⁴¹⁷ В России это сделано в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809.

⁴¹⁸ Кропачев Н.М. Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 300.

⁴¹⁹ Там же. С. 301-302.

неосвязаемыми, а возможно и вовсе интуитивными, и иррациональными), реализуется во времени и пространстве и изменяет эту реальность. И наличие ценностных ориентиров (как внутренних моральных принципов, так и ценностных установок, закреплённых на государственном уровне и возведённых в ранг особо охраняемых ценностей в силу сложившихся традиций исторического опыта) позволяет субъекту права ориентироваться среди подобных себе, реализуя свою свободу воли, не пересекая, однако, черту, за которой находится свобода другого субъекта и проявляется его волевая потенция в определённых правом пределах в рамках существующих ценностей. Иное понимание проявлений свободы и воли субъекта вообще низвергает суть правосубъектности и его ответственности за свои поступки, в том числе общественности юридической. Условная же «свобода» носителя ИИ заканчивается там, где человек (как истинный субъект права) определит пределы данной «свободы». Вопрос: нажав «Delete» или «Выкл.», мы и вовсе «убьём» этот «квазисубъект» (или «субъект», или «объект с признаками субъекта» и т.п.)? И ещё один: способен ли носитель ИИ выносить моральные суждения в ценностном смысле? Очевидные ответы на эти вопросы возвращают нас к истинному пониманию права и юридической ответственности, основанному на альтернативно-ценностной модели, которая лежит в основе универсального подхода в социально-гуманитарных науках, и в частности – в теории права.

Возвращаясь к проблеме возникновения причинно-следственных связей между принимаемыми субъектом права (и юридической ответственности) решениями и последствиями – результатами действий, ещё раз подчеркнём опосредованный характер процессов, сопровождающихся применением технологий ИИ, использованием ИИ-носителей. В составе юридической ответственности носитель ИИ всегда будет оставаться частью объективной стороны, а причинно-следственная связь зависеть от воли человека.

Без справедливости и свободы воли субъекта право будет лишено смысла. Носитель ИИ свободой воли не обладает, и к категории справедливости отношения не имеет, так как не принимает человеческих решений. Невозможностью формулирования решений, основанных на категориях морали, учёные

обосновывают отсутствие субъективности у ИИ, который не может иметь субъективную точку зрения и суждения, а также не имеет собственного (субъективного) опыта⁴²⁰. С теоретико-философско-правовой точки зрения интеллектуальное измерение, в котором находится человек как свободный субъект права и в котором он может познавать смыслы происходящего, не находится в мире причинно-следственных связей. Все «решения», которые «принимает» и проводит в жизнь носитель ИИ в рамках объективной стороны правоотношений, - наоборот, располагаются и реализуются в мире причинно-следственных связей, вместе с самим ИИ. Интеллектуальный мир человека находится в определенного рода противоречии с миром причинно-следственных связей, где в реальности существует ИИ. При этом само право существует за счёт того, что человек не существует только лишь в мире причинно-следственных связей, а может самостоятельно конструировать этот объективный мир (в котором ИИ обитает всегда), благодаря собственной свободе воли. ИИ же всегда подчинен решениям человека. В этой связи уместно привести ещё один архиважный ценностный принцип, сформулированный проф. А.В. Поляковым. Основываясь на учениях В.С. Соловьёва и И.А. Ильина, раскрывших основные принципы нравственности, права и взаимного духовного признания, он подробно аргументирует ценностное содержание того важнейшего правового принципа, который он называет принципом взаимного правового признания (принципом взаимного признания правосубъектности)⁴²¹. Реализовать данный принцип в отношении носителей ИИ, даже реализуя гипотетическое допущение наличия у них субъектности, будет невозможно: взаимность данного признания не может возникнуть. Даже предполагая, что субъекты права будут опосредованно коммуницировать друг с другом – каждый с использованием ИИ-носителя, – последние субъектами права стать не смогут ни при каких обстоятельствах. Собственно, как и свободы в её

⁴²⁰ См.: Searle John R. *Mind: A Brief Introduction*. Oxford. 2004. P. 94-95; Davis Joshua P. *Artificial Wisdom? A Potential Limit on AI in Law (and Elsewhere)* // *Oklahoma Law Review*. 2019. Volume 72. Number 1. P. 66-67.

⁴²¹ Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // *Труды Института государства и права РАН*. 2021. Том 16. № 6. С. 39-101.

юридическом понимании (которую А.В. Поляков называет «равной правосубъектностью», рассматривая её в трёх аспектах: как возможность выбора (варианта собственного поведения), как условие существования субъекта права и как средство развития и совершенствования личности и общества⁴²²) – также не появится, поскольку у ИИ нет ни истинной автономии, ни ценностного самовосприятия, ни признания остальными субъектами права как равного или хотя бы претендующего на равенство. Коль скоро даже живые разумные существа (животные) в юридическом смысле выступают в качестве вещей, - рассуждать о том, что, грубо говоря, инструмент (собственно, ИИ) будет наделён правами и нести обязанности наравне с классическими субъектами права, – несостоятельно и безосновательно.

Внутреннее ценностное содержание юридической ответственности – это незыблемая онтологическая твердь, которая должна идти прежде формирования концептуальных основ этой ответственности, а после их формулировки – служить определённым мерилom, своеобразным эталонным индикатором того, насколько приемлемыми являются данные формулировки. Также реализуя ценностно-ориентированный подход к юридической ответственности, и проводя в жизнь вышеизложенные концептуальные основы применительно к юридической ответственности в сфере применения ИИ, нельзя не прийти к осознанию весьма очевидного вывода, который представляется важным для дальнейших отраслевых исследований: как бы ни было сложно определить, кто конкретно из ответственных лиц (субъектов юридической ответственности) своими действиями или бездействиями причинил вред, техническим выражением которого явились «действия» носителя ИИ, всё же необходимо структурировать правоотношения, в которых ИИ может выступать как элемент объективной стороны правонарушения, и вычленять причинно-следственные связи в данных правоотношениях применительно к субъектам права, определяющим процессы, происходящие в объективной реальности, и управляющим ими, чего ИИ не дано.

⁴²² Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 4. С. 37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные исследователи нередко называют проблему ответственности наиболее важной проблемой регулирования ИИ и робототехники⁴²³. Тем не менее, на сегодняшний день до сих пор остаются нерешёнными и другие тесно связанные с ней вопросы. Как очень точно подмечают Д.В. Волков и А.М. Игнатов, «интеграция ИИ в любую правовую систему сопровождается не только рядом технических проблем и ограничений, но и совокупностью проблем этического и гуманитарного характера»⁴²⁴.

Принимая во внимание стремительное развитие технологий и практически ежедневное обновление и улучшение физического и цифрового пространства, содержащего носителей ИИ, автор не разделяет необходимость формулирования (даже в исследовательских целях) исключительно теоретических конструкций и искусственно созданных и практически не применимых понятий (юниты, квазисубъекты, цифровые личности и т.д.). Насущным для теории права является формирование концептуальных основ юридической ответственности носителей ИИ, которые автором сформулированы и предложены к закреплению на уровне элемента теоретической правовой доктрины.

Субъектом юридической ответственности сам носитель ИИ быть не может, следовательно, пока не принято соответствующего регулирования, в каждом конкретном случае должен быть выявлен тот, кто понесёт ответственность в случае причинения вреда носителем ИИ: разработчик, производитель, продавец и(или) эксплуатант (оператор).

⁴²³ См.: Денисов Н.Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18-20, Изотова В.Ф. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта киберфизических систем и робототехники // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сб. науч. тр. по матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 17-18 октября 2019 г.) / под ред. Н.Н. Ковалевой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов, 2019. С. 127, и др.

⁴²⁴ Волков Д.В., Игнатов А.М. К вопросу об онтологической проблематике интеграции искусственного интеллекта в современную юриспруденцию // Государство и право в цифровую эпоху: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 апр. 2022 г.) / ВГУЮ (РПА Минюста России). СПб, 2022. С. 42.

В целом, в данной теме всегда будут возникать искушения наделения носителей ИИ признаками субъекта правоотношений: признание за ним авторства⁴²⁵, оспаривание компетентности – как в иске одной из чикагских юридических фирм к роботу-адвокату DoNotPay⁴²⁶, и др. Однако в настоящее время никакой теоретической или практической основы такая деятельность иметь не может, следовательно, в глобальном плане институт юридической ответственности не трансформируется в связи с развитием ИИ, а мы всего лишь свидетели теоретических рассуждений о гипотетических потенциях.

Автор будет считать глобальную цель своей работы достигнутой, когда в теории права и отраслевых юридических исследованиях, связанных с действиями ИИ и их последствиями, будет прослеживаться не фантазийное наделение ИИ некими правами или правосубъектностью (хоть сколь угодно ограниченной), а отражаться реальные объективно существующие отношения между субъектами права, применяющими ИИ как инструмент, но не более того; и ещё – когда эти исследования будут ориентированы на концептуальные основы юридической ответственности носителей ИИ, которые автором сформулированы и предложены к закреплению на уровне элемента теоретической правовой доктрины.

⁴²⁵ Речь не только о предложениях исследователей, но и исходящих от самих авторов заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности с указанием ИИ в качестве автора (самые яркие примеры – Талер и Каштанова – освещены в исследовании).

⁴²⁶ Иск юристов к роботу-адвокату есть в открытом доступе: Class action complaint and demand for Violation of Cal. Bus. & Prof. Code § 17200 CGC-23-604987 [Электронный ресурс] // Superior Court of California, County of San Francisco. 2023. 03 марта. URL: <https://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/legaldocs/dwvkdzbxpm/Faridian%20v.%20DoNotPay%20Complaint.pdf> (дата обращения: 31.05.2024)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. 2011 Nevada Revised Statutes Chapter 482A – Autonomous Vehicles NRS 482A.020 – Artificial intelligence defined [Электронный ресурс] // Justia. 2011. URL: <https://law.justia.com/codes/nevada/2011/chapter-482a/statute-482a.020/> (дата обращения: 31.05.2024).
2. Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics 2015/2103(INL): P8_TA-PROV (2017)0051 [Электронный ресурс] // European Parliament: официальный портал. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения 31.05.2024)
3. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence // Federal Register / Vol. 88, No. 51 / Thursday, March 16, 2023 // Rules and Regulations. P. 16190-16194.
4. Europe fit for the Digital Age: Commission proposes new rules and actions for excellence and trust in Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // European Commission. 2021. 21 апреля. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_1682 (дата обращения 31.05.2024).
5. EU Artificial Intelligence Act [Электронный ресурс] // The Act Texts. Final draft. 2024. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 31.05.2024).
6. Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // The White House: официальный портал Белого дома, США. 2023. 30 октября. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 31.05.2024)

7. Guidelines on Artificial Intelligence and Data Protection. Council of Europe. Directorate General of Human Rights and Rule of Law. Strasbourg, 25 January 2019 [Электронный ресурс] // Портал Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/guidelines-on-artificial-intelligence-and-data-protection/168091f9d8> (дата обращения: 31.05.2024).
8. Guidelines on the protection of individuals with regard to the processing of personal data in a world of Big Data. Council of Europe. Directorate General of Human Rights and Rule of Law. Strasbourg, 23 January 2017 [Электронный ресурс] // Портал Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/t-pd-2017-1-bigdataguidelines-en/16806f06d0> (дата обращения: 31.05.2024).
9. Implementation of the Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (AI). 42 C/INF.16 [Электронный ресурс] // Генеральная конференция ЮНЕСКО. 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387369> (дата обращения: 31.05.2024).
10. National Artificial Intelligence Initiative (US Code. Title 15 – Commerce and Trade. Chapter 119)) [Электронный ресурс] // Authenticated U.S. Government Information. URL: <https://statecodesfiles.justia.com/us/2020/title-15/chapter-119/sec-9401/sec-9401.pdf?ts=1660330225> (дата обращения: 31.05.2024)
11. National AI Strategy – AI Action Plan (Guidance) [Электронный ресурс] // Office for Artificial Intelligence: официальный портал Правительства Великобритании. 2022. 18 July. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-ai-strategy-ai-action-plan/national-ai-strategy-ai-action-plan> (дата обращения: 31.05.2024).
12. OECD AI Principles overview [Электронный ресурс] // OECD.AI: официальный портал ОЭСР. URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (дата обращения: 31.05.2024).
13. OECD, Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449 [Электронный ресурс] // URL: <https://oecd.ai/assets/files/OECD-LEGAL-0449-en.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).

14. Overview of the Council of Europe and Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // Портал Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/en/web/human-rights-rule-of-law/artificial-intelligence/glossary> (дата обращения: 31.05.2024).
15. White Paper On Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust / Brussels, 19.2.2020; COM (2020) 65 final [Электронный ресурс] // Портал Совета Европы. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 31.05.2024).
16. Азиломарские принципы искусственного интеллекта. Пер. с англ. Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и ИИ roborpravo.ru [Электронный ресурс] // RoboTrends. 2017. 13 сентября. URL: <https://robotrends.ru/pub/1737/azilomarskie-principyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 31.05.2024).
17. Базовый закон Японии от 14.12.2016 г. № 103 «Об улучшении использования данных в государственном и частном секторах» использует термин «технология, связанная с искусственным интеллектом», под которым понимается технология для реализации таких интеллектуальных функций, как обучение, умозаключение и суждение, воплощаемых с помощью искусственных средств и использования соответствующих функций, реализуемых искусственными средствами. См.: Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization № 103 of December 14, 2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2975> (дата обращения: 31.05.2024).
18. Законопроект США 2017 года «Об искусственном интеллекте» S.2217 [Электронный ресурс] // URL: www.nitrd.gov/pubs/2017supplement/FY2017NITRDSupplement (дата обращения: 02.02.2022).
19. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года утв.

- распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р [Электронный ресурс] // Правительство России: официальный портал. URL: <http://government.ru/docs/all/129505/> (дата обращения: 31.05.2024).
20. Монреальская декларация об ответственном развитии ИИ от 03 ноября 2017 года (Montréal Declaration: Responsible AI) [Электронный ресурс] // Université de Montréal. URL: https://ethics.cdto.center/3_8#link210 (дата обращения: 31.05.2024).
21. Первоначальный вариант проекта Рекомендаций ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта SHS/BIO/АНЕГ-AI/2020/4 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2020. 07 мая. URL: https://ircai.org/wp-content/uploads/2020/07/Recommendation_first_draft_RUS.pdf (дата обращения: 31.05.2024).
22. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
23. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”».

Материалы судебной и правоприменительной практики

24. Class action complaint and demand for Violation of Cal. Bus. & Prof. Code § 17200 CGC-23-604987 [Электронный ресурс] // Superior Court of California, County of San Francisco. 2023. 03 марта. URL: <https://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/legaldocs/dwvkdzbxpm/Faridian%20v.%200DoNotPay%20Complaint.pdf> (дата обращения: 31.05.2024)

25. Re: Zarya of the Dawn (Registration # VAu001480196). February 21, 2023 [Электронный ресурс] // United States Copyright Office: официальный сайт. URL: <https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).
26. Материалы по делу Andersen v. Stability AI Ltd. et al, 3:23-cv-00201, (N.D. Cal. Jan 13, 2023) ECF No. 1. P. 18 [Электронный ресурс]: US District Court for the Northern District of California: информ.-справочный портал Окружного суда Северного района Калифорнии, США. URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.407208/gov.uscourts.cand.407208.1.0.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).
27. Материалы по делу Burrow-Giles Lithographic Company v. Sarony, 111 U.S. 53 (1884) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/> (дата обращения: 31.05.2024).
28. Материалы по делу Chapman Kelley v. Chicago Park District, No. 08-3701 (7th Cir. 2011) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca7/08-3701/08-3701-2011-02-15-opinion-2011-03-16.html> (дата обращения: 31.05.2024).
29. Материалы по делу Eldred v. Ashcroft, 537 U.S. 186 (2003) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/537/186/> (дата обращения: 31.05.2024).
30. Материалы по делу Goldstein v. California, 412 U.S. 546 (1973) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/412/546/> (дата обращения: 31.05.2024).
31. Материалы по делу Naruto v. Slater, No. 16-15469 (9th Cir. 2018) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал

- Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-15469/16-15469-2018-04-23.html> (дата обращения: 31.05.2024)
32. Материалы по делу Richard Satava, an Individual; Satava Art Glass, a Sole Proprietorship, Plaintiffs-appellees, v. Christopher Lowry, an Individual; Christopher Richards, an Opinion Individual; Makawao Glassworks, Llc, Dbа Hot Island Glass, Defendants-appellants, 323 F.3d 805 (9th Cir. 2003) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/323/805/575893/> (дата обращения: 31.05.2024).
33. Материалы по делу Stein v. Mazer, 111 F. Supp. 359 (D. Md. 1953) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/111/359/1816149/> (дата обращения: 31.05.2024).
34. Материалы по делу Thaler v. Vidal. Appeal No. 21-2347 [Электронный ресурс] // FedCircuitBlog. 2022. 05 августа. URL: <https://fedcircuitblog.com/other-cases/thaler-v-vidal/> (дата обращения: 31.05.2024).
35. Материалы по делу Urantia Foundation v. Маaherra, 895 F. Supp. 1347 (D. Ariz. 1995) [Электронный ресурс] // U.S. Supreme Court: информ.-справочный портал Верховного суда США. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/895/1347/1570651/> (дата обращения: 31.05.2024).
36. Отказ С. Галеру в регистрации авторских прав на картину «Недавний вход в рай», сгенерированную ИИ [Электронный ресурс] // United States Copyright Office: официальный сайт. URL: <https://www.copyright.gov/rulings-filings/review-board/docs/a-recent-entrance-to-paradise.pdf> (дата обращения: 31.05.2024).
37. Распоряжение о применении санкций (opinion and order on sanctions) по делу Case 1:22-cv-01461-ПКС 2023 [Электронный ресурс] // URL: https://www.lawnext.com/wp-content/uploads/2023/06/S.D.N.Y.-22-cv-01461-dckt-000054_000-filed-2023-06-22.pdf (дата обращения 31.05.2024).

- 38.Решение по делу Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 [Электронный ресурс] // Federal Court Of Australia. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/full/2022/2022fcafc0062> (дата обращения: 31.05.2024).
- 39.Решение по делу Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879 [Электронный ресурс] // Federal Court Of Australia. URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879>. (дата обращения: 31.05.2024).
- 40.Судебный приказ с обоснованием (order to show cause) делу Case 1:22-cv-01461-РКС 2023 [Электронный ресурс]: https://www.lawnext.com/wp-content/uploads/2023/05/S.D.N.Y.-22-cv-01461-dckt-000031_000-filed-2023-05-04.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

Научные статьи, публикации в сборниках научных трудов

- 41.Belloso María López. Women’s Rights Under AI Regulation: Fighting AI Gender Bias Through a Feminist and Intersectional Approach // Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice. Ed. Bart Custers, Eduard Fosch-Villaronga. Information Technology and Law Series. Vol. 35. T.M.C. Asser Press, The Hague, The Netherlands, 2022.
- 42.Chesterman S. Artificial intelligence and the limits of legal personality // International and comparative law quarterly. 2020. Vol. 69, № 4.
- 43.Davis Joshua P. Artificial Wisdom? A Potential Limit on AI in Law (and Elsewhere) // Oklahoma Law Review. 2019. Volume 72. Number 1.
- 44.De Conca S. Bridging the Liability Gaps: Why AI Challenges the Existing Rules on Liability and How to Design Human-empowering Solutions // Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice. Ed. Bart Custers, Eduard Fosch-Villaronga. – Information Technology and Law Series. Vol. 35. T.M.C. Asser Press, The Hague, The Netherlands, 2022.
- 45.Dressel J., Farid H. The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism // SCIENCE ADVANCES. 2018. VOL. 4, Issue. 1. doi:10.1126/sciadv.aao5580

46. Dreyfus H.L. Artificial Intelligence // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science Vol. 412, Issue 1. doi:10.1177/000271627441200104
47. Fairfield J. A.T. Virtual Property [Электронный ресурс] // Boston University Law Review. 2005. Vol. 85. Indiana Legal Studies Research Paper No. 35. P. 1047-1101. URL: <http://ssrn.com/abstract=807966> (дата обращения: 31.05.2024).
48. Geirhos R., Medina C.R., Rauber J., Schütt H.H., Bethge M., Wichmann F.A. Generalisation in humans and deep neural networks // 32nd Conference on Neural Information Processing Systems (NeurIPS 2018), Montréal, Canada [Электронный ресурс] // arXiv. 2020. 23 октября. URL: <https://arxiv.org/pdf/1808.08750v3.pdf> (дата обращения 31.05.2024).
49. Good I.J. Speculations Concerning the First Ultrainelligent Machine // Advances in Computers. 1966. Vol. 6.
50. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities // Akron Intellectual Property Journal, Vol. 4 [2010], Iss. 2, Art. 1.
51. Ho J., Jain A, Abbeel P. Denoising Diffusion Probabilistic Models // arxiv.org: информ.-справочный портал. 2020. 16 декабря. doi.org/10.48550/arXiv.2006.11239.
52. How We Analyzed the COMPAS Recidivism Algorithm / by Jeff Larson, Surya Mattu, Lauren Kirchner and Julia Angwin. 2016, May 23 [Электронный ресурс] // Pro Publica. 2016. 23 мая. URL: <https://www.propublica.org/article/how-we-analyzed-the-compas-recidivism-algorithm> (дата обращения 31.05.2024).
53. Jonas Schuett. A Legal Definition of AI [Электронный ресурс] // ResearchGate. 2019. Август. URL: https://www.researchgate.net/publication/335600149_A_Legal_Definition_of_AI (дата обращения: 31.05.2024).
54. Kingston J. Artificial Intelligence and Legal Liability [Электронный ресурс] // ResearchGate. 2016. Ноябрь. doi: 10.1007/978-3-319-47175-4_20
55. Lavallée Eric. Development of a legal definition of artificial intelligence: Different countries, different approaches [Электронный ресурс] // Lavery. 2020. 10 марта. URL: <https://www.lavery.ca/en/publications/our-publications/3200-development->

- of-the-legal-definition-of-artificial-intelligence-ai-different-countries-different-approaches.html (дата обращения: 31.05.2024).
56. Leenes R., Palmerini E., Koops B.J., Bertolini A., Salvini P., Lucivero F. Regulatory challenges of robotics: some guidelines for addressing legal and ethical issues [Электронный ресурс] // Law, Innovation and Technology. 2017. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=294197 (дата обращения: 31.05.2024).
57. Manheim K., Kaplan L. Artificial intelligence: Risks to privacy and democracy // The Yale law journal. Yale, 2019. Vol. 21.
58. McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. August 31, 1955 // AI Magazine. Vol. 27. No 4.
59. McCarthy J. What is artificial intelligence? [Электронный ресурс] // Formal Reasoning Group: портал Стэнфордского университета. 2007. 11 декабря. URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/node1.html> (дата обращения: 31.05.2024).
60. Obermeyer Z., Powerschristine B., Vogeli C., Mullainathan S. Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations // Science. 25 Oct 2019. Vol 366, Issue 6464. doi: 10.1126/science.aax2342.
61. Radutniy O. E. Criminal liability of the artificial intelligence // Проблемы законності. 2017. Вип. 138.
62. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. № 2.
63. Soulez P.-M. Questions juridiques au sujet de l'intelligence artificielle // Enjeux numériques. № 1. Mars, 2018.
64. Turing A.M. Computing Machinery and Intelligence // Mind, New Series, Vol. 59, No. 236 (Oct., 1950), pp. 433-460. Published by: Oxford University Press on behalf of the Mind Association Stable.

65. Yueh-Hsuan Weng, Chien-Hsun Chen and Chuen-Tsai Sun. Towards the Human-Robot Co-Existence Society: On Safety Intelligence for Next Generation Robots, 1 INT. J. SOC. ROBOT 267, 273 (2009).
66. Алексейчук А. Квалификация произведений, созданных при опосредованном участии автора // Авторское право и смежные права. 2020, № 3.
67. Алешкова И.А. Цифровой статус личности и правовой статус искусственного интеллекта: новое в юридических конструкциях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021.
68. Анисимова И.А., Куликов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны (преступления) и предмет преступления в цифровую эпоху: общее, особенное и единичное // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.
69. Антонов А.А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7.
70. Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1.
71. Артений Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. Часть 1. № 7 (61).
72. Архипов В.В. Виртуальная собственность «много лет спустя»: есть ли будущее у благородной мечты цифровых юристов? // Закон. 2023. № 9.
73. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6.
74. Бакарджиев Я.В. О дуализме и динамизме юридической ответственности // Современное право. 2011. № 6.
75. Баракина Е.Ю. К вопросу формирования перспективной терминологии в области правового регулирования применения искусственного интеллекта // Юрист. 2020. № 9.

76. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1.
77. Бахрах Д.Н. Субъекты российского права // Экономика региона. 2006. № 2.
78. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6.
79. Бегишев Р.И., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1.
80. Беляев А. Как работают искусственный интеллект, машинное и глубокое обучение [Электронный ресурс] // РБК. Тренды. 2020. 29 сентября. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e845cec9a794747bf03e2c9> (дата обращения: 31.05.2024).
81. Беляева Г.И., Кузьменко В.И., Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 4.
82. Берггольц В.В. Правовой статус и разграничение ответственности при разработке и использовании инструментов искусственного интеллекта // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 6-3 (45), 2020.
83. Бирюков П.Н. Деятельность США в сфере использования искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3.
84. Бортников С.П. Проспективная и ретроспективная ответственность // Вопросы экономики и права. 2012. № 12.
85. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Проблемы воздействия искусственного интеллекта на правовую сферу // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.

86. Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6(104).
87. Васильев А.А., Шпопер Дариуш, Янаки Стоилов. Право и умные роботы в России, США и Европейском Союзе // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.
88. Вишневицкий А.Ф. Юридическая ответственность: некоторые аспекты теоретического осмысления в правовой науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22).
89. Власов Г.Д. Правовые вызовы искусственного интеллекта: европейский ответ // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021.
90. Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 4.
91. Волков Д.В., Игнатов А.М. К вопросу об онтологической проблематике интеграции искусственного интеллекта в современную юриспруденцию // Государство и право в цифровую эпоху: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 апр. 2022 г.) / ВГУЮ (РПА Минюста России). СПб, 2022.
92. Воробьева И.В., Салахутдинов В.Д. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Малышевские чтения-2020. Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития: материалы XVI международной научной конференции, в 4 частях / под ред. А.В. Семенова. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2020. Ч. 4.
93. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435.
94. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1.

95. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Гордиев узел противоречий: технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта // Образование и право. 2020. № 9.
96. Георги М.Ю. Методы извлечения причинности из данных наблюдений в практике искусственного интеллекта // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2023. № 3 (233).
97. Голик В.В., Жосан И.А., Шуринкин О.О., Васильев А.В., Стефанчикова П.А. Искусственный интеллект в гражданском и семейном праве // Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция «Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты» (г. Москва, 08 декабря 2021 г.) М.: АНО ВО «Российский новый университет», 2021.
98. Горохова С.С. О некоторых аспектах публичной юридической ответственности в сфере использования искусственного интеллекта и автономных роботов // Юридические исследования. 2021. № 5.
99. Горохова С.С. О некоторых правовых подходах к определению правосубъектности искусственных интеллектуальных систем // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62).
100. Горохова С.С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6.
101. Графский И.Л. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и всё ещё незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3.
102. Графский И.Л. Общая теория права П. Сорокина: на пути к интегральному (синтезированному) правопознанию // Государство и право. 2001. № 1.
103. Громова Е.А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19, № 3.
104. Денисов Н.Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные

- с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4.
105. Евсеев Е.Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2.
106. Ежевская Т.И. Автономность как личностный ресурс информационно-психологической безопасности // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 5(40).
107. Зазаева Н.Б. Современные тенденции в определении права (концептуальный анализ) // Философия права. 2005 № 3 (15).
108. Захаров Д.Е. О позитивной юридической ответственности // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4.
109. Изотова В. Ф. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта киберфизических систем и робототехники // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сб. науч. тр. по матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 17-18 октября 2019 г.) / под ред. Н.Н. Ковалевой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов, 2019.
110. Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10.
111. Капитонова Е.А. Искусственный интеллект как потенциальный носитель правового модуса личности: проблемы и перспективы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2019. Т. 7, № 4 (28).
112. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44).
113. Климова А.С. Принцип единства прав и обязанностей личности // Юридическая техника. 2020. № 14.

114. Коданева С.И. Искусственный интеллект в государственном управлении и правосудии // Государство и право в новой цифровой реальности: монография / под общ. Ред. Д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова. М., 2020.
115. Кожевников С.Н. Понимание права: разные теоретические аспекты // Юрист. 2004. № 11.
116. Кропачев Н.М. Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2.
117. Крысанова Н.В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1.
118. Крысанова Н.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021.
119. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы «черного ящика» // Lex Russica (Русский закон). 2020. Том 73. № 6 (163).
120. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019.
121. Ларина Н.Д. Проблемы развития юридической науки в РФ в сфере авторских прав и искусственного интеллекта // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сборник научных статей. Часть VII. Науч. ред. Шайденко Н.А. М., 2020.
122. Д.А. Липинский. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1.

123. Липинский Д.А. Позитивная ответственность: за и против (часть 1) // Право и политика. 2005. № 11.
124. Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Искусственный разум как субъект права // Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.
125. Мальцева А.В., Мальцев К.Г. К вопросу о понятии места и структуры социального явления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1(5).
126. Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6.
127. Мильков А.В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6.
128. Миннихметов Р.Г. Правовая система как синкретизм всех социальных норм // Право и политика. 2004. № 3.
129. Митренина М.Ю. Возможности человека и робототехника: кто станет объектом творчества? // Гуманитарная информатика. 2014. Вып. 8.
130. Михалева Е.С., Шубина Е.А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12.
131. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4.
132. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2.
133. Мыскин А.В. Филиал юридического лица как квазисубъект гражданского права // Гражданское право. 2014. № 1.
134. Намиот Д.Е., Ильюшин Е.А., Пилипенко О.Г. Доверенные платформы искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2002. Vol. 10. № 7.

135. Наумов В.Б., Чеховская С.А., Брагинец А.Ю., Майоров А.В. и др. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения: Доклад НИУ ВШЭ. М., 2021.
136. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. 2017. № 8.
137. Незнамова Н.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция «Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты» (г. Москва, 08 декабря 2021 г.). М.: АНО ВО «Российский новый университет», 2021.
138. Обухов Я.А. Значение первого года жизни для последующего развития ребёнка (Обзор концепции Д. Винникотта) // Школа здоровья. 1997. Т. 4. № 1.
139. Овчинникова Т.А. Понятие и структура института юридической ответственности // Образование и право. 2022. № 2.
140. Оморев Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-management. 2020. № 1.
141. Остроумов Н.В. Искусственный интеллект в праве: обзор существующих концепций правового регулирования отношений с участием носителя искусственного интеллекта // Законность и правопорядок. 2021. № 3 (31).
142. Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. № 9.
143. Подузова Е.Б. Субъекты и квазисубъекты цифровых-отношений: нотариальные и цивилистические аспекты // Нотариальный вестник. 2021. № 11.
144. Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 4.
145. Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Том 16. № 6.

146. Понкин И., Редькина А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Авторское право и смежные права. 2018. № 2.
147. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1.
148. Пономарева Е.В. Методологические проблемы разграничения субъектов права и квазиправовых субъектов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4.
149. Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11.
150. Попова А.В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61).
151. Попова А.В., Горохова С.С., Азнагулова Г.М. Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57).
152. Рожкова М.А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? [Электронный ресурс] // Zakon.ru. 2019. 23 ноября. URL:
https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty__chto_eto_takoe_ili_kto_eto_takie (дата обращения: 31.05.2024).
153. Свиридова Е.А., Рахматулина Р.Ш., Шайдуллина В.К., Горохова С.С., Лапина М.А. Вопросы экономико-правовой ответственности при применении технологий искусственного интеллекта в угольной отрасли // Уголь. 2020. № 7.
154. Серова О.А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. 2018. № 3.

155. Скребнева Н.А. Понятие юридической ответственности: доктринальные подходы // Вестник Академии права и управления. 2017, № 2(47).
156. Смирнов Д.А. О понятии принципов права // Общество и право. 2012. № 4(41).
157. Смирнова А.Р. О структуре ответственности // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. Вып. 4.
158. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2.
159. Степанова А.В. Проблематика правосубъектности искусственного интеллекта // Символ науки. 2020. № 2(12).
160. Толстик А.В. От плюрализма понимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9.
161. Трешестова Д.А., Абриков В.С., Степанов А.Г. Проблема становления системы взаимодействия организационных структур естественного и искусственного интеллектов в информационном обществе // Вестник ЧГУ. 2012. № 1.
162. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 3.
163. Федорина А.А. К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта // Бизнес и право. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2018. № 4.
164. Федоров В.Г. Понятие юридической ответственности и ее регулятивно-охранительная природа // Государство и право. 2009. № 9.
165. Федорук Е.О. Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав // Труды по интеллектуальной собственности: Научный журнал кафедры ЮНЕСКО ВШЭ по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Том 41. 2022. № 2.

166. Федорук Е.О. Вариативность элементов состава юридической ответственности с участием носителей искусственного интеллекта // Образование и право. 2024 год. № 5.
167. Федорук Е.О. Вопросы авторства, связанные с искусственным интеллектом: международная правоприменительная практика // Труды по интеллектуальной собственности: Научный журнал кафедры ЮНЕСКО ВШЭ по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Том 45. 2023. № 2.
168. Федорук Е.О. Концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения искусственного интеллекта // Юридическая наука. 2024. № 7.
169. Федорук Е.О. О наделении искусственного интеллекта авторскими правами: мнения, критерии, тенденции в науке и международной правоприменительной практике // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов X Международного юридического форума (IP Форума): в 2 т. Т. 2. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022.
170. Федорук Е.О. О проблемах ответственности искусственного интеллекта в связи с неопределенностью его правового статуса // Сборник материалов III Международной конференции молодых ученых «Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее». / ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», г. Москва, 28 октября 2021 г. / под ред. О.А. Флягиной. – М.: ФГБОУ ВО РГАИС, 2021.
171. Федорук Е.О. Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта в контексте юридической ответственности // НАУКА, ОБЩЕСТВО, ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (17 ноября 2022 г.). – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022

172. Федорук Е.О. Эволюция понимания аспектов авторства, связанных с применением искусственного интеллекта, в США // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. № 2.
173. Хаснутдинов Р.Р. Структура системы юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4.
174. Хворостов А.Ю. О первичности в праве // Проблемы современного правопонимания. Материалы научно-методологического семинара 11-13 октября 2006 года / Под общей редакцией Т.И. Козловой. СПб.: ИПП, 2007.
175. Чистяков А.А. Структура уголовной ответственности // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2(89).
176. Чистяков А.А. Элементы состава уголовной ответственности (к постановке проблемы) // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86).
177. Чуева У. Новая глава в защите авторского права [Электронный ресурс] // Zakon.ru. 2020. 09 октября. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/9/za_iskusstvennym_intellektom_priznali_avtorskie_prava (дата обращения: 31.05.2024).
178. Чумакова Е.В., Лукьянова С.П. Структура ответственности в контексте экзистенциального выбора личности // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 18. Серия «Психология». Вып. 5.
179. Шевцова С.Р. Искусственный интеллект как юридическое лицо // Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция «Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты» (г. Москва, 08 декабря 2021 г.) М.: АНО ВО «Российский новый университет», 2021.
180. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2.
181. Щербаков М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы //

Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3.

182. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3.

Монографии, учебники, учебно-методические издания, словари и другие книги

183. Bellman R. Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? San Francisco, 1978.

184. Claussén-Karlsson M. Artificial Intelligence and the External Element of the Crime: An Analysis of the Liability Problem. Örebro University. 2017.

185. Dempsey James X. Artificial Intelligence: An Introduction to the Legal, Policy and Ethical Issues. Berkeley Center for Law & Technology, 2020.

186. Dennett, Daniel. Consciousness Explained (ed. by Allen Lane). London: The Penguin Press. 1991. [Электронный ресурс] // Semantic Scholar.org: информ.-справочный портал. 2016. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Consciousness-Explained-Daniel-C-Dennett-Dennett/8d650ceb0246da0f38fa23fc554d57fa827e8a9a> (дата обращения: 31.05.2024)

187. Erikson E.H. Childhood and Society. New York, 1963. 2nd ed.

188. Hallevy G. When Robots Kill: Artificial Intelligence under Criminal Law. University Press of New England, 2013.

189. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, 1990.

190. Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice. Ed. Bart Custers, Eduard Fosch-Villaronga. – Information Technology and Law Series. Vol. 35. T.M.C. Asser Press, The Hague, The Netherlands, 2022.

191. Luger G.F., Stubblefield W.A. Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving. San Francisco, 1993.

192. Oxford Learner's Dictionary of Academic English (OLDAE) [Электронный ресурс] // Oxford Learner's Dictionaries: информ.-справочный портал. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 31.05.2024).
193. Pagallo U. The Law of Robots: Crimes, Contracts, and Torts. New York, London, 2013.
194. Searle John R. Mind: A Brief Introduction. Oxford. 2004.
195. Searle J. Minds, Brains, and Programs // The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M. (ed.) Oxford, 1990.
196. Winston P.H. Artificial Intelligence. Massachusetts, 1992.
197. Yampolskiy R.V. Human indignity: From Legal AI Personhood to Selfish Memes // Machine Law, ethics, and morality in the age of Artificial intelligence / ed. By S.J. Thompson. Hershey, 2021.
198. Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. М.: Финансовый контроль, 2004.
199. Актуальные проблемы теории государства и права: учебник / коллектив авторов; отв. ред. В.Д. Перевалов. М.: ЮСТИЦИЯ, 2021.
200. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
201. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
202. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х томах. Т. 2. М., 1982.
203. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001.
204. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М., 2021.
205. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: глоссарий понятий. М., 2021.
206. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. М., 2021.

207. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] // SLOVARonline. URL: <https://bse.slovaronline.com/31502-PONYATIE> (дата обращения: 31.05.2024)
208. Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб: Юрид. центр «Пресс», 2008.
209. Бочаров В.В. Антропология возраста: Учеб. пособие. СПб., 2001.
210. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001.
211. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
212. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: РАП, 2008.
213. Волков А.В. Искусственный интеллект. От компьютеров к киборгам. М., 2020.
214. Вопленко Н.Н. Правонарушения и юридическая ответственность. Волгоград, 2005.
215. Гойман-Червонюк В.И. Очерк теории государства и права. М., 1996.
216. Государство и право в новой цифровой реальности: монография / под общ. Ред. д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова. М., 2020.
217. Гревцов Ю.И. Лекции по общей теории права учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019.
218. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. (Социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
219. Дигесты Юстиниана. Том I. Книги I-IV / Перевод с латинского; Отв. Ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002.
220. Душкин Р. Искусственный интеллект. М. 2019.
221. Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. Наук, проф. Д.А. Пашенцева. М., 2021.

222. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие для вузов. М., 2004.
223. Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / под ред. Д. Хэвен; пер. с англ. О.Д. Сайфутиновой. М., 2019.
224. Каку М. Физика невозможного. М. 2014.
225. Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М., 1997.
226. Карягин К.М. Конфуций. Его жизнь и философская деятельность. СПб: Типография Ю. Н. Эрлих, 1891.
227. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004.
228. Любашиц В.Я. Теория государства и права / В.Я. Любашиц, М.Б. Смоленский, В.И. Шепелев. М., 2006.
229. Малейн Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 1968.
230. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.
231. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Учебник. М. Юристъ, 2004.
232. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник с учебно-методическими материалами. М., 2009.
233. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987.
234. Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010.
235. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография. М., 2017.
236. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учеб. для юрид. вузов и фак. М., 1999.

237. Общая теория государства и права: Академ. курс: В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М., 2002.
238. Ореховский А.И. Философия ответственности: монография. Новосибирск: Изд-во СибГУТИ, 2013.
239. Основы государства и права: Учебное пособие. Под науч. ред. В.А. Ржевского, В.Т. Гайкова. Ростов-на-Дону, 1996.
240. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие / Е.В. Боровская, Н.А. Давыдова. 4-е изд., электрон. М., 2020.
241. Остроух А.В. Введение в искусственный интеллект: монография. Красноярск, 2020.
242. Паскуале Ф. Новые законы робототехники: апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта / Пер. с англ. А. Королева, под научной редакцией С. Щукиной. М., 2022.
243. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. Учебник. Санкт-Петербургский государственный университет, 2017.
244. Пономарева Е.В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории: монография / под ред. докт. юрид. наук, доц. С.И. Архипова. М., 2020.
245. Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021.
246. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития: монография / под общ. ред. В.Б. Наумова. СПб., 2020.
247. Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут, 2017.
248. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. /ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М: ПЕР СЭ, 2006.
249. Радько Т.Н. Теория функций права: монография. М: Проспект, 2015.
250. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2014.

251. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход (AIMA-2). М., 2018.
252. Родзин С.И. Искусственный интеллект: Учебное пособие. Таганрог, ИКТИБ ЮФУ, 2015.
253. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012.
254. Сенякин И.Н. Юридическая ответственность // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997.
255. Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М., 2021.
256. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973.
257. Теория государства и права: Учебник / В.К. Щечоев, А.Р. Швандерова. М.: Прометей, 2017.
258. Теория государства и права: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция (бакалавриат) / Н.А. Чертова, И.В. Ершова; Сев. (Арктич.) федер. ун-т. Архангельск: САФУ, 2021.
259. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.
260. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород, 2020.
261. Философская энциклопедия [Электронный ресурс] // Академик: информ.-справочный портал. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7811/АВТОНОМНОСТЬ (дата обращения 31.05.2024).
262. Философские проблемы развития искусственного интеллекта: монография / под ред. А.В. Волобуева, Н.А. Ореховской. М., 2019.

263. Фуллер Лон Л. Мораль права; пер. с англ. М., 2007.
264. Хачатуров Р.Л., Ягутян З.Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995.
265. Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997.
266. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2020.
267. Чернявский А.Г. Юридическая ответственность. М., 2015.
268. Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: Феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. СПб, 2002.
269. Чирков А.П. Ответственность в системе права: учеб. пособие. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 1996.
270. Шилейко В.А. Дискуссии об искусственном интеллекте. М., 1970.
271. Шнайдер С. Искусственный ты: машинный интеллект и будущее нашего разума / Пер. с англ. М., 2022.
272. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М., 2019.

Диссертации и авторефераты диссертаций

273. Бегишев И.Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: Диссертация на соиск. уч.ст. д.ю.н. Казань, 2022.
274. Кожевников А.И. Субъекты юридической ответственности: дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. М., 2004.
275. Лазарева Е.В. Правовое регулирование медицинской деятельности в РФ (Отдельные аспекты теории и практики): дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
276. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004.

277. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. на соиск. ... докт. юр. наук. М., 2018.
278. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: Автореф. дис. на соиск. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019.
279. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: Дис. на соиск. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019.
280. Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: дисс. на соиск. уч. ст. доктора юрид. наук. СПб, 2010.
281. Скребнева Н.А. Юридическая ответственность в публичном и частном праве (вопросы теории и практики): дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. М. 2018.
282. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
283. Чистяков А.А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание: Автореф. дисс. на соиск. ... д.ю.н. Рязань, 2003.

Отчеты, доклады, лекции, информационные материалы и аналитические обзоры

284. Artificial Intelligence and National Security: CRS REPORT [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. Обновлено 10.10.2020. URL: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R45178.pdf>. (дата обращения: 31.05.2024).
285. Bergstein B. What AI Still Can't Do [Электронный ресурс] // MIT Technology Review. February 19, 2020. URL:

- <https://www.technologyreview.com/s/615189/what-ai-still-cant-do/> (дата обращения: 31.05.2024).
286. Hoadley D.S.; Saylor K.M. Artificial Intelligence and National Security // [Электронный ресурс] Congressional Research Service. Обновлено 10.10.2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45178> (дата обращения: 31.05.2024).
287. Dotan R., Rosenthal G., Buckley T., Scarpino J., Patterson L., Bristow T. Evaluating AI Governance: Insights from Public Disclosures. TechBetter, Ethic Grade, 2023 [Электронный ресурс] // Evaluating AI Governance. Executive Summary. URL: https://www.ravitdotan.com/_files/ugd/f83391_80c3f0b6df304e269be67dcd91f01a25.pdf (дата обращения 31.05.2024).
288. Hassler S. Do we have to build robots that need rights? [Электронный ресурс] // IEEE Spectrum (Volume: 54, Issue: 3, March 2017). URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7864739> (дата обращения: 31.05.2024)
289. Machine Bias. There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks by Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu and Lauren Kirchner [Электронный ресурс] // Pro Publica. 2016. 23 мая. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения 31.05.2024).
290. Overview of Artificial Intelligence, by Laurie A. Harris [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. Обновлено 24.10.2017. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10608> (дата обращения: 31.05.2024).
291. Practitioner's Guide to COMPAS Core. March 13, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://archive.epic.org/algorithmic-transparency/crim-justice/EPIC-16-06-23-WI-FOIA-201600805-COMPASPractitionerGuide.pdf> (дата обращения 31.05.2024).
292. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics [Электронный ресурс] // Nishith Desai Associates. 2018: Май. URL:

http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

293. Understanding Artificial Intelligence and Enforcement of Rights With John Zacharia [Электронный ресурс] // THE BRAND PROTECTION PROFESSIONAL. MICHIGAN STATE UNIVERSITY. JUNE 2022. VOLUME 7. NUMBER 2. URL: <https://bpp.msu.edu/magazine/unstanding-ai-and-enforcement-with-john-zacharia-june2022/> (дата обращения: 31.05.2024)
294. Vigdor N. Apple Card Investigated After Gender Discrimination Complaints [Электронный ресурс] // The New York Times. 2019. 10 ноября. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/10/business/Apple-credit-card-investigation.html> (дата обращения 31.05.2024).
295. Vincent J. Apple's credit card is being investigated for discriminating against women [Электронный ресурс] // The Verge. 2019. 11 ноября. URL: <https://www.theverge.com/2019/11/11/20958953/apple-credit-card-gender-discrimination-algorithmsblack-box-investigation> (дата обращения 31.05.2024).
296. Джоши А. Будущее искусственного интеллекта: новые возможности: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60abff489a79472708e629ad> (дата обращения 31.05.2024)
297. Дутта С. Искусственный интеллект для эффективного управления: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60acc1bb9a79475d4649f899>, Вибханшу Абхишек. ИИ без хайпа: реальная польза, сложности и ограничения: лекция [Электронный ресурс] // РБК. Лекции профессоров МВА. URL: <https://pro.rbc.ru/lecture/60acbe789a79475b3e8550ae> (дата обращения 31.05.2024).
298. Кодекс этики в сфере ИИ [Электронный ресурс] // Альянс в сфере искусственного интеллекта. 2021. URL: <https://a-ai.ru/ethics/index.html> (дата обращения 31.05.2024).

299. Мейлер Я. Искусственный интеллект в логистике и производстве: лекция // <https://pro.rbc.ru/lecture/60ac03879a794727cda32c57> (дата обращения 31.05.2024)
300. Регулятивная «песочница» Банка России [Электронный ресурс] // Банк России. 2021. URL: https://cbr.ru/fintech/regulatory_sandbox/ (дата обращения 31.05.2024).

Ресурсы СМИ и периодика в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

301. 8 происшествий, которые произошли из-за беспилотников [Электронный ресурс] // Novate. 2016. URL: <https://novate.ru/blogs/110516/36304/> (дата обращения 31.05.2024)
302. 24 Amazon workers sent to hospital after robot accidentally unleashes bear spray [Электронный ресурс] // ABC news. 2018. 06 декабря. URL: <https://abcnews.go.com/US/24-amazon-workers-hospital-bear-repellent-accident/story?id=59625712> (дата обращения 31.05.2024).
303. \$10 Million Awarded To Family Of U.S. Plant Worker Killed By Robot // Ottawa Citizen. August 11, 1983.
304. Agerholm H. Robot 'goes rogue and kills woman on Michigan car parts production line' [Электронный ресурс] Independent. 2017. 15 марта. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/robot-killed-woman-wanda-holbrook-car-parts-factory-michigan-ventra-ionia-mains-federal-lawsuit-100-cell-a7630591.html> (дата обращения 31.05.2024).
305. Bergen M., Newcomer E. Uber Halts Autonomous Car Tests After Fatal Crash in Arizona [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2018. 19 марта. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-19/uber-autonomous-car-involved-in-fatal-crash-in-arizona> (дата обращения 31.05.2024).
306. Court rules AI-written article has copyright [Электронный ресурс] // China Daily Global. 2020. 01 сентября. URL: <http://www.ecns.cn/news/2020-01-09/detail-ifzsqcrm6562963.shtml> (дата обращения: 31.05.2024)

307. Hagan Sh. Uber Launches Self-Driving Cars in Arizona After California Ban [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2017. 22 февраля URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-21/uber-launches-self-driving-cars-in-arizona-after-california-ban> (дата обращения 31.05.2024).
308. Hatmaker T. Saudi Arabia bestows citizenship on a robot named Sophia [Электронный ресурс] // TechCrunch: информ.-справочный портал. 2017. 26 октября. URL: <https://techcrunch.com/2017/10/26/saudi-arabia-robot-citizen-sophia/> (дата обращения: 31.05.2024).
309. Hernaes O. Would you let a robot secure your financial future? [Электронный ресурс] // Hernaes.com. 2015. 19 августа. URL: <https://hernaes.com/2015/08/19/would-you-let-a-robot-secure-your-financial-future/> (дата обращения: 31.05.2024)
310. Naidoo M. In a world first, South Africa grants a patent to an artificial intelligence system [Электронный ресурс] // Quartz. 2021. 09 августа. URL: <https://qz.com/africa/2044477/south-africa-grants-patent-to-an-ai-system-known-as-dabus/> (дата обращения: 31.05.2024)
311. In a world first, South Africa grants patent to an artificial intelligence system [Электронный ресурс] // The Conversation. 2021. 05 августа. URL: <https://theconversation.com/in-a-world-first-south-africa-grants-patent-to-an-artificial-intelligence-system-165623> (дата обращения: 31.05.2024)
312. Madrigal A.C. Drone Hits Spectators Watching the Running of the Bulls (in Virginia) [Электронный ресурс] // The Atlantic. 2013. 26 августа. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2013/08/drone-hits-spectators-watching-the-running-of-the-bulls-in-virginia/279040/> (дата обращения 31.05.2024).
313. Radford L. 13 Scary Real Life Robot Attacks [Электронный ресурс] // Ranker. 2019. 5 ноября. URL: <https://www.ranker.com/list/real-life-robot-attacks/lyra-radford> (дата обращения 31.05.2024).
314. Robot vacuum cleaner 'attacks' South Korea housewife's hair [Электронный ресурс] // Fanverse.org. 2015. 10 февраля. URL:

- <https://www.fanverse.org/threads/robot-vacuum-cleaner-attacks-south-korea-housewives-hair.1024915/> (дата обращения 31.05.2024)
315. Templeton B. California DMV Shuts Down Cruise Robotaxis Due To Dragging Of Pedestrian [Электронный ресурс] // Forbes. 2023. 24 октября. URL: <https://www.forbes.com/sites/bradtempleton/2023/10/24/california-dmv-shuts-down-cruise-robotaxis-due-to-dragging-of-pedestrian/> (дата обращения 31.05.2024).
316. Авакян Е. В погоне за сверхразумом: Можно ли считать искусственный интеллект автором // Российская газета. 06 февраля 2020 г. № 25 (8079).
317. Андреева А. Футуролог Харари назвал три главные угрозы человечеству в 21 веке [Электронный ресурс] // РБК Тренды. 2020. 04 июня. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e2ef4499a79474925acdf08> (дата обращения: 31.05.2024).
318. В Москве шахматный робот сломал палец мальчику во время шахматного турнира [Электронный ресурс] // Vaza. 2022. 21 июля. URL: <https://t.me/bazabazon/12441> (дата обращения 31.05.2024).
319. Вводится особый режим для цифровых инноваций. Первая в стране программа регуляторных «песочниц» создана в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга: официальный сайт. 2021. 06 октября. URL <https://www.gov.spb.ru/gov/admin/kazarin-sv/news/223487/> (дата обращения 31.05.2024)
320. «Возникла иллюзия, что если у нас будет достаточно данных, мы сможем решить любую задачу». Ректор «Сириуса» Максим Федоров об этике и искусственном интеллекте [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2022. 24 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5479249> (дата обращения 31.05.2024).
321. Громов А., Тодоров В. Восстание машин. Трагедия на заводе Volkswagen и еще четыре случая нападения роботов на людей [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2015. 02 июля. URL:

- https://www.gazeta.ru/tech/2015/07/02_a_6864185.shtml (дата обращения 31.05.2024)
322. Закон красного флага бизнесу [Электронный ресурс] // За рулём. 2013. 05 июля. URL: https://www.zr.ru/content/news/554986-zakon_krasnogo_flaga/ (дата обращения 31.05.2024).
323. Искусственный интеллект дописал незаконченную 10-ю симфонию Бетховена [Электронный ресурс] // Собака: новостной портал. 2021. 6 сентября. URL: <https://www.sobaka.ru/entertainment/music/135178> (дата обращения: 31.05.2024).
324. Лучков И. Робот-полицейский в Вашингтоне: сбил ребёнка, пережил нападение, утопил сам себя в фонтане [Электронный ресурс] // Wylsa.com. 2017. 18 июля. URL: <https://wylsa.com/robocop-dying/> (дата обращения 31.05.2024).
325. Мулина К. Быть или не быть авторским правам искусственного интеллекта? [Электронный ресурс] // Lexology. 2021. 19 мая. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3867c18a-0947-4ce7-b1b0-4d39336d08b2> (дата обращения: 31.05.2024).
326. На смену живым программистам идет искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Ведомости. 2021. 23 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/07/22/879296-zhivim-programmistam> (дата обращения: 31.05.2024).
327. Нилов С. Восстание машин: о чем предупреждают авторы Этического Кодекса роботостроителя [Электронный ресурс] // FURFUR. 2016. 19 сентября. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/218939-robots-at-work> (дата обращения: 31.05.2024)
328. Парадокс Пигмалиона: какое будущее ждет искусственный интеллект в сфере права? (Открытый диалог Елены Авакян и Виталия Кастальского) [Электронный ресурс] // Сфера: информ.-справочный портал ООО «Лигал Академия». 2016-2024 URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/paradoks->

- pigmaliона-kakoe-budushee-zhdet-iskusstvennyi-intellekt-v-sfere-prava (дата обращения: 31.05.2024).
329. Произошла первая авария автопилота Tesla со смертельным исходом [Электронный ресурс] // Хайтек. 2016. 01 июля. URL: <https://hightech.fm/2016/07/01/tesla-crash> (дата обращения 31.05.2024).
330. Пролог к восстанию машин. В Китае робот напал на человека [Электронный ресурс] // The Epoch Times. 2021. 07 мая. URL: <https://www.epochtimes.ru/prolog-vostraniya-mashin-v-kitae-robot-napal-na-cheloveka-99033104/> (дата обращения 31.05.2024).
331. «Регуляторные песочницы» будут создаваться за 180 дней [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 05 сентября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6846474> (дата обращения 31.05.2024).
332. Робот на заводе Volkswagen убил человека [Электронный ресурс] // Хабр. 2015. 02 июля. URL: <https://habr.com/ru/post/381305/> (дата обращения 31.05.2024)
333. Макаренко В. Робот убил сотрудника завода, спутав его с коробкой [Электронный ресурс] // 4PDA. 2023. 09 ноября. URL: https://4pda.to/2023/11/09/420518/robot_ubil_sotrudnika_zavoda_sputav_ego_s_korobkoj/ (дата обращения 31.05.2024).
334. Робот-автомобиль в Лас-Вегасе сбил робота-пешехода [Электронный ресурс] // ИА Красная Весна. 2019. 08 января. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/23f8d9b6> (дата обращения 31.05.2024).
335. Робот-андроид София стала подданной Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // ТАСС: новостной портал. 2017. 26 октября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4680400> (дата обращения: 31.05.2024)
336. То, что робот написал: Эксперты IPQuorum обсудили правовой статус искусственного интеллекта и системы блокчейн // Российская газета: Спецвыпуск – Интеллектуальная собственность. 20 апреля 2018 г. № 85 (7548).

337. Филонова А. Первый робот-гуманоид получил свидетельство о рождении [Электронный ресурс] // Discover24: новостной портал. 2017. 06 февраля. URL: <https://discover24.ru/2017/02/pervyj-robot-gumanoid-poluchil-svidetelstvo-o-rozhdenii/> (дата обращения: 31.05.2024).
338. Цепелева М. «Яндекс» запустил «Балабобу» - сервис с помощью нейросетей дописывает любой текст [Электронный ресурс] // VC.RU. 2021. 17 июня. URL: <https://vc.ru/services/260287-yandeks-zapustil-balabobu-servis-s-pomoshchyu-neyrosetey-dopisyvaet-lyuboy-tekst> (дата обращения: 31.05.2024).